ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

44
2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (647) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Александр Алексеевич Боровков (1931–2026), советский и российский математик, академик Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР, премии имени А. А. Маркова, премии имени А. Н. Колмогорова.

Александр Алексеевич Боровков родился в Москве в семье авиаконструктора. Атмосфера дома, где ценились точность и инженерное мышление, во многом предопределила его будущий путь в науку. С ранних лет Александр проявлял живой интерес к логике и числам: ему нравилось не просто получать ответы, а понимать, как они выводятся, искать закономерности и проверять их на прочность.

Школьные годы ученого пришлись на Великую Отечественную войну и послевоенное время, когда страна остро нуждалась в сильных технических кадрах. Боровков учился с увлечением и особенно выделялся в математике. Учителя отмечали его способность видеть за формулами суть и находить нестандартные подходы к задачам. Эта привычка искать глубинные связи позже стала одной из отличительных черт его научного стиля.

В 1948 году Александр поступил на механико-математический факультет МГУ и попал в среду, где наука была не просто профессией, а образом жизни. Уже в студенческие годы Боровков начал серьезно интересоваться теорией вероятностей — областью, которая сочетает в себе глубокую математическую строгость и широкие прикладные возможности.

После окончания МГУ в 1954 году с отличием Боровков был направлен в спецгруппу на мехмате, связанную с закрытыми подразделениями дешифровки. В аспирантуре его научным руководителем стал Андрей Николаевич Колмогоров, один из крупнейших математиков XX века и основоположник аксиоматического подхода к теории вероятностей. Под его руководством Боровков занялся асимптотикой распределений в граничных задачах для случайных блужданий — проблемой, которую впоследствии блестяще решил.

В 1958 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1963 году — докторскую на тему «Граничные задачи для случайных блужданий».

Ключевым поворотом в его судьбе стал переезд в Сибирь. По рекомендации Колмогорова Боровков отправился в Академгородок в Новосибирске, который в те годы только начал формироваться. С 1960 года он начал работать в Институте математики имени С. Л. Соболева СО АН СССР, где с 1961 по 2003 год возглавлял отдел (позже лабораторию) теории вероятностей и математической статистики.

Боровков внес огромный вклад в популяризацию и систематизацию знаний. Его учебники «Теория вероятностей» и «Математическая статистика» стали классическими пособиями для студентов и аспирантов.

Среди важнейших научных достижений Боровкова — разработка аналитического метода, основанного на факторизационных представлениях преобразований Фурье — Лапласа и асимптотическом анализе в комплексной области. Этот метод позволил получить новые теоремы о больших уклонениях, асимптотических разложениях и поведении случайных процессов. Его результаты нашли применение в теории массового обслуживания, анализе сетей передачи данных и других прикладных областях.

Александр Алексеевич был не только исследователем и педагогом. Он основал журналы Siberian Advances in Mathematics и «Математические труды» и более 20 лет руководил их изданием. Также он входил в редколлегии ведущих научных журналов и руководил диссертационным советом, помогая молодым ученым делать первые шаги в науке.

За свои заслуги Боровков удостоен множества наград, включая Государственную премию СССР, премию Правительства Российской Федерации, премии имени А. Н. Колмогорова и А. А. Маркова РАН, а также ордена «Знак почета», Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Ученый скончался 14 мая 2026 года в возрасте 95 лет. Похоронен на Южном кладбище Новосибирска.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сафин П. Р.
Внесудебные формы защиты прав предпринимателей: проблемы классификации и разграничения смежных правовых механизмов 349

Сахно Е. А.
Обеспечение баланса публичных и частных интересов в налоговых правоотношениях Российской Федерации 354

Сердюков А. Г.
Вексельное судопроизводство в системе особенных родов судопроизводства Российской империи первой половины XIX века 356

Сизова Т. В.
Специальные гарантии по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности: условия применения, меры принуждения, освобождение от ответственности 359

Смирнова Е. И., Тонких М. И.
Влияние введения адвокатской монополии на доступность правосудия для граждан Российской Федерации 365

Соломатин В. О.
Повышенный стандарт доказывания в спорах о сделках с аффилированными лицами в деле о банкротстве 369

Старцева И. И.
Право авторов музыкальных произведений (с текстом или без текста) на вознаграждение при онлайн-показе аудиовизуальных произведений: проблемы регулирования и пути их решения 372

Столяр А. С.
Неюрисдикционная защита патентных прав в России: психологическое давление и обязательная предварительная верификация патентных претензий 376

Тонких М. И., Смирнова Е. И.
Обоснованность указов Президента Российской Федерации о применении мер ответственности к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации 381

Туркин А. М.
Трансформация судебно-медицинской экспертизы в современных условиях: технологии, вызовы и перспективы 384

Хабарова Н. Н.
Проблемы рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц 387

Хаданович К. А.
Государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства: правовые и цифровые аспекты 389

Хожаева М. Н.
Роль участкового уполномоченного полиции в профилактике правонарушений в семейно-бытовой сфере 391

Шафигина А. Р.
Правовые последствия вступления решения суда в законную силу в гражданском и арбитражном процессе 393

Юрко Д. Д.
Обеспечение законности и дисциплины в государственном управлении: научные основы и цифровые технологии 395

ПОЛИТОЛОГИЯ

Хасанова А. А.
Арктический совет и научное сотрудничество в Арктике: институциональная устойчивость в условиях ограниченного участия России (2022–2026 гг.) 399

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Байшарип А. Д.
Влияние регулярного растягивания на гибкость человека 403

Глушков П. Ю., Смывин Р. В.
Физическая подготовка как составляющая профессиональной подготовки курсантов военного института 404

Жанакова Ж. Е.
Влияние утренней зарядки на самочувствие и работоспособность у студентов 406

Ко Д. О.
Синдром эмоционального выгорания у спортсменов: факторы риска и профилактика 408

Кривоносова В. С.
Образ тела и самовосприятие у спортсменов, занимающихся эстетическими видами спорта: анализ русскоязычных исследований 410

Муковозова Д. В.
Утренняя гимнастика как фактор повышения умственной и физической работоспособности студентов 412

Снегирева П. С.
Нейробиологические механизмы и эмпирические данные о влиянии физической активности на когнитивные способности 414

Стрюкова С. В., Лешукова Т. А., Бритвин В. В.
Анализ травматизма на тренировках по легкой атлетике и способности спортсменов оказать первую помощь при травме конечности 416

Шишков А. С.
Лыжная подготовка военнослужащих: проблемы и направления исследований 418

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Внесудебные формы защиты прав предпринимателей: проблемы классификации и разграничения смежных правовых механизмов

Сафин Павел Радикович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается проблема классификации форм защиты прав предпринимателей в российском праве. Обосновывается, что традиционное деление форм защиты на судебные и внесудебные не позволяет в полной мере раскрыть правовую природу отдельных механизмов, используемых при разрешении споров. Автор предлагает классификацию форм защиты прав предпринимателей по институциональному и функциональному критериям, включающую судебные юрисдикционные формы, внесудебные неюрисдикционные формы, внесудебные публично-правовые формы и внесудебные смешанные формы. Особое внимание уделено двойственной природе третейского разбирательства, которое не может быть полностью отнесено ни к классическим неюрисдикционным формам, ни к государственному судопроизводству. Делается вывод о том, что предложенная классификация позволяет более точно определить место претензионного порядка, переговоров, медиации, нотариальных механизмов, деятельности уполномоченного по защите прав предпринимателей и третейского разбирательства в системе защиты прав предпринимателей.

Ключевые слова: *защита прав предпринимателей, формы защиты, внесудебная защита, претензионный порядок, медиация, третейское разбирательство, нотариат, уполномоченный по защите прав предпринимателей.*

Защита прав предпринимателей является одной из необходимых гарантий свободы экономической деятельности. В соответствии со статьей 34 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [1].

Судебная защита традиционно занимает центральное место в восстановлении нарушенных или оспариваемых прав, однако предпринимательская деятельность требует более гибких механизмов, позволяющих сохранить деловые отношения, обеспечить конфиденциальность, снизить издержки и урегулировать конфликт до обращения в суд. К таким механизмам обычно относят претензионный порядок, переговоры, медиацию, нотариальные действия, обращение к уполномоченному по защите прав предпринимателей, административное обжалование и третейское разбирательство, однако их различная правовая природа не позволяет механически объединять их в единую группу внесудебных форм защиты.

Проблема классификации обусловлена смешением в научной и практической литературе категорий «форма защиты», «способ защиты», «мера защиты», «досудебный порядок», «альтернативное разрешение споров» и «внесудебное урегулирование», что затрудняет определение места конкретного механизма в системе защиты предпринимательских прав. В связи с этим цель статьи состоит в обосновании классификации форм защиты прав предпринимателей по институциональному и функциональному критериям, позволяющей разграничить смежные правовые механизмы, в частности медиацию и третейское разбирательство, различающиеся по правовой природе и юридическим последствиям.

В гражданско-правовой литературе форма защиты определяется через порядок защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов [8]. Развивая данный подход применительно к предпринимательской деятельности, под формой защиты прав предпринимателей следует понимать установленный законом или договором организационно-правовой порядок реализации мер, направленных на предупреждение, урегулирование или разрешение правового конфликта, восстановление нарушенного права либо содействие такому восстановлению.

Форма защиты прав предпринимателей характеризует не саму материально-правовую меру воздействия на нарушителя, а порядок ее реализации, включая процедуру, субъектный состав и юридическое значение результата. Так, взыскание убытков, признание права, пресечение нарушающих действий или восстановление положения, существовавшего до нарушения права, относятся к способам защиты гражданских прав и закреплены в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Однако

один и тот же способ защиты может реализовываться в разных формах: судебной, административной, претензионной, медиативной, третейской или иной внесудебной. Поэтому форма защиты не должна отождествляться со способом защиты: она определяет организационно-правовой порядок, в рамках которого предприниматель реализует материально-правовое требование или получает содействие в его реализации.

Традиционное деление форм защиты на судебные и внесудебные является необходимым, но недостаточным. Оно отражает лишь институциональный критерий — наличие или отсутствие государственного суда как субъекта разрешения спора. Однако оно не отвечает на вопрос о том, являются ли внесудебные формы однородными. Между тем претензионный порядок, медиация, нотариальная защита, административное обжалование и третейское разбирательство различаются настолько существенно, что их объединение в одну группу без внутренних подразделений приводит к методологической неточности.

Поэтому представляется целесообразным использовать одновременно **институциональный** и **функциональный** критерии классификации. Институциональный критерий позволяет определить, какой субъект участвует в защите права: государственный суд, сами стороны, публичный орган, нотариус, уполномоченный по защите прав предпринимателей или третейский суд. Функциональный критерий позволяет определить, какую роль выполняет соответствующий механизм: властное разрешение спора, согласительное урегулирование, содействие защите, обеспечение доказательственной определенности либо вынесение обязательного решения вне системы государственных судов.

С учетом указанных критериев формы защиты прав предпринимателей могут быть классифицированы следующим образом (рис. 1).

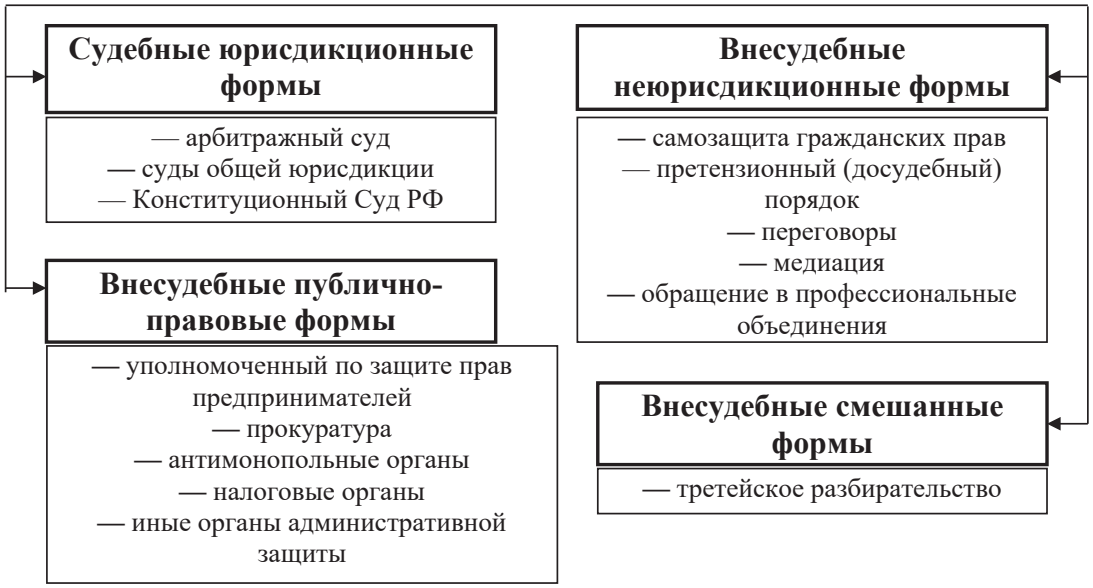

Рис. 1. **Классификация форм защиты прав предпринимателей по институциональному и функциональному критериям**

К судебным юрисдикционным формам защиты прав предпринимателей относятся арбитражный суд, суды общей юрисдикции и Конституционный Суд Российской Федерации. Их объединяет наличие публичной судебной власти, процессуальной формы рассмотрения дела и обязательного судебного акта, принимаемого по результатам разрешения спора.

Для предпринимательских споров основное значение имеет арбитражный суд, который рассматривает экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Судебная защита обладает высокой степенью формализации, процессуальными гарантиями, обязательностью судебного акта и возможностью его принудительного исполнения, однако для предпринимательского оборота она не всегда оптимальна с точки зрения скорости, стоимости, сохранения деловых связей и конфиденциальности, что обусловливает необходимость развития внесудебных механизмов защиты.

К внесудебным неюрисдикционным формам защиты прав предпринимателей относятся самозащита гражданских прав, претензионный досудебный порядок, переговоры, медиация и обращение в профессиональные объединения. Их общим признаком является отсутствие властного разрешения спора внешним субъектом, то есть результат защиты зависит преимущественно от инициативы самих сторон, их готовности к взаимодействию и способности выработать приемлемое решение, а не от обязательного акта, принимаемого независимо от их согласия.

Самозащита гражданских прав предусмотрена статьей 14 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Она предполагает самостоятельные действия лица, чье право нарушено, при условии соразмерности таких действий характеру нарушения и недопустимости выхода за пределы мер, необходимых для его пресечения. В предпринимательской сфере самозащита может выражаться, например, в удержании имущества, приостановлении исполнения обязательства или отказе от исполнения договора в предусмотренных законом случаях.

Претензионный порядок занимает особое место среди внесудебных неюрисдикционных форм, поскольку, с одной стороны, направлен на разрешение спора без обращения в суд, а с другой стороны, в ряде случаев выступает обязательной предпосылкой судебной защиты. В соответствии с частью 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации отдельные гражданско-правовые споры могут быть переданы на разрешение арбитражного суда только после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию [3]. Значение претензионного порядка состоит в том, что он позволяет должнику добровольно удовлетворить требование, снижает вероятность судебного конфликта и одновременно формирует доказательственную базу для последующего обращения в суд. При этом в литературе справедливо обращается внимание на дискуссионность вопроса о содержании обязательного претензионного порядка и моменте, с которого он может считаться соблюденным [13].

Переговоры также относятся к неюрисдикционным формам, поскольку представляют собой непосредственное взаимодействие сторон, направленное на согласование условий урегулирования конфликта. В отличие от претензионного порядка переговоры могут не иметь строгой письменной формы и не всегда порождают процессуальные последствия. Однако для предпринимательского оборота они имеют большое значение, поскольку позволяют сохранить партнерские отношения и избежать эскалации спора.

Медиация является более формализованной неюрисдикционной формой, поскольку предполагает участие независимого посредника — медиатора. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ допускает применение процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе связанным с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности [4]. Однако медиатор не выносит обязательного решения и не разрешает спор по существу — его функция состоит в организации коммуникации и содействии сторонам в достижении взаимоприемлемого соглашения.

Отличие медиации от юрисдикционных процедур состоит именно в активной роли сторон при выработке результата. В литературе справедливо отмечается, что «медиация обеспечивает демократичность процесса и вовлеченность его сторон в принятие решения. Именно вовлеченность обеих сторон процесса в принятие решения является ключевым отличием медиации от других систем урегулирования споров» [12, с. 18]. Это позволяет отнести медиацию к классическим внесудебным неюрисдикционным формам защиты предпринимательских прав.

Обращение в профессиональные объединения также может рассматриваться как неюрисдикционная форма защиты, если такие объединения содействуют урегулированию конфликта, дают заключения, способствуют переговорам или применяют меры профессионального воздействия. Однако такие объединения, как правило, не обладают публично-властными полномочиями и не выносят обязательных решений, сопоставимых с судебными актами.

К внесудебным публично-правовым формам защиты прав предпринимателей относятся обращения к уполномоченному по защите прав предпринимателей, в прокуратуру, антимонопольные, налоговые органы и иные органы административной защиты. В отличие от неюрисдикционных форм такие механизмы предполагают участие публичного субъекта, наделенного специальной компетенцией, но реализуются вне системы правосудия и направлены на содействие восстановлению нарушенного права, пресечение незаконных действий, отмену неправомерных актов или принятие иных мер реагирования.

Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей регулируется Федеральным законом от 07.05.2013 № 78-ФЗ [6], при этом уполномоченный не разрешает частноправовой спор по существу и не выносит обязательного решения, подобного судебному акту. Однако он рассматривает обращения предпринимателей, взаимодействует с органами публичной власти, вправе направлять заключения и использовать иные предусмотренные законом меры содействия защите. Поэтому деятельность уполномоченного следует рассматривать именно как внесудебную публично-правовую форму содействия защите предпринимательских прав.

Прокуратура, антимонопольные органы, налоговые органы и иные органы административной защиты также могут играть важную роль в защите прав предпринимателей. Например, предприниматель может обжаловать действия или решения налогового органа, обратиться в антимонопольный орган при нарушении правил конкуренции, направить обращение в прокуратуру при наличии признаков нарушения закона. В каждом из этих случаев речь не идет о частноправовом согласовании интересов сторон, но при этом задействуются публичные механизмы урегулирования.

К данной группе следует отнести и нотариальные механизмы, поскольку нотариат в Российской Федерации действует от имени государства и направлен на обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Согласно статье 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариат призван обеспечивать защиту прав и законных интересов путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации [5].

Нотариат не разрешает спор по существу, но обеспечивает юридическую определенность, предупреждает конфликты, удостоверяет юридически значимые факты и документы, а в отдельных случаях создает предпосылки для более оперативной защиты права. Поэтому его следует рассматривать как внесудебную публично-правовую форму охраны и содействия защите прав предпринимателей.

Особого внимания заслуживает третейское разбирательство. В предложенной классификации оно отнесено к **внесудебным смешанным формам защиты, что** обусловлено его двойственной правовой природой.

С одной стороны, третейское разбирательство является внесудебным, поскольку осуществляется не государственным судом, а третейским судом, компетенция которого возникает на основании соглашения сторон. Передача спора в третейский суд основана на автономии воли участников гражданского оборота, и именно это, договорное основание, отличает третейское разбирательство от государственного правосудия.

С другой стороны, третейское разбирательство нельзя полностью отнести к неюрисдикционным формам, таким как переговоры или медиация. В отличие от медиации третейский суд разрешает спор по существу и принимает решение, обязательное для сторон, что придает третейскому разбирательству юрисдикционные признаки, несмотря на его внесудебный характер.

Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» закрепляет правовые основы арбитража, порядок формирования состава третейского суда, требования к арбитражному соглашению, правила разбирательства и принятия арбитражного решения [7]. Тем самым законодатель формирует специальный правовой режим, отличающий третейское разбирательство как от судебной защиты, так и от согласительных процедур.

Двойственная природа третейского разбирательства подтверждается и в научной литературе. В частности, Г. В. Севастьянов характеризует третейское разбирательство как «неоднородный институт, включающий как элементы договорного порядка по происхождению, так и элементы процессуального порядка по своему характеру и динамике развития отношений его участников» [10, с. 21]. Данная позиция имеет принципиальное значение для классификации, так как третейское разбирательство не может быть сведено только к частноправовому соглашению сторон, поскольку его результатом является разрешение спора в процедурной форме.

Т. В. Летута также обращает внимание на дискуссионность понятия и правовой природы третейского суда [9, с. 76–83]. Это дополнительно подтверждает, что третейское разбирательство занимает промежуточное место между государственным судопроизводством и неюрисдикционными внесудебными механизмами.

Следовательно, третейское разбирательство следует квалифицировать как внесудебную смешанную форму защиты прав предпринимателей. Ее смешанность выражается в том, что основание возникновения компетенции имеет частноправовой характер, а функция разрешения спора и итоговое решение обладают юрисдикционными признаками. Иными словами, третейское разбирательство является внесудебным по институциональному критерию, но юрисдикционным по функциональному критерию.

Такое понимание позволяет избежать двух методологических ошибок. Первая ошибка состоит в полном отождествлении третейского разбирательства с медиацией, переговорами и претензионным порядком. Вторая ошибка состоит в полном приравнивании третейского разбирательства к государственному судопроизводству. Именно поэтому наиболее обоснованным является промежуточный подход, при котором третейское разбирательство выделяется в самостоятельную смешанную форму защиты.

Для предпринимателей это имеет практическое значение, так как третейское разбирательство может быть привлекательным благодаря специализации арбитров, конфиденциальности, гибкости процедуры и возможности выбора компетентного органа разрешения спора. Вместе с тем оно требует предварительного арбитражного соглашения, связано с расходами и не всегда обеспечивает такую же степень доступности, как претензионный порядок или переговоры. Кроме того, в случаях необходимости принудительного исполнения решения третейского суда предприниматель вынужден обращаться к государственному суду за выдачей исполнительного листа.

Таким образом, предложенная классификация является оптимальной по нескольким причинам.

Во-первых, она позволяет разграничить формы защиты не только по признаку участия или неучастия государственного суда, но и по функциональной роли конкретного механизма, что особенно важно для предпринимательских споров, где различные формы защиты могут применяться последовательно, то есть сначала переговоры или претензия, затем медиация, после чего третейское или судебное разбирательство.

Во-вторых, классификация позволяет избежать смешения форм, способов и процедур защиты. Например, претензионный порядок не является способом защиты в материально-правовом смысле, но выступает формой внесудебного урегулирования и одновременно процессуальной предпосылкой обращения в суд, при этом медиация не является способом властного разрешения спора, но представляет собой самостоятельную процедуру согласительного урегулирования, как и нотариат не заменяет суд, но обеспечивает публично-правовое содействие охране и защите прав.

В-третьих, классификация раскрывает специфику третейского разбирательства, которое невозможно корректно отнести ни к классическим внесудебным неюрисдикционным формам, ни к судебным юрисдикционным формам. Выделение третейского разбирательства в само-

стоятельную смешанную группу позволяет точнее описать его правовую природу и практическое значение для предпринимателей.

В-четвертых, предложенная модель имеет прикладное значение ввиду того, что предприниматель может выбирать форму защиты в зависимости от характера нарушения, субъекта конфликта, степени необходимости публичного вмешательства, желаемой скорости урегулирования, уровня конфиденциальности и потребности в обязательном результате. Так, например, если цель состоит в сохранении деловых отношений, целесообразны переговоры или медиация, а если необходимо соблюсти обязательную предпосылку обращения в суд, используется претензионный порядок. При этом, если нарушение связано с действиями публичного органа, эффективным может быть административное обжалование или обращение к уполномоченному, а если стороны заранее согласовали передачу спора независимому негосударственному органу, применимо третейское разбирательство.

В-пятых, классификация учитывает различие между эффективностью процедуры и исполнимостью ее результата. Претензионный порядок может быть быстрым и дешевым, но не гарантирует добровольного удовлетворения требований. Медиация может привести к взаимовыгодному решению, но ее результат зависит от добросовестности сторон. Нотариальные механизмы повышают доказательственную определенность, но не всегда устраняют спор. Третейское разбирательство завершается обязательным решением, но его принудительное исполнение связано с участием государственного суда.

Таким образом, предложенная классификация позволяет рассматривать внесудебные формы защиты прав предпринимателей не как однородную совокупность альтернатив судебной защите, а как систему различных по правовой природе механизмов. Ее значение состоит в том, что она разграничивает согласительные процедуры, публично-правовые способы содействия защите и смешанные формы, к которым относится третейское разбирательство. Такой подход позволяет точнее определить место каждого механизма в системе защиты предпринимательских прав и обосновать выбор соответствующей формы защиты с учетом характера спора, субъектного состава, необходимости публичного вмешательства и юридической силы ожидаемого результата.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изм. и доп. // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ: с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ: с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1: с изм. и доп. // Российская газета. 1993. № 49.
6. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2305.
7. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1. Ст. 2.
8. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 464 с.
9. Летута Т. В. Понятие, правовая природа третейского суда // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 10 (26). С. 76–83.
10. Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). М.: Статут, 2015. 465 с.
11. Джагарян А. А., Бенедская О. А. Не меньше, чем суд: конституционная природа третейского разбирательства в российской правовой системе // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5 (126). С. 106–125.
12. Новоселова Л. А., Серго А. Г. О перспективах использования медиации для урегулирования конфликтов, связанных с интеллектуальной собственностью // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 6. С. 17–24.
13. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. К дискуссии о претензионном порядке защиты прав // Арбитражные споры. 2023. № 3 (103).

Обеспечение баланса публичных и частных интересов в налоговых правоотношениях Российской Федерации

Сахно Елена Антоновна, студент магистратуры
Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется проблема обеспечения баланса публичных и частных интересов в налоговых правоотношениях Российской Федерации. Рассматриваются властно-имущественная природа налоговых правоотношений, правовой статус налогоплательщика, пределы налогового контроля и гарантии защиты прав участников налоговых отношений. Обосновывается, что эффективная налоговая система должна обеспечивать не только пополнение бюджетов, но и правовую определенность, справедливость и защиту добросовестных налогоплательщиков. Сформулированы предложения по совершенствованию налогового законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: *налоговые правоотношения, баланс интересов, публичный интерес, частный интерес, налогоплательщик, налоговые органы, налоговый контроль, защита прав налогоплательщиков.*

Налоговые правоотношения возникают в сфере формирования публичных денежных фондов и непосредственно затрагивают имущественные интересы физических и юридических лиц. С одной стороны, государство заинтересовано в полном и своевременном поступлении налогов, необходимых для финансирования публичных функций. С другой стороны, налогоплательщик заинтересован в сохранении своей собственности, предсказуемости налоговой нагрузки и защите от необоснованного вмешательства со стороны контролирующих органов.

Проблема баланса публичных и частных интересов имеет фундаментальное значение для налогового права. Налог представляет собой законное, принудительное и безвозмездное изъятие части имущества налогоплательщика в публичных целях, что изначально предопределяет разнонаправленность интересов государства и частных лиц. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает публично-правовой характер конституционной обязанности уплачивать законно установленные налоги и сборы [3]. Поэтому задача законодателя и правоприменителя состоит не в абсолютном приоритете одного интереса над другим, а в установлении соразмерного соотношения между фискальными потребностями государства и гарантиями прав налогоплательщиков.

Цель статьи состоит в выявлении правовых средств обеспечения баланса публичных и частных интересов в налоговых правоотношениях и определении направлений его совершенствования.

Налоговые правоотношения — это урегулированные нормами налогового права общественные отношения, возникающие между государством в лице уполномоченных органов и иными участниками налоговых отношений по поводу установления, введения и взимания налогов и сборов, а также осуществления налогового контроля и привлечения к налоговой ответственности.

Данные правоотношения носят публично-правовой и властно-имущественный характер. Государство выступает носителем публичного интереса, а налогоплательщик — носителем частного интереса, связанного с распоряжением принадлежащим ему имуществом. При этом налоговое правоотношение не сводится к одностороннему властному подчинению: налогоплательщик обладает правами, а налоговые органы связаны требованиями законности, обоснованности и соблюдения установленных процедур.

Публичный интерес в налоговых правоотношениях выражается в обеспечении устойчивого поступления доходов в бюджетную систему, справедливом распределении налоговой нагрузки и противодействии уклонению от уплаты налогов. Частный интерес проявляется в праве налогоплательщика на защиту своей собственности, получение достоверной информации, применение налоговых льгот, обжалование решений налоговых органов и судебную защиту.

Публичный интерес предполагает формирование доходной базы бюджетов, финансирование социальных, оборонных, правоохранительных и иных общегосударственных функций. Для его реализации законодательство наделяет налоговые органы полномочиями по проведению проверок, истребованию документов, контролю правильности исчисления налогов и применению мер налогового принуждения.

Частный интерес налогоплательщика заключается в минимизации необоснованных изъятий, сохранении финансовой устойчивости и возможности свободно осуществлять предпринимательскую и иную не запрещенную законом деятельность. В научной литературе отмечается, что признание безусловного приоритета публичного интереса может препятствовать построению отношений между государством и налогоплательщиком на началах сотрудничества и доверия [4].

Противоречие между данными интересами наиболее ярко проявляется в ситуациях налогового контроля, привлечения к ответственности, доначисления налогов и разрешения налоговых споров. Однако такое противоречие не должно приводить к подавлению частного интереса: налоговая обязанность должна быть законно установленной, определенной и соразмерной.

Баланс публичных и частных интересов обеспечивается совокупностью материальных и процессуальных гарантий.

Во-первых, важнейшим средством является принцип законности установления налогов. Налог считается законно установленным лишь тогда, когда определены налогоплательщики, объект налогообложения, налоговая база, налоговый период, ставка, порядок исчисления и сроки уплаты налога. Это ограничивает произвольное расширение налоговой обязанности.

Во-вторых, баланс обеспечивается через принципы справедливости, экономического основания и недискриминационного характера налогов. Налоговая нагрузка должна распределяться с учетом фактической способности лица уплачивать налог, а налоговые льготы и специальные режимы — применяться на основе ясных и доступных критериев [2].

В-третьих, существенное значение имеют процессуальные гарантии налогоплательщика. Налоговый кодекс Российской Федерации гарантирует налогоплательщикам административную и судебную защиту их прав и законных интересов. Налогоплательщик вправе представлять пояснения и документы, участвовать в рассмотрении материалов налоговой проверки, обжаловать акты налоговых органов в вышестоящий орган или суд.

В-четвертых, балансу способствует институт досудебного урегулирования налоговых споров. Он позволяет устранить ошибки и разногласия без обращения в суд, снижает конфликтность налоговых отношений и создает условия для диалога между налогоплательщиком и налоговым органом.

Несмотря на наличие правовых гарантий, в практике сохраняются проблемы, влияющие на равновесие интересов сторон.

Первая проблема связана с оценочным характером отдельных норм. Неопределенность понятий, используемых при квалификации хозяйственных операций, может приводить к различному толкованию налоговых обязанностей и увеличению числа споров.

Вторая проблема заключается в риске формального подхода налоговых органов к оценке документов и обстоятельств деятельности налогоплательщика. При проведении контроля необходимо учитывать не только фискальный результат, но и добросовестность налогоплательщика, реальность хозяйственных операций и разумность его поведения.

Третья проблема обусловлена цифровизацией налогового администрирования. Автоматизированные формы контроля повышают эффективность администрирования, однако требуют надежной защиты налоговой тайны, персональных данных и права налогоплательщика на исправление технических и учетных ошибок. Исследования цифровизации налоговых правоотношений подчеркивают необходимость правовой регламентации новых инструментов контроля и обмена данными.

Для усиления баланса публичных и частных интересов целесообразно:

— повышать определенность налоговых норм, устраняя избыточно оценочные формулировки;

— закреплять понятные критерии добросовестности и разумности поведения налогоплательщика;

— развивать механизмы досудебного урегулирования налоговых споров;

— обеспечивать мотивированность решений налоговых органов и прозрачность контрольных процедур;

— устанавливать дополнительные гарантии при использовании автоматизированных форм налогового контроля;

— учитывать правоприменительную практику Конституционного Суда Российской Федерации и высших судебных инстанций при формировании единообразного подхода к разрешению налоговых споров.

Такие меры позволят сохранить фискальную эффективность налоговой системы и одновременно укрепить доверие налогоплательщиков к государству.

Обеспечение баланса публичных и частных интересов является одним из ключевых условий эффективного функционирования налоговых правоотношений. Государство вправе привлекать налогоплательщиков к участию в финансировании публичных расходов, однако реализация этого права должна быть основана на законе, справедливости, соразмерности и уважении к имущественным правам частных лиц.

Оптимальная модель налоговых правоотношений предполагает не подчинение частного интереса публичному, а их согласование. Дальнейшее развитие налогового законодательства должно быть направлено на повышение правовой определенности, развитие диалоговых механизмов разрешения споров и укрепление гарантий защиты добросовестных налогоплательщиков.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года "О федеральных органах налоговой полиции"» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12790/.

4. Гильмутдинова, А. Ф. Налоговое право: баланс частного и публичного интереса / А. Ф. Гильмутдинова // Вестник науки. — 2023. — № 3. — С. 133–139. — URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/34713/1/chvebbt-sipi_2023_133_139.pdf.
5. Баланс публичных и частных интересов в налоговом праве: монография. — Москва: Статут, 2023. — 484 с. — URL: https://www.estatut.ru/catalogue/books/finansovoe-pravo/nalogovoe-pravo/balans-publichnyh-i-chastnyh-interesov-v-nalogovom-prave-monografiya/.
6. Щекин, Д. М. Баланс публичных и частных интересов в налоговом праве: автореферат дис. … д-ра юрид. наук / Д. М. Щекин. — Москва, [б. г.]. — URL: https://www.dissercat.com/content/balans-publichnykh-i-chastnykh-interesov-v-nalogovom-prave.

Вексельное судопроизводство в системе особенных родов судопроизводства Российской империи первой половины XIX века

Сердюков Алексей Григорьевич, старший преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье раскрывается специфика вексельного судопроизводства как одного из особенных родов судопроизводства в Российской империи первой половины XIX века. На основе нормативных актов и материалов судебной практики показана система специальных правил, определявших подведомственность, порядок предъявления требований, обеспечение и взыскание по векселям. Особое внимание уделено критериям отнесения вексельных дел к категории «особенных»: наличию специального законодательства, строгому формализму документа, ограниченному кругу надлежащих участников, особым процессуальным действиям (нотариальный протест, опись и продажа имущества), а также смешанному характеру процедур, сочетавших административно-полицейские и судебные механизмы. Показано, что вексельное производство представляло собой не просто разновидность гражданского спора, а самостоятельный правовой режим с отраслевой и процедурной спецификой, отражавшей развитие торгового оборота и институтов коммерческого правосудия в дореформенный период.

Ключевые слова: *вексельное судопроизводство, особенное производство, Вексельный устав, коммерческие суды, дореформенное право, Свод законов 1832 г.*

Законодательство Российской империи дореформенного периода включало в себя понятие обычных и особенных родов судопроизводства, разные модели для различных категорий дел и сословий. В первой половине XIX века особенное судопроизводство разделялось по: территориальному признаку, по субъектам, по предмету спора, а также имело сословные и смешанные формы.

К особенным родам (видам) судопроизводства по предмету спора относились вексельные дела, коммерческие споры, дела о коннозаводских крестьянах, дела по привилегиям и жалованным грамотам. Для вексельного судопроизводства в Российской империи сложилась своя процедура, регулируемая специальными правилами, инстанциями и особыми процессуальными инструментами, которые не применялись в обычных гражданских делах. Правовое регулирование вексельное производство получило еще в начале XVIII века, во время правления Петра I, а в 1729 г. Петром II был принят первый Вексельный Устав [1, т. 8. № 5410], который опирался на немецкое право [6, с. 127–128]. В законодательстве XVIII века четкое регулирование взыскания за правонарушения, связанные с оборотом векселей, прописано не было. В Полном собрании законов Российской империи нами было найдено несколько сенатских указов о взыскании «по вексельным претензиям» [1, т. 18, № 13218; т. 19, № 13557, 13618], согласно которым в то время окончательное разрешение споров оставалось за Сенатом, по результатам рассмотрения дел в магистратах и Коммерц-Коллегии.

Учреждением для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. рассмотрение вексельных тяжб между купцами и мещанами окончательно было возложено на магистраты, ратуши, и подчиненные им словесные и сиротские суды [1, т. 20, № 14392]. Как отмечают исследователи, количество таких жалоб/тяжб в конце XVIII — первой четверти XIX века неуклонно возрастало. Иск подавался или через городского нотариуса, или словесного или сиротского судьи [5, с. 289], с обязательным уточнением сословной принадлежности сторон. Не могли вступать в обязательства лица духовного звания; крестьяне, не имевшие недвижимого имущества; нижние чины всех ведомств. Определенные ограничения налагались и на лиц женского пола: не имели права давать векселя замужние женщины. В случае выдачи векселя ненадлежащим лицом, он не признавался векселем, но само лицо не освобождалось от ответственности. При этом рассмотрение дела должно было проходить в рамках гра-

жданского судопроизводства. Об этом свидетельствуют и законодательные акты начала XIX века.

Так, в деле «девицы Ольги и брата ее Полковника Кирилы Тухачевских о иске из них, первой вексельной претензии, оспариваемой сестрой ее Обер-Секретаршею Корчугановой», Сенатом было четко прописано: «все вексельные дела другого начала иметь не могут, на основании Высочайших о Губерниях Учреждений, кроме предъявления их, в случае неплатежа, ко взысканию в Губернское Правление, из коего те только поступают в судилища… Рассмотрение же сие происходит не иначе, как порядком, для течения гражданских дел установленным» [1, т. 28, № 21655].

Вексельному обращению была посвящена Глава III Устава государственного коммерческого банка 1817 года [1, т. 34, № 26837], в соответствии с §46 которой векселя предоставлялись к учету посредством маклера, а надежность векселя определялась векселедателем и двумя надежными подписантами (§48). В случае просрочки векселя, деньги взыскивались с «векселедателя, переводителя, подписателя или предъявителя» в соответствии с Вексельным уставом 1729 г. (§§55–58). Это означало, что банк сообщал гражданскому начальству о наложении секвестра на имения этих лиц, часть которого, соразмерная долгу, продавалась публичным торгом с возвратом вырученных денег в банк (§§59–60).

§60 Устава: «Из секвестрованного имения соразмерная часть долга немедленно продается с публичного торга установленным порядком, и деньги, сколько их ко взысканию по векселю следует, отсылаются в Коммерческий Банк», в 1831 г. был дополнен в указе от 28 мая «О дополнительных правилах к Уставу Коммерческого Банка» [2, т. 6, № 4600]. Во втором разделе указа предписывалось присутственным местам (а конкретно губернским стряпчим) «удовлетворять требования Банка немедленно чрез продажу имения должника» (п. 7). Порядок действия по взысканию денежных средств был также установлен в этом правовом акте: в случае невнесения денежных средств по векселю, банк должен был уведомить губернское правление о предстоящем взыскании, и «отряжает от себя Чиновника с отношением в Управу Благочиния, об откомандировании Полицейского Чиновника… для опечатывания имущества и бумаг должника» (п. 11). На следующий день производилась опись имущества должника, при которой, помимо полиции, в обязательном порядке присутствовали «Директор от купечества Коммерческого Банка» и один член магистрата (п. 13–14).

Порядок описи, оценки и публичной продажи имуществ был зафиксирован в главе первой второго раздела Книги VII Т. X Свода законов Российской империи 1832 года, согласно нормам которой опись, оценка и публичная продажа имущества назначалась или по приговорам судебных мест, или по распоряжению «мест и лиц Правительственных» [3, с. 667–669], в нашем случае — местных губернских правлений, которые принимали решение о взысканиях по векселям.

В первой четверти XIX века вексельные споры разбирались в нескольких инстанциях, в зависимости от места спора и его обстоятельств. Это положение было закреплено в указе от 28 декабря 1821 г. «О производстве дел по вексельным и другим долговым обязательствам» [1, т. 37, № 28853]. В нем было отмечено, что существующий порядок, при котором иски по векселям предъявляются сначала в губернское правление, а оттуда передаются «бесспорные в места Полицейские, а спорные в места Судебные», приводит к «медленности, от сего возникающей». В связи с этим было постановлено, что истцы и иные просители по вексельным и иным долговым обязательствам, не обращаясь в губернское правление, должны были сразу обращаться для взыскания по векселю в «полицейское место», из которого, в случае спора, обязательство отсылалось в судебный орган, «к разбирательству коего иск принадлежит». Такими судами являлись магистраты, ратуши, особые отделения при управах благочиния (в Москве и Санкт-Петербурге), общие судебные инстанции и Сенат. Позже, с 1832 года, эта категория дел стала рассматриваться в коммерческих судах.

25 июня 1832 г. был принят Устав о векселях [2, т.7, № 5462]. В п. 1 преамбулы закона было прямо сказано, что там, «где учреждены будут Коммерческие Суды, разбор спорных дел по векселям принадлежит к их ведомству». Там же, где коммерческие суды отсутствуют, разрешения этой категории дела возлагалось на магистраты и ратуши, где они должны были разбираться «на основании настоящего Устава». Это же положение было дальше зафиксировано в §11 Главы I (О составлении, совершении и движении векселей) первого раздела Устава. Согласно §105 Главы I второго раздела Устава (О взысканиях по векселям), взыскание проводилось управой благочиния (§§ 103–118, 134, 135), а в случае ее отсутствия в городе — городническому правлению (городничему или полицеймейстеру), в уезде — земскому исправнику или заседателю в земском суде. Если должник этими органами не мог, ввиду отсутствия, представлен к ответу, то дело передавалось в коммерческий суд.

Подсудность определялась в соответствии с §109: в случае подделки подписи должника, или установлению факта оплаты должником векселя в полном объеме — дело передавалось в уголовный суд; в случае, если вексель был дан ненадлежащим лицом — в коммерческий суд. Решения последнего можно было опротестовать в апелляционном порядке в Правительствующем Сенате (§ 138).

Как указывал П. Цитович, под вексельным иском понимался иск, основанный на векселе, «точнее — иск между данными лицами, из коих одно — векселедержатель векселя в момент предъявления иска, а другое дало свою подпись на векселе». Содержание вексельного иска признавалось двояким: это или требование обеспечения, или требование платежа суммы, «в таком или в ином ее составе и свойстве, смотря потому, предъявляется ли иск по векселю запущенному или же по векселю пропущенному» [7, с. 328].

Иск мог быть направлен или к прямому должнику или его авалисту, или к должнику-поруке, к его авалисту, к акцептанту. П. Цитович также отмечал, что «истцом может быть: или векселедержатель, упустивший протест, или век-

селедержатель, уплативший с протестом или по обратному счету» [7, с.329]. Ответчиком мог быть только должник по векселю или поручитель. Таким образом, закон четко очерчивал круг лиц, которые могли быть участниками вексельного судопроизводства, без отсылок и изъятий.

Особенности вексельного судопроизводства определялось и развитием самого института вексельного права. Основным моментом было рассмотрение споров в рамках торгового (коммерческого) судопроизводства. По Уставу о торговой несостоятельности 1832 г. «все долги несостоятельного, в положенный срок предъявленные» разделялись на три рода. В соответствии с §84 Устава долги по векселям относились ко второму роду: «Ко второму роду долгов причисляются те, коих документы требуют подробнейшего рассмотрения. Сюда принадлежат: 1) Векселя, не имеющие или потерявшие силу вексельного права. 2) Векселя, кои хотя и не потеряли силы вексельного права, но о коих нет в книгах и делах ясных доказательств, чтоб они выданы были за товары, за имущества, за наличные деньги, или по прежним торговым счетам» [2, т. 7, № 5463]. В таких случаях дело подлежало предварительному рассмотрению Конкурсного управляющего, а в случае невозможности удовлетворить истца, дело передавалось на рассмотрение в коммерческий суд.

В первую очередь суд проверял строгую форму векселя, образцы которого также были зафиксированы в приложениях к Уставу о векселях. Исследователи отмечают, что устанавливались следующие обязательные реквизиты векселя: место и дата составления, срок платежа, сумма, наименование плательщика, подпись векселедателя, слово «вексель». В дополнение к этому в переводном векселе требовалось указывать имя плательщика, место его жительства или место платежа, обозначать, первый ли это вексель, второй либо копия. Отсутствие одного из обязательных реквизитов не лишало векселя силы долгового обязательства, но платеж производился только по решению коммерческого суда [4, с. 112].

При этом ответственность за неправильное обеспечение вексельного иска налагалось и на присутственные места, о чем, к примеру, свидетельствует дело «О взыскании пени с 1-го Департамента Магистрата и об учинении выговора Санкт-Петербургскому Губернскому Правлению за неправильное обеспечение вексельного иска по спорным бланковым надписям» [2, т. 6, № 4567] 1831 г. Суть дела: 10 апреля 1828 г. иностранец Лисер представил в управу благочиния Санкт-Петербурга вексель купцов Михаила и Ивана Смирновых, с бланковой подписью купца Ивана Зверкова вексель на сумму 2500 руб., доставшийся ему от биржевого маклера Гаймера. В виду несостоятельности купцов Смирновых, Лисер попросил взыскать деньги по векселю с поручителя. До поступления данного векселя в управу благочиния, купец И. Зверков довел до ее сведения, путем объявления, что 20 марта 1828 г. им была получена от нотариуса Сазонова повестка о поступившем к протесту от купца Кольба векселе в 7000 руб., полученном от купцов Смирновых и с подписью Зверкова. На основании этого следственным приставом было начато разбирательство. Управа благочиния обратилась за разъяснением, следует ли обратить взыскание на имущество Зверкова, в губернское правление, откуда 12 июля 1828 г. был дан ответ: подождать рассмотрение дела следственным приставом. Однако уже в 1829 г., выяснив, что И. Зверков не выступал поручителям по векселям, которых на тот момент набралось на 65 тыс. руб., губернское правление приняло решение, учтя, что один из братьев Смирновых умер, а имущество второго не покрывало сумму исков, все же потребовать обеспечение по векселям от Зверкова: «если бланки на векселях, опровергаемые Зверковым, по совершенном окончании дела, признаны будут правильными, тогда векселедатели могут обратиться с иском и на него Зверкова; почему Магистрат полагает за нужное, потребовать от Зверкова по сим векселям, впредь до решения суда, надлежащее обеспечение, или по крайней мере наложить на имение его запрещение. Но так как указом Губернского Правления от 29 Апреля 1829 года требование такового обеспечения остановлено, то Магистрат и представил о сем на рассмотрение Правления. В следствии чего Губернское Правление 4 Июля 1830 года журналом постановило: предписать 1 Департаменту Магистрата, дабы он, буде по обстоятельствам дела находить непременным нужным требование от Зверкова обеспечения, то бы, не стесняясь предписаниями от 12 Июля 1828 и 29 Апреля 1829 годов Губернского Правления, сделал по сему предмету согласное с существом законов определение». Однако существо законов в данном случае не согласовывалось с конкретными обстоятельствами дела, в связи с чем оно было отменено Правительствующим Сенатом, с возложением взыскания (пени) на магистрат и губернское правление в размере 300 рублей.

Итак, предмет спора вексельного судопроизводства — вексель и его различные формы. Это главное основание его отнесения к особенным родам судопроизводства. К особенным родам судопроизводства вексельное можно отнести и по следующим основаниям: во-первых, наличие специального законодательства, ориентированного на определенную категорию дел.

Особенный вид придавало участие маклеров и протеста: присяжные маклеры обязательно участвовали в выдаче векселей, а в случае возникновения спора ключевым процессуальным шагом был нотариальный протест векселя в неплатеже. Исследователи указывают, что именно этот официальный акт давал векселедержателю право обратиться в суд [7, с. 297–299]. Судебная практика учитывала специфику ценной бумаги, а специфика подведомственности заключалась в спорах в особых инстанциях, в частности, коммерческих судах. Не менее важным являлся крайний формализм и сложность доказывания этой категории дел.

На основании изложенного, можно выделить критерии, по которым вексельное судопроизводство относилось к особым родам производства дореформенной Российской империи. Это, во-первых, специальная нормативная база:

Вексельный устав 1729 г., Устав о векселях 1832 г., положения Устава государственного коммерческого банка 1817 г., Устав о торговой несостоятельности 1832 г. Это не общие нормы гражданского процесса, а правила, адаптированные под специфику ценной бумаги. Во-вторых, особый, строго очерченный, круг участников: векселедержатель, векселедатель, авалист, поручитель, акцептант. Не могли вступать в вексельные обязательства лица духовного звания, крестьяне без недвижимого имущества, нижние чины; не имели права выдавать векселя замужние женщины.

Далее, особые процессуальные действия, из которых ключевым моментом являлся нотариальный протес векселя в неплатеже, без которого право на обращение в суд не возникало. Не менее были важны и специальные процедуры обеспечения иска, в которых обязательно участвовали представители полиции, маклеры, члены магистрата. Строгий формализм документа, а также смешанный характер процедур, сочетавших при взыскании административно-полицейские действия (опись, секвестр и продажу) и судебное разбирательство, детально регламентированные в Своде законов 1832 г., позволяют также сделать вывод о вексельном производстве как самостоятельном правовом режиме с отраслевой и процедурной спецификой.

Литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т.1–45. — СПб, 1830
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.Т.1–55. — СПб, 1830–1844.
3. Свод законов Российской империи. 1832. Законы гражданские и межевые. Ч.1. Законы Гражданские. — СПб, 1832.
4. Бегичев Е. В. Особенности развития вексельного права в Российской империи // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 1(13). С.112.
5. Ефремова И. С., Мошкин А. Н. Развитие вексельного права в Российской империи в XVIII в. (по материалам делопроизводства магистратов Курского Наместничества) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 46 (2).
6. Клюева А. В. Вексельный Устав как правовая форма развития торговых отношений в XVIII веке // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов X Международной научно-практической конференции. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012.
7. Цитович П. Курс вексельного права. — Киев: Тип. И. Н. Кушнеров и К, 1887.

Специальные гарантии по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности: условия применения, меры принуждения, освобождение от ответственности

Сизова Татьяна Вадимовна, студент магистратуры
Московский университет имени А. С. Грибоедова

Рассматриваются условия применения специальных процессуальных гарантий по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, меры принуждения и основания освобождения от ответственности. Показано, что перечни составов в УПК РФ делятся на две группы: для одной гарантии зависят от связи деяния с предпринимательской деятельностью, для другой — нет, поэтому выбор между частями ст. 159 УК РФ определяет и объём гарантий. Обоснованы презумпция предпринимательской связи, правила её установления и вывод о том, что гражданские и арбитражные решения связывают уголовный процесс по фактам, но не по оценкам. Предложены алгоритм судебной проверки ходатайства о заключении под стражу и дополнение ст. 115 УПК РФ об аресте имущества бизнеса. Расчёт показал, что двукратное возмещение в бюджет по ст. 76.1 УК РФ превышает максимальный штраф от 1,7 до более чем 36 раз. Предложено дифференцировать кратность возмещения по тяжести преступления и распространить гарантии на фактических предпринимателей.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность; предпринимательская связь; процессуальные гарантии; мера пресечения; арест имущества; освобождение от уголовной ответственности; мошенничество.*

Введение

Процессуальные механизмы исправляют или закрепляют квалификационные ошибки по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: они определяют, на каких данных возбуждается дело, можно ли заключить лицо под стражу, что происходит с изъятыми документами и арестованным имуществом и когда

возможно освобождение от ответственности. Законодатель в 2023 г. расширил гарантии (Федеральные законы от 13.06.2023 № 217ФЗ [10] и от 02.11.2023 № 524ФЗ [11]), а Верховный Суд РФ уточнил их применение в декабре 2025 г., но остаётся неясным, кто и чем доказывает предпринимательский характер деяния, как учитывать решения по гражданским спорам и какова цена освобождения от ответственности. Цель статьи — выявить условия применения специальных гарантий и предложить правила и изменения закона на основе анализа УПК РФ и УК РФ, актов Конституционного Суда и Пленума Верховного Суда РФ, опубликованной статистики и судебных актов, описанных в литературе (собственная выборка дел не формировалась).

1. Предпринимательская связь как условие применения гарантий

Вывод о предпринимательском характере деяния не меняет статью Особенной части, но определяет процессуальный режим. Перечни составов в ч. 1.1 ст. 108, ст. 81.1 и ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ [12] делятся на две группы. В первую входят составы, которые совершаются и вне бизнеса (мошенничество в его видах, присвоение и растрата, злоупотребление полномочиями в коммерческой организации): гарантии действуют, если деяние совершено индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации в связи с предпринимательской деятельностью либо управлением организацией (пп. 27.1, 27.2 ст. 5 УПК РФ). Во вторую входят ч. 5–7 ст. 159 УК РФ [13] и большинство статей главы 22 УК РФ, где экономическая деятельность заложена в диспозиции, а связь не проверяется (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 [14], далее — Постановление № 48). Поэтому позиция А. Д. Жиделева, по которой такие преступления учитываются в процессе лишь при наличии у обвиняемого статуса субъекта предпринимательской деятельности [1, с. 15], верна только для первой группы: режим второй привязан к составу, а не к статусу лица. Следовательно, выбор между ч. 4 и ч. 7 ст. 159 УК РФ определяет не только санкцию и пороги ущерба, но и объём гарантий (по ч. 7 они действуют автоматически, по ч. 4 — лишь при подтверждённой связи) и доступ к освобождению по ст. 76.1 УК РФ.

На стадии возбуждения дела суд, проверяя в порядке ст. 125 УПК РФ достаточность данных, не учитывает результаты незаконных ревизий, изъятий и обследований, проведённых до возбуждения (п. 4 Постановления № 48). Что считать достаточным для составов, связанных с неисполнением договора, закон не определяет; ориентиром может служить предлагаемый нами трёхэтапный тест: до возбуждения дела нужны данные об экономической реальности сделки, о сведениях, сообщённых контрагенту, и о судьбе полученного имущества. Источниками служат документальные проверки и ревизии (по данным А. Н. Залескиной, две — четыре недели), тогда как экономические экспертизы на этой стадии нецелесообразны [2, с. 12]. По нашему мнению, для возбуждения дела по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ достаточно данных, которые по первому и второму этапам ставят под сомнение хозяйственную цель сделки, а по третьему дают основания предполагать обращение имущества вопреки договору; финансовое положение лица на дату договора, которое А. Н. Залескина считает ключевым [2, с. 13], абсолютизировать не следует.

Центральный вопрос доказывания — кто и чем подтверждает наличие или отсутствие связи. Особенности производства распространяются на каждого подозреваемого и обвиняемого, если материалы дела не подтверждают отсутствия связи; преступный характер действий сам по себе не делает деятельность непредпринимательской (п. 1 Постановления № 48). По составам первой группы ходатайство о мере пресечения должно содержать конкретные сведения об отсутствии связи (ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ); без них оно не подлежит удовлетворению, а корыстный мотив или способ распоряжения имуществом такого вывода не подтверждают (п. 6 Постановления № 48). Отсюда мы выводим не закреплённую прямо презумпцию предпринимательской связи: сомнение разрешается в пользу гарантий, пока орган, ведущий производство, не представил конкретных сведений об обратном. Это принципиально: корысть присуща любому хищению, и если бы её хватало для вывода о непредпринимательском характере деяния, гарантии по ст. 159 УК РФ не действовали бы никогда. Практика, однако, нередко подменяет презумпцию ожиданием будущего подтверждения: по наблюдению Д. Н. Рощина, суды относят оценку связи к итогам рассмотрения дела по существу (апелляционное постановление Московского городского суда от 23.05.2022 № 105360/2022 [15]), а отсутствие связи обосновывают оперативными данными и утверждениями следствия без конкретных сведений [3, с. 45–46, 48]. Это противоречит ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ: сведения нужны при решении вопроса о мере пресечения, а не после него, и ожидание приговора мотивировку не заменяет.

Особого внимания требуют решения по гражданским и арбитражным делам: спор из договора обычно порождает и иск, и заявление о преступлении. По ч. 1 ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в силу судебным решением, принимаются без дополнительной проверки, но решение не может предрешать виновность лиц, не участвовавших в деле. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21.12.2011 № 30П [16] истолковал эту норму ограничительно: из гражданского решения принимаются данные о событии и действиях, но не их уголовно-правовая оценка и не виновность, поскольку предметы доказывания различаются (п. 3.2); иные обстоятельства исследуются по правилам УПК РФ (п. 4), а решение, опровергаемое приговором, пересматривается по вновь открывшимся обстоятельствам (п. 4.1). К этому добавляется правило гражданского права: предприниматель отвечает за неисполнение обязательства независимо от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ [17]), поэтому вывод о нарушении договора ничего не говорит об умысле. Итог показан в таблице 1.

Таблица 1. **Значение судебных актов по гражданскому спору для уголовного дела о предпринимательском договоре** [1]

Что установлено судебным актом или заявлено в споре	Как используется в уголовном деле	Основание
Событие и действия: заключение и условия договора, передача денег или товара, срок и объём неисполнения	Принимается без дополнительной проверки	Ч. 1 ст. 90 УПК РФ
Оценка поведения сторон: нарушение обязательства, недобросовестность, обман как основание недействительности сделки (ст. 179 ГК РФ)	Не предрешает ни умысла, ни виновности: уголовно-правовую оценку даёт суд по уголовному делу	Постановление № 30П, п. 3.2; п. 3 ст. 401 ГК РФ
Обстоятельства вне предмета доказывания по гражданскому делу (ложные сведения контрагенту, судьба полученного имущества)	Устанавливаются в уголовном деле самостоятельно	Постановление № 30П, п. 4
Решение, опровергаемое выводами приговора	Пересматривается по вновь открывшимся обстоятельствам	Постановление № 30П, п. 4.1; ст. 392 ГПК РФ, ст. 311 АПК РФ

Таблица показывает, что гражданское решение связывает уголовный процесс по фактам, но не по оценкам. Отсюда ответ на вопрос, который Л. В. Попова и Г. Х. Шаутаева предлагают разрешить в отдельной главе УПК РФ, — возможна ли уголовная ответственность при вступившем в силу решении по спору хозяйствующих субъектов [4, с. 96]: возможна, если обвинение опирается на обстоятельства, которых гражданский суд не устанавливал (умысел на момент получения имущества, сведения, сообщённые контрагенту, судьба полученного), и невозможна, если оно оспаривает установленные решением факты, не добиваясь его пересмотра. По наблюдению К. К. Клевцова, такие доводы учитываются формально или игнорируются [5, с. 108], поэтому следователь должен найти судебные акты по спору до возбуждения дела, а защита — учитывать, что победа в арбитражном процессе сама по себе умысла не исключает. П. Г. Сычёв считает, что при основаниях полагать установленный судом факт ложным следствие обязано его перепроверить [6, с. 414]; мы уточняем условие: перепроверка допустима при самостоятельных доказательствах обмана или подлога (строки 3 и 4 таблицы 1), а не когда обвинение лишь иначе оценивает те же факты.

Обобщая, сформулируем четыре правила. Первое: вопрос о связи решается отдельно от вопроса о составе и прежде него и фиксируется в процессуальном акте (постановлении о возбуждении дела, ходатайстве о мере пресечения, обвинительном заключении) мотивированным выводом. Второе: связь оценивается по материалам, имеющимся на момент решения. Третье: сомнение разрешается в пользу гарантий, пока не представлены конкретные сведения об отсутствии связи; корыстная цель и преступный характер действий такими сведениями не являются. Четвёртое: гражданско-правовая версия защиты проверяется теми же источниками, что и версия обвинения (данными трёх этапов теста и судебными актами по таблице 1), и отвергается лишь тогда, когда её опровергает согласованная совокупность выводов всех этапов. Как подчёркивают Л. В. Попова и Г. Х. Шаутаева, процессуальная льгота — не привилегия, а исключение из общего правила для каждого, кто занимается предпринимательством [4, с. 98]; поэтому режим привязан к характеру деяния, а не к личности предпринимателя, и процессуальный акт обязан показывать, из чего этот характер выведен.

2. Меры принуждения и защита имущественной основы бизнеса

Меры принуждения ограничивают свободу лица, управляющего делом, и лишают организацию имущественной основы — документов, оборудования, электронных носителей, денежных средств. Заключение под стражу лиц, названных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, допускается лишь при одном из трёх обстоятельств: у лица нет места жительства или пребывания в России, им нарушена ранее избранная мера пресечения либо оно скрылось от следствия или суда. Суд обязан обсудить меру, позволяющую продолжить предпринимательскую деятельность (ч. 2 ст. 99 УПК РФ), — по разъяснению Пленума от 23.12.2025, для всех лиц, к которым применяются особенности производства, с мотивировкой невозможности такой меры (п. 5(1) Постановления № 48).

Опубликованные данные относятся к разным периодам и базам расчёта и не сопоставимы напрямую. По сведениям А. И. Бастрыкина, в 2021 г. в суд направлены дела в отношении 4 337 лиц, из которых под стражей содержались 119 (около 2,7 %), а арестованное имущество (38,7 млрд руб. в 2021 г.; 42,8 млрд руб. в I квартале 2022 г.)

[1] Составлено автором на основе: ч. 1 ст. 90 УПК РФ; п. 3 ст. 401 и ст. 179 ГК РФ; ст. 392 ГПК РФ; ст. 311 АПК РФ; Постановления Конституционного Суда РФ № 30-П.

обеспечивало возмещение ущерба по направленным в суд делам полностью в 2021 г. и на 99,8 % в I квартале 2022 г. [7, с. 17]. Из 538 удовлетворённых судами ходатайств о мере пресечения по делам главы 22 УК РФ домашний арест избран в 73 случаях (14 %), запрет определённых действий — в 15 (3 %), залог — ни разу, а остальные (около 84 % по расчёту Д. Н. Рощина) составило заключение под стражу [3, с. 46]. По опросу экспертов в 38 субъектах РФ (март 2022 г.), для большей части содержащихся под стражей предпринимателей можно было избрать иные меры, если они не совершали тяжких преступлений и не пытались скрыться, — так считают 82 % адвокатов и учёных-юристов, но лишь 29,2 % сотрудников прокуратуры [7, с. 17]. Данные предшествуют реформе 2023 г., а сведений о применении ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ после неё мы не нашли. Они показывают, что содержание под стражей не носит массового характера (около 3 % обвиняемых на момент направления дела в суд), но преобладает среди мер, избранных судом (оценка верхняя: подписка о невыезде и поручительство не учитывались); главным инструментом воздействия служат имущественные меры, а расхождение оценок обоснованности арестов (82 % против 29,2 %) показывает, что проблема не только в числе арестов, но и в качестве мотивировки.

Литература описывает способы обхода гарантий. Первый — искусственное создание оснований: К. К. Клевцов приводит дело по ч. 5 ст. 159 УК РФ, где для ареста представили оперативные данные о намерении скрыться, а проверка показала, что авиабилеты за рубеж купили сами оперативные сотрудники [5, с. 108–109]; единичный пример не доказывает массовости, но показывает уязвимость оценочного обстоятельства «скрылся», подтверждаемого материалами одной стороны. Второй — дополнительное вменение ст. 210 УК РФ, которой нет в перечне ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ: оно, как отмечают К. К. Клевцов и Д. Н. Рощин, открывает путь к содержанию под стражей [5, с. 109; 3, с. 46], и суды не видят в этом препятствия (апелляционное постановление Брянского областного суда от 20.09.2023 № 221485/2023 [18]).

Эти способы можно исключить последовательной проверкой, которую мы предлагаем как алгоритм суда при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу. Первый шаг: входит ли преступление в перечень ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и к какой группе оно относится. Второй: для первой группы — содержит ли ходатайство конкретные сведения об отсутствии связи (ч. 3.1), причём корыстный мотив и характер обвинения такими сведениями не являются. Третий: подтверждено ли доказательствами, а не предположениями, одно из трёх обстоятельств ч. 1.1. Четвёртый: обсуждены ли и исключены с мотивировкой более мягкие меры и мера, позволяющая продолжить предпринимательскую деятельность (ч. 2 ст. 99); при домашнем аресте, по замечанию А. В. Гриненко и А. Д. Жиделева, суд должен оценить влияние запретов на работу бизнеса и установить род занятий лиц, с которыми запрещено общение [8, с. 45]. Непройденный шаг делает решение о заключении под стражу необоснованным.

Имущественную основу бизнеса защищают сроки и ограничения изъятия. Изъятое признаётся вещественными доказательствами в течение 10 суток (срок может быть продлён на 30 суток), иначе подлежит возврату (ст. 81.1 УПК РФ). По Постановлению Конституционного Суда РФ от 11.01.2018 № 1П [19], используемые в предпринимательской деятельности предметы, законно принадлежащие лицам, не являющимся подозреваемыми и обвиняемыми и не несущим материальной ответственности за их действия, не должны изыматься как вещественные доказательства, если этого не требуют их сохранность, следственные действия и предотвращение новых преступлений; ч. 4.1 ст. 164 и ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ запрещают необоснованное приостановление законной деятельности и ограничивают изъятие электронных носителей. Слабые места отмечены в литературе: исключение из п. 3 ч. 1 ст. 164.1 (информация может быть использована для новых преступлений либо её копирование, по заявлению специалиста, повлечёт утрату или изменение) Д. Н. Рощин называет «лазейкой» [3, с. 47], а К. К. Клевцов указывает на его оценочность и формальное отражение в протоколе [5, с. 110]. Формулировку нужно уточнить: заявление специалиста о невозможности копирования с указанием причин должно фиксироваться в протоколе.

Арест имущества (ст. 115 УПК РФ) обеспечивает гражданский иск, взыскание штрафа и возможную конфискацию; особых гарантий для имущества, используемого в предпринимательской деятельности, мы в ней не обнаружили, хотя масштаб применения меры велик. В Постановлении от 17.12.2025 № 46П [20] Конституционный Суд РФ указал на пробел: закон не предусматривает снятия ареста, наложенного в уголовном деле в обеспечение гражданского иска, с имущества организации, в отношении которой введена процедура банкротства. До изменения закона Суд определил временный порядок: арбитражный суд решает вопрос о включении требования гражданского истца в реестр требований кредиторов и об очерёдности его удовлетворения, после чего по заявлению арбитражного управляющего суд по уголовному делу решает вопрос о снятии ареста. Полагаем, что вывод Суда шире банкротства: арест, лишающий организацию возможности рассчитываться с кредиторами, нельзя считать нейтральным способом обеспечения иска. Поскольку ч. 1 ст. 115 УПК РФ уже обязывает суд указывать фактические обстоятельства и ограничения владения, пользования и распоряжения, предлагаем по аналогии с ч. 2 ст. 99 обязать суд при аресте имущества, используемого в предпринимательской деятельности, мотивировать степень ограничения и его влияние на непрерывность деятельности.

3. Освобождение от ответственности по ст. 76.1 УК РФ

Заключительное звено проверки пределов ответственности — освобождение от неё. Для предпринимательских составов основным механизмом служит ст. 76.1 УК РФ,

оформляемая прекращением преследования по ст. 28.1 УПК РФ. По ч. 2 этой статьи лицо, впервые совершившее преступление из закрытого перечня (в него входят ч. 5–7 ст. 159 и ч. 1 ст. 171 УК РФ), освобождается, если возместило ущерб и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в двукратном размере ущерба (по иным составам перечня — двукратной суммы дохода, избегнутых убытков или размера деяния). Условия ст. 76.1 от предпринимательской связи не зависят: значим только состав.

Эти условия экономически жёстки и не согласованы с санкциями. Мы сопоставили минимальную цену освобождения — двукратный размер ущерба на пороге соответствующей части статьи, который виновный перечисляет в бюджет сверх возмещения потерпевшему, — с максимальным штрафом по санкции и с предельным размером судебного штрафа по ст. 76.2 УК РФ, не превышающим половины максимального штрафа (ч. 1 ст. 104.5) (таблица 2). Поскольку фактический ущерб обычно выше порога, расчёт даёт нижнюю оценку.

Таблица 2. **Минимальная цена освобождения по ст. 76.1 УК РФ в сопоставлении с санкцией**[2]

Состав (тяжесть)	Порог ущерба, млн руб.	Взнос в бюджет (2×), млн руб.	Макс. штраф, млн руб.	Превышение, раз	Судебный штраф (ст. 76.2)
Ч. 5 ст. 159 (средней тяжести)	от 0,25	от 0,5	0,3	1,7	Доступен, до 0,15 млн руб.
Ч. 6 ст. 159 (тяжкое)	свыше 4,5	свыше 9	0,5	свыше 18	Недоступен
Ч. 7 ст. 159 (тяжкое)	свыше 18	свыше 36	1 (доп. наказание)	свыше 36	Недоступен
Ч. 1 ст. 171 (небольшой тяжести)	свыше 3,5	свыше 7	0,3	свыше 23	Доступен, до 0,15 млн руб.

Расчёт выявляет три закономерности. Первая: цена освобождения не связана с санкцией и превышает максимальный штраф от 1,7 раза (ч. 5 ст. 159) до более чем 36 раз (ч. 7 ст. 159); лицу, которому по ч. 1 ст. 171 грозит штраф до 300 тыс. руб., нужно перечислить в бюджет более 7 млн руб. Вторая: для составов небольшой и средней тяжести освобождение по ст. 76.1 дороже судебного штрафа по ст. 76.2 в 3,3 раза (ч. 5 ст. 159) и более чем в 46 раз (ч. 1 ст. 171); для тяжких составов иные основания освобождения при возмещении ущерба недоступны. Третья: по ст. 171 цена растёт с ущербом неограниченно при неизменной санкции — при ущербе 400 млн руб. она превысит 800 млн руб., тогда как наказание ограничено арестом на срок до шести месяцев. Возникает вопрос о соразмерности условий и равенстве перед законом: лицо, совершившее то же деяние с тем же ущербом, но неспособное перечислить в бюджет ещё вдвое большую сумму, лишено выхода, доступного состоятельному, и различие определяется имущественным положением, а не опасностью деяния.

От кратности отказываться не следует: денежное возмещение выполняет и превентивную функцию, а его отмена превратила бы освобождение в автоматическое следствие возврата похищенного. Предлагаем дифференцировать кратность по тяжести: для составов небольшой и средней тяжести (ч. 5 ст. 159, ч. 1 ст. 171) — однократный размер ущерба, для тяжких (ч. 6, 7 ст. 159) — сохранить двукратный. Цена по ч. 5 снизится до 0,25 млн руб., то есть ниже максимального штрафа, а по ч. 1 ст. 171 — вдвое; полное возмещение ущерба потерпевшему остаётся обязательным. Статистики применения ст. 76.1 УК РФ мы в доступных источниках не нашли, поэтому оценка основана на расчёте.

Квалификация, гарантии и освобождение взаимосвязаны. Разрыв в 18 раз между порогами ч. 6, 7 ст. 159 (4,5 и 18 млн руб.) и ч. 3, 4 (250 тыс. и 1 млн руб.) объясняют защитой граждан и способностью профессиональных участников оборота проверить контрагента и распределить риск, но этот довод обосновывает дифференциацию, а не её размер; при этом ч. 5–7 входят и в перечень ст. 76.1, и во вторую группу составов с гарантиями, а ч. 1–4 — нет. Расширение круга сторон при действующих порогах ослабило бы защиту потерпевших, поэтому круг менять не следует, а пороги ч. 6 и 7 нужно оценить по статистике распределения ущерба. Для гарантий, защищающих непрерывность деятельности (в том числе интересы работников и контрагентов), значима деятельность, а не регистрация: пп. 27.1, 27.2 ст. 5 УПК РФ следует распространить на лиц, фактически осуществляющих предпринимательскую деятельность без регистрации (включая плательщиков налога на профессиональный доход), сохранив материальные пороги за формальным кругом сторон. Предложения И. О. Ткачева (квалифицировать деяния ниже порога ч. 5 ст. 159 УК РФ по ч. 1 этой статьи и дополнить ст. 7.27 КоАП РФ) [9, с. 93] мы не поддерживаем, как и введение специальной административной ответственности за мелкое договорное хищение: она не облегчит отграничение хищения от неисполнения договора,

[2] Составлено автором на основе: ст. 76.1, 76.2, 104.5, 159 и 171 УК РФ.

а потерпевший защищён гражданско-правовыми средствами (ст. 179, 393 ГК РФ).

Заключение

Предпринимательская связь не меняет квалификацию, но определяет процессуальный режим: она включает гарантии по первой группе составов и не требуется по второй, поэтому выбор между ч. 4 и ч. 7 ст. 159 УК РФ влияет на объём гарантий и доступ к ст. 76.1. Из ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ и разъяснений Пленума выводится презумпция связи, а гражданские и арбитражные решения связывают уголовный процесс по фактам, но не по оценкам. Проблема мер пресечения не только в их числе, но и в качестве мотивировки, для проверки которой предложен четырёхшаговый алгоритм суда; ст. 115 УПК РФ следует дополнить требованием мотивировать степень ограничения прав при аресте имущества бизнеса. Условия освобождения по ст. 76.1 УК РФ несоразмерны санкциям, и кратность возмещения целесообразно дифференцировать по тяжести преступления. Выводы опираются на опубликованные данные и судебные акты, а не на собственную выборку, поэтому перспективен мониторинг применения специальных правил после 2023 г.

Литература:

1. Жиделев А. Д. Понятие преступлений в сфере предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации и законодательству зарубежных стран // Вестник. Государство и право. 2024. № 4 (43). С. 10–19.
2. Залескина А. Н. Особенности возбуждения уголовного дела по мошенничеству, сопряженному с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3 (23). С. 10–14.
3. Рощин Д. Н. Проблемы осуществления защиты по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности // Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 43–49.
4. Попова Л. В., Шаутаева Г. Х. О целесообразности особого уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 93–100.
5. Клевцов К. К. Некоторые аспекты уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1. С. 106–110.
6. Сычёв П. Г. Сложность доказывания по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 409–415.
7. Бастрыкин А. И. Вопросы расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 15–18.
8. Гриненко А. В., Жиделев А. Д. Меры пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, избираемые по судебному решению // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 42–47.
9. Ткачев И. О. Предмет мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Уголовное право. 2018. № 4. С. 89–93.
10. Федеральный закон от 13.06.2023 № 217 ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
11. Федеральный закон от 02.11.2023 № 524 ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ФЗ (в ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2026. № 32. Ст. 4497.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (в ред. от 23.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2; 2026. № 2.
15. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23.05.2022 № 10 5360/2022 (цит. по: [3, с. 45–46]).
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30 П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Российская газета. 2012. 11 января. № 2; Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 2. Ст. 398.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ (в ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2026. № 24. Ст. 3099.
18. Апелляционное постановление Брянского областного суда от 20.09.2023 № 22 1485/2023.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2018 № 1 П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью „Синклит“» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2025 № 46 П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого статьи 2 … Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“ … частей первой, третьей, седьмой и девятой статьи 115 и статьи 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации … в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2025. 25 декабря. № 294; Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 52 (часть II). Ст. 8741.

Влияние введения адвокатской монополии на доступность правосудия для граждан Российской Федерации

Смирнова Екатерина Игоревна, студент магистратуры;
Тонких Милана Игоревна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

11 июля 2025 г. Министерством юстиции Российской Федерации был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ID 01/05/07–25/00158248), который получил широкое освещение в средствах массовой информации, а также стал предметом многочисленных дебатов, круглых столов и обсуждений в профессиональном юридическом сообществе. Законопроект, подготовленный Министерством юстиции Российской Федерации, предлагает профессионализацию судебного представительства посредством замены требования к представителям иметь высшее юридическое образование на требование о наличии статуса адвоката, что требует внесения изменений в ч. 3 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 2 ст. 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 ст. 55 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 1 ст. 36 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [1].

При этом для некоторых категорий лиц предлагаются исключения: для близких родственников, работников организаций и индивидуальных предпринимателей, патентных поверенных, арбитражных управляющих, работников государственных юридических бюро и ряда иных категорий. Изменения предполагается ввести с 01 января 2028 г., что фактически создает переходный период для юристов, не имеющих статуса адвоката для сдачи квалификационного экзамена и получения статуса адвоката. Не менее значимо изменение в законодательство об адвокатуре о расширении полномочий Федеральной палаты адвокатов и Министерства юстиции Российской Федерации в отношении адвокатских палат.

В пояснительной записке к законопроекту необходимость введения адвокатской монополии обосновывается профессионализацией судебного представительства, обеспечением качества квалифицированной юридической помощи и консолидацией юридической профессии на институциональной базе адвокатуры [2]. Основной довод разработчиков законопроекта заключается в том, что юридическая помощь оказывается широким кругом субъектов, включая лиц, не обладающих статусом адвоката, при отсутствии правовых механизмов регулирования такой деятельности, единых этических и профессиональных стандартов и эффективных инструментов привлечения недобросовестных представителей к ответственности. Следствием этого, по мнению разработчиков, признается значительный рост случаев оказания гражданам юридических услуг низкого качества.

Публично-правовое обоснование профессионализации судебного представительства мотивировано тем, что оказание юридических услуг имеет публично-правовое значение, поскольку оно напрямую связано с реализацией права на судебную защиту и функционированием институтов судебной власти. Гарантированность права на квалифицированную юридическую помощь по смыслу статьи 48 Конституции Российской Федерации предполагает создание государством нормативных предпосылок как для доступности такой помощи, так и для поддержания минимального уровня профессиональной квалификации лиц, ее оказывающих; соответствующие меры должны реализовываться системно, соразмерно и в соответствии с конституционным принципом юридического равенства. В пояснительной записке к законопроекту особенно подчеркивается, что недобросовестная защита представителями нарушенных прав в судах несет наибольшие риски для граждан и организаций, поскольку судебный акт, вынесенный на основе некачественной позиции представителя, препятствует реализации права на судебную защиту и в отдельных случаях необратимо лишает возможности защитить и восстановить нарушенное право [3].

Еще один довод разработчиков законопроекта заключается в том, что государство фактически лишено воз-

можности реагировать на подобные нарушения, ограничивать допуск непрофессиональных и недобросовестных юристов к оказанию юридических услуг и исключать их из профессиональной деятельности. Право на судебную защиту не предполагает выбора по своему усмотрению любых способов защиты права, а право вести дело через самостоятельно избранного представителя не означает возможности участия в судопроизводстве в качестве такового любого лица. Законодатель полномочен устанавливать критерии квалифицированной юридической помощи и обусловленные ими особенности допуска лиц в качестве представителей в конкретных видах судопроизводства, обеспечивая при этом баланс публичных интересов и законных интересов лица при выборе представителя и не допуская несоразмерного ограничения права на судебную защиту и права на юридическую помощь.

В качестве целей предлагаемого регулирования указываются профессионализация сферы юридических услуг, повышение качества представления интересов в судах и качества самого судебного разбирательства, усиление гарантий реализации конституционных прав на получение квалифицированной юридической помощи и судебную защиту нарушенных прав, а также минимизация затрат бюджетных средств государства и развитие адвокатуры путем консолидации на ее площадке профессионального юридического сообщества. Для достижения этих целей предусматривается замена в процессуальном законодательстве требования о высшем юридическом образовании представителя требованием наличия статуса адвоката.

Критический анализ рассматриваемого законопроекта выявляет ряд существенных недостатков, ставящих под сомнение обоснованность предлагаемой модели правового регулирования профессиональной юридической деятельности:

Поскольку официальный статистический учет стоимости юридических услуг в России не ведется, а ценовые параметры существенно различаются в зависимости от региона, категории спора и квалификации специалиста, количественная оценка последствий введения адвокатской монополии для рынка юридических услуг неизбежно приобретает характер модельного прогноза. В этом контексте внимания заслуживает научная работа Венеры Шайдуллиной, посвященная оценке регулирующего воздействия рассматриваемого законопроекта. Согласно представленной оценке регулирующего воздействия, выводы о стоимости юридических услуг строятся на открытых данных мониторинга сайтов адвокатов и юристов, платформ «Профи.ру» и «Юду» [4].

Исходная ценовая дифференциация представляется следующим образом: в 2025 г. стоимость услуг адвоката составляла в среднем 5000–6000 руб. за час или консультацию при диапазоне 3000–10 000 руб., тогда как услуги юриста, не обладающего статусом адвоката, — в среднем 2500–3500 руб. при диапазоне 1500–5000 руб. В 2020 г. соотношение составляло 2500–3500 руб. у адвокатов и 1300–2200 руб. у юристов. Таким образом, услуги юристов, не имеющих статуса адвоката, оцениваются как более дешевые на 30–50 %, что объясняется отсутствием дополнительных издержек, связанных с членскими взносами, а также самим статусом адвоката, предполагающим прохождение квалификационного экзамена и, как следствие, позиционирование такого специалиста на рынке в качестве более профессионального и квалифицированного.

По данным Министерства юстиции Российской Федерации на 2024 г. общее число юристов оценивается примерно в 1,5 млн человек, включая корпоративных юристов, юристов на государственной службе, 440 тыс. юристов, не обладающих статусом адвоката, 75 813 адвокатов и 7 914 нотариусов. По опросу 1400 юристов, не имеющих статуса адвоката, только 10 % готовы получить адвокатский статус. При сохранении спроса на юридические услуги и исключении из судебного представительства юристов, не обладающих статусом адвоката, нагрузка на одного юриста с правом представительства в судах возрастает с 30,3 до 49,6 дела в год, то есть примерно в 1,64 раза; число юристов с правом судебного представительства на 1000 человек населения сокращается с 6,95 до 4,24, или примерно на 39 %. Число адвокатов на 1000 человек увеличивается с 0,52 до 0,82, что не способно компенсировать общее сокращение специалистов, имеющих право на судебное представительство.

На этой основе построена прогнозная модель роста стоимости юридических услуг на 2028–2034 гг. с учетом сокращения предложения, устранения ценовой конкуренции со стороны юристов, не обладающих статусом адвоката, увеличения нагрузки на оставшихся представителей, роста издержек на получение и поддержание адвокатского статуса и инфляции. За базовый принят 2027 г. со стоимостью услуг в размере 4000–6500 руб. В 2028 г. прогнозируется рост до 5200–8450 руб., или на 30 %; в 2029 г. — до 6240–10 140 руб., или на 56 % к базовому году при ежегодном приросте 20 %; в 2030 г. — до 7176–11 661 руб., или на 79 % при приросте 15 %; в 2031 г. — до 8039–13 060 руб., или на 101 % при приросте 12 %; в 2032 г. — до 8843–14 366 руб., или на 121 % при приросте 10 %; в 2033 г. — до 9550–15 516 руб., или на 140 % при приросте 8 %; в 2034 г. — до 10 218–16 602 руб., или на 155 % при приросте 7 %. В совокупности за шестилетний период стоимость возрастает примерно в 2,5 раза. Наиболее резкий рост приходится на первый год после введения монополии и объясняется мгновенным сокращением предложения юридических услуг; в период 2029–2031 гг. темпы роста замедляются с 20 % до 12 %, в период 2032–2034 гг. — до 7 % в год по мере адаптации рынка и получения статуса адвоката юристами без статуса.

Рост цен прогнозируется неравномерным в том числе по территории: в Москве и Санкт-Петербурге он оценивается выше среднего на 10–15 % из-за более высокого спроса и платежеспособности населения; в городах со средней численностью населения соответствует прогнозируемым значениям; в малых городах и сельской местности

может быть ниже среднего на 5–10 %, однако доступность юридических услуг на таких территориях существенно снижается из-за физического отсутствия достаточного числа адвокатов. Социально-экономические последствия описываются как снижение доступности правосудия для значительной части населения со средним и ниже среднего уровнем доходов, особенно по спорам с небольшой суммой исковых требований, когда стоимость услуг адвоката может превысить экономическую целесообразность обращения в суд; перегрузка системы бесплатной юридической помощи; развитие теневого рынка нелегальных юридических консультантов; дифференциация качества услуг с формированием премиального и экономичного направлений адвокатской помощи и соответствующей разницей в качестве юридической помощи.

Более того, введение адвокатской монополии не только не решает проблему привлечения к ответственности недобросовестных юристов, но и существенно ослабляет правовую защищенность граждан, исключая их из режима потребительских правоотношений в менее обеспеченный средствами защиты режим оказания профессиональной юридической помощи.

Согласно пункту 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», законодательство о защите прав потребителей не применяется к отношениям по оказанию профессиональной юридической помощи адвокатами [5]. Это разъяснение основано на статье 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6], согласно которой адвокатская деятельность не является предпринимательской, в связи с чем на отношения между адвокатом и доверителем не распространяется действие Закона РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» [7]. Напротив, в отношениях с юристом, не обладающим адвокатским статусом, а равно с юридической фирмой, гражданин, приобретающий услуги для личных нужд, признается потребителем, и к таким отношениям применяются средства защиты, предусмотренные законодательством о защите прав потребителей.

Практическое значение этого разграничения состоит в том, что клиент юриста располагает существенно более широким набором инструментов воздействия на недобросовестного исполнителя услуг. Он вправе требовать не только возврата уплаченной суммы вознаграждения и возмещения убытков, но и уплаты неустойки за нарушение сроков оказания услуги, компенсации морального вреда, а также штрафа в размере пятидесяти процентов от присужденной суммы за неудовлетворение его требований в добровольном порядке. Кроме того, потребитель освобождается от уплаты государственной пошлины при обращении в суд и вправе выбирать подсудность спора. Применительно же к адвокату клиент лишен всех этих «потребительских» льгот: поскольку закон о защите прав потребителей не применим к профессиональной юридической помощи, клиент не может воспользоваться ни освобождением от уплаты госпошлины, ни взысканием штрафа за отказ в добровольном удовлетворении требований. Его возможности ограничиваются общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации о возмездном оказании услуг (возврат средств за некачественное оказание услуги, взыскание убытков) и механизмами дисциплинарной ответственности адвоката перед адвокатской палатой [8].

Таким образом, введение адвокатской монополии, предполагающее исключения с рынка судебного представительства юристов, не обладающих адвокатским статусом, не решает проблему ответственности, а, напротив, усложняет для граждан. Если сегодня потребитель, недовольный качеством услуг частнопрактикующего юриста или юридической фирмы, может эффективно защитить свои права в рамках законодательства о защите прав потребителей, то после реформы он будет вынужден обращаться к адвокату, отношения с которым выведены из-под действия этого закона. В результате гражданин утрачивает наиболее действенные имущественные санкции, стимулирующие исполнителя к добросовестному оказанию услуг, и остается с менее эффективными общегражданскими и дисциплинарными механизмами привлечения к ответственности.

Более того, обосновывая монополию необходимостью консолидации «независимых профессиональных юристов на площадке адвокатуры», разработчики одновременно наделяют Министерство юстиции Российской Федерации значительными контрольными полномочиями.

В статье 17.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» законопроектом предусматриваются пункты 4–6, согласно которым федеральный орган юстиции (или его территориальный орган) вправе вносить представление об отмене решения квалификационной комиссии адвокатской палаты о присвоении или об отказе в присвоении претенденту статуса адвоката; решение совета адвокатской палаты о прекращении дисциплинарного производства или об отказе в применении мер дисциплинарной ответственности может быть отменено советом ФПА по представлению федерального органа юстиции; решение совета ФПА, принятое по результатам рассмотрения такого представления, может быть обжаловано федеральным органом юстиции в суд. Кроме того, статья 17.1 дополняется положением о том, что представления федерального органа юстиции или территориального органа юстиции, внесенные на основании пункта 1 статьи 17, вносятся в совет адвокатской палаты и не подлежат рассмотрению квалификационной комиссией. Статья 37.1 дополняется пунктом 6, по которому комиссия по этике и стандартам по представлению федерального органа юстиции или президента ФПА выносит заключение о соответствии либо несоответствии решения собрания (конференции) адвокатской палаты требованиям закона и решениям органов ФПА и передает его в совет

ФПА, который вправе оставить решение без изменения, изменить его, отменить или принять новое решение.

Статья 37 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дополняется пунктом 3.1, согласно которому в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения президентом адвокатской палаты требований закона его полномочия могут быть досрочно прекращены советом ФПА на основании заключения комиссии по этике и стандартам. Представление о прекращении полномочий может быть внесено, в частности, федеральным органом юстиции (наряду с президентом ФПА и советом соответствующей адвокатской палаты). Тем самым Министерство юстиции Российской Федерации получает право инициировать отстранение руководителя региональной палаты.

В совокупности перечисленные новеллы означают существенный сдвиг в модели взаимоотношений государства и адвокатского самоуправления. Если действующий Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ закрепляет принцип независимости адвокатуры, то предложенные изменения наделяют Министерство юстиции Российской Федерации полномочиями, которые ранее относились к исключительной компетенции адвокатского сообщества. Подобное усиление роли исполнительной власти ослабляет автономию адвокатуры и создает предпосылки для ее управляемости со стороны государства. В профессиональном сообществе эти предложения оцениваются как «излишние и избыточные», а в парламентских дискуссиях — как установление жесткого контроля над формально независимыми общественными организациями, включая влияние на кадровую политику вплоть до лишения статуса адвоката.

Подобное усиление административного контроля вступает в противоречие с конституционно-правовыми требованиями, сформулированными Конституционным Судом РФ в Постановлении от 10.11.2022 № 49-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. Г. Шалавина» [9]. Рассматривая вопрос о бессрочном запрете быть представителем в суде для лиц, утративших статус адвоката, Конституционный Суд РФ указал, что законодатель обязан поддерживать баланс конституционно защищаемых ценностей и соблюдать критерии необходимости и соразмерности ограничений прав и свобод (ст. 19, 37, 55 Конституции РФ). Передача Министерству юстиции Российской Федерации дискреционных полномочий по инициированию отмены дисциплинарных решений и отстранению руководителей адвокатских палат создает риск произвольного применения санкций, в том числе связанных с прекращением статуса адвоката, без соблюдения выработанных Конституционным судом РФ критериев соразмерности, тем самым расширение полномочий исполнительной власти не только ослабляет автономию адвокатского самоуправления, но и потенциально противоречит конституционному требованию правовой определенности и соразмерности ограничений права на труд.

В пояснительной записке разработчики обосновывают допустимость введения адвокатской монополии ссылкой на ряд определений Конституционного Суда РФ (от 25.11.2020 № 2764-О, от 20.07.2021 № 1590-О, от 21.07.2022 № 1955-О, от 24.02.2022 № 389-О и от 28.02.2023 № 303-О), указывая, что Конституционный Суд РФ признает право законодателя устанавливать особые квалификационные требования к судебным представителям [2].

Однако такая ссылка выборочна и не может рассматриваться как достаточное конституционно-правовое обоснование законопроекта. Конституционный Суд РФ действительно неоднократно подтверждал дискрецию законодателя в вопросе определения критериев квалифицированной юридической помощи и особенностей допуска тех или иных лиц в качестве представителей в конкретных видах судопроизводства, однако эта дискреция не является неограниченной: в тех же актах Конституционный Суд РФ последовательно формулирует условие ее конституционной допустимости — законодатель «должен обеспечивать баланс публичных интересов и законных интересов лица при выборе представителя, не допуская несоразмерного ограничения как права на судебную защиту, так и права на юридическую помощь» (Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2023 № 303-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мороза Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав и конституционных прав гражданки Мороз Надежды Ивановны частью второй статьи 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации») [10].

Введение адвокатской монополии, предполагающее исключение из сферы судебного представительства сотен тысяч юристов, не обладающих адвокатским статусом, и, как следствие, сокращение предложения на рынке юридических услуг, рост их стоимости и снижение доступности правовой помощи для значительной части населения, не может рассматриваться как мера, отвечающая требованию баланса публичных и частных интересов. Ссылка на определения Конституционного Суда в пояснительной записке, следовательно, используется разработчиками вне того нормативного контекста, в котором эти акты были приняты: Конституционный Суд РФ не санкционирует любую модель ограничения доступа к судебному представительству, а лишь указывает на допустимость квалификационных требований при условии их соразмерности и сохранения гарантий права на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь. Игнорирование этой второй, ограничительной части правовой позиции Суда приводит к тому, что конституционно-правовая аргументация пояснительной записки приобретает односторонний характер и не выдерживает проверки на соответствие принципу соразмерности ограничения конституционных прав.

Таким образом, проведенный анализ законопроекта показывает, что предложенная Министерством юстиции Российской Федерации модель реформирования судебного представительства, несмотря на декларируемые цели профессионализации и повышения качества юридической помощи, содержит существенные недостатки. Введение обязательного адвокатского статуса для большинства судебных представителей в сочетании с расширением контроля Министерства юстиции Российской Федерации над адвокатским сообществом влечет за собой прогнозируемое снижение доступности правосудия, рост стоимости юридических услуг и ослабление механизмов защиты прав потребителей. Кроме того, конституционно-правовое обоснование законопроекта не выдерживает критики, так как ссылки на правовые позиции Конституционного Суда РФ игнорируют требование соразмерности ограничений прав граждан и баланса публичных и частных интересов. В связи с этим можно констатировать, что текущая редакция законопроекта не отвечает конституционным критериям необходимости и соразмерности, а его принятие без существенной доработки или выработки альтернативных механизмов регулирования рынка юридических услуг создаст необоснованные барьеры для реализации гражданами права на судебную защиту.

Литература:

1. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/07–25/00158248) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 11.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
4. Оценка регулирующего воздействия введения адвокатской монополии, проведенная на основе открытых данных / Шайдуллина Венера. — Текст: электронный // zakon.ru: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/30/ocenka_reguliruyuschego_vozdejstviya_vvedeniya_advokatskoj_monopolii_provedennaya_na_osnove_otkrytyh (дата обращения: 01.10.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 28.06.2012, № 17.
6. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2024, № 18, ст. 2396.
7. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 15, ст. 766.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2017, № 31, ст. 4761.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.11.2022 № 49-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. Г. Шалавина» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 47, ст. 8305.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2023 № 303-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мороза Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав и конституционных прав гражданки Мороз Надежды Ивановны частью второй статьи 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Повышенный стандарт доказывания в спорах о сделках с аффилированными лицами в деле о банкротстве

Соломатин Владислав Олегович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается особый режим доказывания, применяемый в делах о банкротстве к требованиям кредиторов, аффилированных с должником. Анализируется практика Верховного Суда РФ, которая описывает этот режим то как переход бремени доказывания, то как повышенный стандарт доказывания. Делается вывод о необходимости за-

крепить в Законе о банкротстве правило о переходе бремени доказывания при существенных сомнениях в реальности сделки, сохранив единый стандарт доказывания.

Ключевые слова: *несостоятельность (банкротство), аффилированные лица, заинтересованные лица, стандарт доказывания, бремя доказывания.*

В делах о банкротстве в число кредиторов могут входить лица, связанные с должником через участие в капитале, родство или общее управление. Требования таких кредиторов нередко основаны на сделках, реальность которых вызывает сомнения. Подобная ситуация приводит к тому, что включение в реестр требований такого кредитора причиняет вред независимым кредиторам, а именно уменьшается доля конкурсной массы, приходящаяся на каждого из них. Также уменьшается количество их голосов на собрании кредиторов, поскольку в соответствии с п. 3 ст. 12 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) число голосов определяется размером требований [3]. В ходе судебного разбирательства независимому кредитору сложно доказать фиктивность такой сделки, поскольку всеми документами располагают должник и связанный с ним кредитор. В таком случае общее правило ч. 1 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), согласно которому каждое лицо доказывает обстоятельства, на которые ссылается, фактически не позволит независимому кредитору защитить свои интересы [2]. В связи с этим в судебной практике был выработан особый режим доказывания для аффилированных лиц, который принято называть повышенным стандартом доказывания. Однако в законе такой режим не закреплен, а в самой практике его содержание определяется по-разному.

Прежде чем приступать к анализу данного вопроса, необходимо четко определить два значимых понятия: бремя доказывания и стандарт доказывания. Бремя доказывания определяет, кто из участников спора должен доказать соответствующее обстоятельство, а стандарт доказывания определяет, насколько убедительными должны быть доказательства, чтобы суд признал это обстоятельство установленным. Бремя доказывания в арбитражном процессе распределяется по вышеуказанному правилу ч. 1 ст. 65 АПК РФ. Стандарт доказывания, напротив, в АПК РФ не упоминается. Закон лишь указывает, что суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению, в том числе их достоверность и достаточность (ч. 1, 2 ст. 71 АПК РФ), но не определяет, какая степень убедительности для этого требуется. В научной доктрине стандарт доказывания рассматривается как «связующий элемент между предметом доказывания и обязанностями по доказыванию», а также как минимальные требования к доказательствам, которые должна представить сторона, несущая первичное бремя доказывания, прежде чем «обязанность по доказыванию перейдет к другой стороне» [10, с. 174]. Из вышеуказанного определения следует, что бремя и стандарт доказывания тесно взаимосвязаны. От того, какой уровень убедительности требуется от стороны, зависит момент, когда бремя доказывания переходит к ее процессуальному оппоненту.

Поскольку закон не устанавливает стандарты доказывания, их содержание постепенно формировалось в судебной практике. Обычный стандарт Верховный Суд РФ описывает следующим образом: при равных возможностях спорящих лиц по сбору доказательств и при отсутствии сговора сторон об утаивании информации от суда «суд принимает решение в пользу того лица, чьи доказательства преобладают над доказательствами процессуального противника» [9]. Наряду с ним в практике высшей судебной инстанции применяются и иные стандарты, причем их выбор зависит от категории спора и от того, кто доказывает. Так, конкурсному кредитору, возражающему против требования, подтвержденного решением третейского суда, достаточно представить доказательства *prima facie*, то есть достаточные на первый взгляд. При включении требований в реестр применяется стандарт «ясные и убедительные доказательства», а аффилированный с должником кредитор должен подтвердить реальность договора, на котором основано его требование, по стандарту «за пределами разумных сомнений» [11, с. 135].

Тот факт, что Верховный Суд РФ связывает обычный стандарт с равенством доказательственных возможностей сторон и отсутствием их сговора, является достаточно показательным. При этом в споре с участием аффилированных лиц оба эти условия часто не соблюдаются. Доказательства сосредоточены у должника и связанного с ним кредитора, а совпадение их интересов создает риск сговора об утаивании информации от суда. Поэтому отступление от общего правила здесь может проявляться по-разному. Во-первых, это снижение требований к доказательствам возражающего кредитора, достаточным для перехода бремени. Во-вторых, повышение требований к доказательствам самого аффилированного лица.

Применение особого режима доказывания зависит от того, будет ли кредитор признан аффилированным с должником. Статья 53.2 «Аффилированность» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] отсылает к Закону РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948–1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», то есть к антимонопольному законодательству [4]. Законодательство в сфере банкротства использует собственное понятие «заинтересованное лицо», и аффилированные лица являются лишь одной из его подгрупп. Согласно ст. 19 Закона о банкротстве, если должник является юридическим лицом, то к заинтересованным лицам относятся лица, входящие с должником в одну группу лиц, руководитель и члены органов

управления. Применительно к должнику-гражданину такими лицами являются его родственники, а также супруг и родственники супруга. Такая связь считается юридической, поскольку ее наличие можно доказать подтверждающими документами. Однако связь между должником и кредитором может никак не отражаться в документах. Такая связь является фактической и устанавливается по поведению сторон, например, если сделка заключена и исполняется на условиях, недоступных независимым участникам рынка. В судебной практике сложилась ситуация, что понятие «аффилированные лица» используется шире, чем это определено законом. Под понятие аффилированности подпадает любая связь кредитора с должником: и фактическая, и юридическая [9]. Поэтому в рамках настоящей статьи оно также будет использоваться аналогичным образом.

Следует понимать, что сама по себе связь кредитора и должника не делает сделку порочной. Как указано в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2018 г. № 305-ЭС16–20992(3), «заключение сделки между заинтересованными лицами не может служить самостоятельным признаком злоупотребления правом в их поведении» [8]. Повышенный стандарт доказывания применяется, если «степень аффилированности между кредитором, заявляющим требование, и должником является существенной». В данном деле такая степень была установлена, поскольку должник являлся единственным участником общества, которое предоставляло ему займы и затем заявило требование о включении в реестр.

Ранее было указано, что у суда при рассмотрении требований с участием аффилированных лиц есть два пути отступления от общего правила доказывания. Данные пути формировались в ходе судебной практики в течение нескольких лет. Изначально суды придерживались позиции о снижении требований к представлению доказательств для возражающего против сделки кредитора. В п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.) указано, что возражающему кредитору достаточно подтвердить «существенность сомнений в наличии долга», после чего доказывать обратное должны стороны сделки [6]. Иными словами, ВС РФ описывал этот режим как переход бремени доказывания. В ранее упомянутом определении от 7 июня 2018 г. № 305-ЭС16–20992(3) ВС РФ прямо назвал его «повышенным стандартом доказывания» и указал, что нижестоящие суды ошибочно применили к аффилированному кредитору стандарт обычного независимого кредитора [8]. В Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.) указано, что на аффилированном кредиторе лежит «бремя опровержения разумных сомнений». Он должен представить исчерпывающие сведения о совершенной сделке, а если он этого не сделает, то считается, что он отказался от опровержения [7]. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2025 г. № 305-ЭС24–23946 отмечено, что к аффилированному кредитору применяется «наиболее высокий стандарт (достоверность за пределами разумных сомнений)», хотя и «в исключительных случаях» [9]. Следовательно, анализ судебной практики показывает, что особый режим доказывания для аффилированных лиц в разные временные периоды описывался то как переход бремени, то как повышенный или наиболее высокий стандарт. При этом ни в одном судебном акте не указано, что именно входит в такой стандарт и чем он отличается от обычного.

Таким образом, особый режим доказывания для аффилированных лиц существует только в судебных актах. Закон о банкротстве в ст. 71 и 100 закрепляет лишь право кредиторов заявить возражения и обязанность суда проверить обоснованность требования. Не восполняет этот пробел и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40. В п. 27 разъясняется порядок проверки требований кредиторов, однако об аффилированных кредиторах там ничего не сказано [5]. Поэтому остается непонятным, какие сомнения следует считать существенными, какая степень аффилированности является существенной и что именно должен раскрыть аффилированный кредитор.

Первое, что кажется очевидным для восполнения данного пробела, — закрепить в законе особый стандарт доказывания для аффилированных лиц. Однако дифференциация стандартов «может угрожать определенности и предсказуемости судебного процесса» [11, с. 134]. При этом практика ВС РФ уже отступает от общего правила распределения бремени доказывания, закрепленного в ч. 1 ст. 65 АПК РФ. Поэтому, чтобы такое отступление имело законное основание, представляется обоснованным дополнить ст. 71 Закона о банкротстве еще одним пунктом. При этом в ст. 100 Закона о банкротстве следует предусмотреть его применение в конкурсном производстве. Содержание этого пункта может быть следующим: «Если лицо, заявившее возражения относительно требования кредитора, являющегося заинтересованным лицом по отношению к должнику или фактически связанного с ним, представило доводы и доказательства, подтверждающие существенность сомнений в реальности сделки, на которой основано требование, или в ее экономической цели, обязанность доказать реальность и экономическую цель сделки возлагается на такого кредитора. Если кредитор не раскрыл обстоятельства совершения и исполнения сделки, суд вправе признать доказанными обстоятельства, на которые ссылается лицо, заявившее возражения». Стоит понимать, что такое правило не вводит и не закрепляет нового стандарта доказывания. После перехода бремени доказательства кредитора оцениваются по общим правилам ст. 71 АПК РФ. Оценка существенности сомнений по-прежнему остается за судом, однако переход

бремени получает законное основание. Если кредитор не раскрыл или раскрыл не в полном объеме обстоятельства совершения и исполнения сделки, то суд вправе признать доказанными доводы возражающего кредитора.

Спор о том, что именно меняется в делах с участием аффилированных кредиторов, стандарт или бремя доказывания, имеет не теоретическое, а практическое значение. Сложности независимого кредитора связаны прежде всего с тем, что доказательства сосредоточены у должника и связанного с ним кредитора. Повышение стандарта лишь усиливает требования к убедительности доказательств, но не определяет, кто и в какой момент должен их представить и что следует, если они не представлены. Эти вопросы решает правило о бремени доказывания вместе с последствием нераскрытия сведений, то есть тот механизм, который ВС РФ описал в обзорах 2017 и 2020 гг. Поэтому закреплять в законе следует не название, которое практика давала этому режиму, а его содержание. Это позволит сохранить единый стандарт доказывания и одновременно дать независимым кредиторам защиту, основанную на законе, а не на меняющихся формулировках судебных актов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // Российская газета. 1994. № 238–239.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.) // Российская газета. 2002. № 137.
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 4 августа 2026 г.) // Российская газета. 2002. № 209–210.
4. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948–1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (ред. от 31 июля 2025 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»» // Российская газета. 2024. № 295.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.
7. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 июня 2018 г. № 305-ЭС16–20992(3) по делу № А41–77824/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 июня 2025 г. № 305-ЭС24–23946 по делу № А40–282802/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Нахова Е. А., Царькова Д. В. Становление понятия стандарта доказывания в российской правовой доктрине и соотношение с иными категориями доказательственного права // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 2 (76). С. 163–178.
11. Платонова Н. В. К вопросу о дифференциации стандартов доказывания по гражданским делам // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 3. С. 134–143.

Право авторов музыкальных произведений (с текстом или без текста) на вознаграждение при онлайн-показе аудиовизуальных произведений: проблемы регулирования и пути их решения

Старцева Ирина Игоревна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье рассматривается право авторов музыкальных произведений (с текстом или без текста) на вознаграждение при использовании музыки в составе аудиовизуальных произведений. Основное внимание уделено соотношению пункта 3 статьи 1263 ГК РФ с предоставлением доступа к аудиовизуальным произведениям по запросу пользователя. Обосновывается необходимость разграничивать специальное право на вознаграждение, исключительное право и договорную плату за использование произведения. Предлагается дополнить законодательство прямым указанием на дове-

дение аудиовизуального произведения до всеобщего сведения, одновременно определив плательщика, требования к отчетности и правила учета ранее произведенных выплат.

Ключевые слова: *музыкальное произведение, аудиовизуальное произведение, композитор, авторское вознаграждение, онлайн-кинотеатр, доведение до всеобщего сведения, коллективное управление правами.*

Цифровая трансформация рынка аудиовизуального контента и развитие стриминговых платформ изменили способы доступа к аудиовизуальным произведениям. Расширение каталогов, выпуск оригинальных проектов и конкуренция за эксклюзивный контент сопровождали развитие таких российских сервисов, как «Кинопоиск», Wink, Kion, «Иви» и другие. Онлайн-кинотеатры (онлайн-платформы), предоставляющие доступ к аудиовизуальным произведениям через интернет по подписной, рекламной или транзакционной модели, стали самостоятельным каналом распространения фильмов и сериалов. На практике онлайн-кинотеатры могут сочетать эти подходы, поэтому доход формируется не только из платежей аудитории, но и из рекламных поступлений.

Анализируя данные информационно-аналитических агентств TelecomDaily (российское информационно-аналитическое агентство, работающее в сфере телекоммуникаций и цифровых технологий) и «ТМТ Консалтинг» (российская консалтинговая компания, которая специализируется на комплексном сопровождении бизнеса: от стратегического планирования и оптимизации процессов до цифровой трансформации и сопровождения сделок), можно говорить о популяризации ведущих онлайн-кинотеатров и значительном темпе роста числа их пользователей. Рынок демонстрирует положительную динамику: абсолютный прирост общей аудитории российских онлайн-платформ в 2025 году по сравнению с 2024 годом составляет 29 %. Количество платных подписок увеличилось на 33,3 % и составило 54 млн рублей. Совокупная выручка видеосервисов в 2025 году достигла 178,2 млрд рублей, что превысило показатели предыдущего года на 45 %.

Для авторов музыкальных произведений (с текстом или без текста) эти изменения ставят практический вопрос: сохраняется ли за ними специальное право на получение вознаграждения, если фильм предоставляется зрителю через интернет по его запросу.

На настоящий момент развитие онлайн-кинотеатров как основного канала распространения аудиовизуальных произведений не повлекло за собой корректировки и усовершенствования законодательства в вопросах выплаты авторского вознаграждения композиторам. Пункт 3 статьи 1263 ГК РФ закрепляет право авторов музыкальных произведений (с текстом или без текста), использованных в аудиовизуальных произведениях, на получение вознаграждения при публичном исполнении либо сообщении в эфир, либо по кабелю, в том числе путем ретрансляции, аудиовизуальных произведений. При этом указанная норма не упоминает доведение до всеобщего сведения — способ использования, который наиболее точно описывает функционирование онлайн-кинотеатров, в том числе предоставление фильма для просмотра в выбранное пользователем время. Действующее законодательство не дает прямого указания приравнять публичное исполнение аудиовизуальных произведений посредством различных онлайн-платформ к способам, перечисленным в пункте 3 статьи 1263 ГК РФ.

Согласно пункту 1 статьи 1263 ГК РФ аудиовизуальным признается произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений, сопровождаемых или не сопровождаемых звуком, и предназначенное для зрительного и при наличии звукового сопровождения слухового восприятии. Правовое положение композитора, автора текста песни и изготовителя аудиовизуального произведения определяется их вкладом и основаниями возникновения прав. Композитор является автором музыкального произведения, а при совместном создании музыки и текста авторы выступают его соавторами; автор текста сохраняет права на созданные им слова как на самостоятельный результат творчества. Само включение песни в фильм не превращает автора текста в соавтора аудиовизуального произведения. Авторами аудиовизуального произведения признаются режиссер-постановщик, автор сценария, композитор, являющийся автором музыкального произведения (с текстом или без текста), специально созданного для аудиовизуального произведения, а также (с 2022 года) художник-постановщик анимационного фильма. Перечень авторов является закрытым, однако ряд исследователей считает, что указанные в статье 1263 ГК РФ субъекты авторского права не являются авторами, а презюмируются ими [7, с. 12].

В науке гражданского права сложилось несколько подходов к определению правовой природы аудиовизуального произведения и статуса его авторов.

И. А. Близнец рассматривает аудиовизуальное произведение как сложный объект, объединяющий разнородные результаты интеллектуальной деятельности, каждый из которых охраняется самостоятельно. При этом он подчеркивает, что признание композитора соавтором аудиовизуального произведения не лишает его самостоятельных прав на музыкальное произведение как таковое.

В. А. Дозорцев характеризовал аудиовизуальное произведение как «комплексное многослойное произведение», подчеркивая необходимость особого подхода к регулированию прав на его составные элементы.

Согласно статьям 1240 и 1263 ГК РФ исключительное право на специально созданную музыку по общему правилу передается изготовителю аудиовизуального произведения на основании договора, если стороны не предусмотрели иное. Переход исключительного права не прекращает установленного пунктом 3 статьи 1263 ГК

РФ права автора музыкального произведения на вознаграждение за предусмотренные в этой статье способы использования аудиовизуального произведения. Это право имеет самостоятельную имущественную природу и распространяется как на специально созданную музыку, так и на ранее существовавшие произведения, что отражено в пункте 84 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Следовательно, для получения вознаграждения значение имеет не только авторство, но и то, каким способом используется аудиовизуальное произведение.

Право на получение вознаграждения нельзя относить к личным неимущественным правам. Оно имеет имущественное содержание, хотя закон и сохраняет его за автором независимо от принадлежности исключительного права.

Специальное право на вознаграждение следует понимать как установленное законом имущественное право автора музыкального произведения на получение выплаты за определенные способы использования этого произведения в составе аудиовизуального произведения. Такое понимание позволяет разграничить три самостоятельных основания платежей: вознаграждение за создание музыки, плата за предоставление или отчуждение исключительного права и специальное вознаграждение, предусмотренное законом. Эти выплаты могут быть связаны с одним произведением, но не становятся юридически тождественными.

Сохранение специального права после отчуждения исключительного права подтверждается и определением Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 года № 1031-О. Вместе с тем предмет рассмотренного спора не позволяет переносить этот вывод на любые способы интернет-использования без дополнительного обоснования.

Правовая квалификация способов использования аудиовизуального произведения зависит от того, как организован доступ к нему. Само по себе применение интернета не определяет соответствующий способ использования. При публичном исполнении аудиовизуальное произведение демонстрируется в месте, открытом для свободного посещения, либо там, где присутствует значительное число лиц вне обычного круга семьи. Например, использование онлайн-сервиса для показа фильма посетителям заведения требует самостоятельной оценки именно как публичного исполнения.

Доступ к каталогу онлайн-кинотеатра может быть платным, бесплатным, сопровождаться рекламой либо входить в состав подписки. Эти условия влияют на экономику использования, но сами по себе не изменяют его правовую квалификацию. Необходимо также отличать просмотр по запросу от линейной передачи телеканала через интернет. В последнем случае пользователь обычно подключается к сформированной программе, а не выбирает время начала конкретного фильма. Поэтому правовая оценка использования должна основываться не только на техническом способе передачи контента, но и на фактическом устройстве соответствующего сервиса.

Законодатель не дает однозначного ответа на вопрос, является ли предоставление фильма пользователю по подписке на онлайн-платформе публичным исполнением. С одной стороны, онлайн-кинотеатр обеспечивает доступ к аудиовизуальному произведению для неограниченного круга лиц. С другой стороны, каждый пользователь смотрит фильм индивидуально, а не в составе массовой аудитории. Техническое сходство передачи аудиовизуального контента через интернет с кабельным распространением не означает тождества их правовых режимов.

С учетом характера просмотра по запросу такое использование имеет признаки доведения произведения до всеобщего сведения, предусмотренного подпунктом 11 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ. В связи с этим выводы о VOD-доступе нельзя автоматически распространять на интернет-трансляции и ретрансляции.

В то же время отсутствие доведения до всеобщего сведения в пункте 3 статьи 1263 ГК РФ не означает, что онлайн-кинотеатры могут использовать фильм и включенную в него музыку без разрешения. Законность доступа должна обеспечиваться необходимыми правами.

Для применения пункта 3 статьи 1263 ГК РФ существенна именно квалификация использования: эта норма прямо связывает выплату автору музыкального произведения (с текстом или без текста) с публичным исполнением аудиовизуального произведения либо его сообщением в эфир или по кабелю.

Часть четвертая ГК РФ, вступившая в силу в 2008 году, закрепила охрану аудиовизуального произведения как сложного объекта и исключительных прав на произведения, включенных в его состав. Для музыкальных произведений (с текстом или без текста) закон установил: автор сохраняет право на получение вознаграждения при публичном исполнении аудиовизуального произведения, а также при его сообщении в эфир и по кабелю. Это обеспечивает выплату автору музыкального произведения вознаграждения за его использование в составе фильма независимо от передачи исключительного права.

Пункт 3 статьи 1263 ГК РФ подвергался изменениям, в том числе в 2014 и 2015 годах. Однако эти изменения не привели к прямому включению доведения аудиовизуального произведения до всеобщего сведения в перечень способов использования, порождающих право на специальное вознаграждение. Например, Федеральный закон от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ изменил ряд положений части четвертой ГК РФ, уточнив регулирование исключительного права, включив указание на ретрансляцию как один из способов сообщения в эфир или по кабелю. Данное изменение было обусловлено развитием технологий распространения телевизионного сигнала, но не затронуло интернет-распространение.

Основное регулирование ответственности информационных посредников было введено Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ. Последующие изме-

нения законодательства, включая Федеральный закон от 24 ноября 2014 года № 364-ФЗ, развивали отдельные механизмы защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях. Это усилило правовые механизмы защиты в интернете, но не определило, кто и на каком основании должен выплачивать композитору вознаграждение при размещении аудиовизуальных произведений на онлайн-платформах.

Таким образом, за почти два десятилетия существования части четвертой ГК РФ законодатель ни разу не вносил изменений, касающихся распространения действия пункта 3 статьи 1263 на онлайн-кинотеатры и иные цифровые формы использования аудиовизуальных произведений.

Законодательная норма, разработанная в 2006 году, не учитывает стремительное развитие онлайн-кинотеатров как основного канала распространения аудиовизуальных произведений, и правовой механизм реализации права авторов музыкальных произведений на вознаграждение при использовании аудиовизуальных произведений, предусмотренный пунктом 3 статьи 1263 ГК РФ, не соответствует современным реалиям цифрового распространения контента. В действующем регулировании отсутствует прямой и единообразный механизм выплаты специального вознаграждения за предоставление аудиовизуальных произведений по запросу. Это создает риск того, что авторы музыки не получают отдельной выплаты за данный способ использования

В результате возник правовой разрыв между расширением цифровых способов использования и сохраняющейся формулировкой о выплате вознаграждения, предусмотренного пунктом 3 статьи 1263 ГК РФ. Не урегулированы также и порядок учета таких показов, обязанность предоставлять сведения об использовании произведений в уполномоченные организации и механизм распределения выплат.

Законодательное устранение неопределенности говорит о необходимости дополнить пункт 3 статьи 1263 ГК РФ, включив доведение аудиовизуального произведения до всеобщего сведения в перечень способов использования, порождающих право автора музыки на вознаграждение. Такое право должно сохраняться независимо от передачи исключительного права и не зависеть от того, включена ли музыка в фильм по заказу изготовителя или использована из ранее созданного произведения.

При этом предлагаемая правка не вводит свободное использование музыки и не заменяет согласия правообладателя. Онлайн-кинотеатр по-прежнему должен обладать необходимыми правами на предоставление фильма.

Для действенности этой гарантии обязанность по перечислению вознаграждения целесообразно возложить прежде всего на платформу, непосредственно предоставляющую аудиовизуальное произведение по запросу и располагающую данными о его показах и монетизации. Для проверяемости расчетов следует закрепить обязанность платформ раскрывать методику учета просмотров, включая правила определения завершенных и повторных просмотров, распределения доходов подписной модели и учета рекламных показов, а также предоставлять автору или уполномоченной организации соответствующие данные. Передача музыкального отчета с идентификаторами произведений, сведениями об авторах и хронометраже должна стать обязательным условием сдачи аудиовизуального произведения платформе, а сведения отчета — сопоставляться с фактически размещенной версией фильма. Автор или уполномоченная им организация должны получать сведения, достаточные для проверки начислений: название произведения, способ использования, период, территория, применявшаяся модель монетизации, расчетная база и использованная методика.

Такая прозрачность не требует раскрывать персональные данные зрителей или предоставлять неограниченный доступ ко всей коммерческой информации платформы. Во многих случаях достаточно агрегированных показателей. Размер и порядок выплаты целесообразно устанавливать законом либо соглашением с учетом модели монетизации и фактического использования контента. Ориентиром для разработки гарантий может служить Директива ЕС 2019/790, предусматривающая инструменты прозрачности и корректировки договорного вознаграждения авторов, хотя ее нормы не тождественны специальному праву, закрепленному статьей 1263 ГК РФ. Поправка должна разграничить такое вознаграждение и плату за лицензию, чтобы договор о передаче исключительного права не толковался как отказ от установленной законом выплаты.

Полномочия организаций по коллективному управлению должны соотноситься с охватываемыми правами и способами использования, поскольку сами по себе они не обеспечивают расчеты за онлайн-доступ по запросу. Для осуществления сбора вознаграждения с онлайн-кинотеатров, его распределения и выплаты организациями по коллективному управлению правами внесение изменений в статью 1263 ГК РФ необходимо согласовать с положениями статьи 1244 ГК РФ. Полномочия организаций, основания сбора и порядок распределения средств должны соответствовать новому способу использования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета.
2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2019. — № 7.

3. По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности пункта 3 статьи 1263 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2023 года № 1031-О // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. — URL: https://base.garant.ru/407035522/ (дата обращения: 15.10.2026).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях : Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ : [принят Государственной думой 21 июня 2013 года : одобрен Советом Федерации 26 июня 2013 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 27. — Ст. 3479.
5. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 11. — Ст. 1100.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24 ноября 2014 года № 364-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 48. — Ст. 6645.
7. Бойцов, И. А. Договор о создании аудиовизуального произведения в праве России и Франции: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. А. Бойцов. — Москва, 2017. — С. 12.
8. Дозорцев, В. А. Право на фильм как сложное многослойное произведение / В. А. Дозорцев // Вестник ВАС РФ. — 2000. — № 3. — С. 64–73.

Неюрисдикционная защита патентных прав в России: психологическое давление и обязательная предварительная верификация патентных претензий

Столяр Александр Сергеевич, студент
Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА (Оренбургская область)

В статье рассматриваются психологические факторы, влияющие на поведение предпринимателей при получении претензий о нарушении патентных прав на досудебной стадии. Обосновывается положение о том, что решение об удовлетворении претензии может быть обусловлено не только оценкой юридической обоснованности требований, но и стремлением избежать судебных расходов, неопределённости, репутационных потерь и психологического напряжения. Предлагается новый механизм досудебного урегулирования, основанный на обязательной предварительной верификации патентных претензий с участием бизнес-омбудсмена либо специально уполномоченного независимого посредника. Особенность модели заключается в том, что патентообладатель получает возможность начать претензионное взаимодействие с предполагаемым нарушителем только после проверки личности и полномочий заявителя, документов о принадлежности исключительного права и материалов, обосновывающих предполагаемое нарушение. Рассматриваются предполагаемые преимущества такого подхода, пределы проверки, гарантии от злоупотреблений и вопросы законодательного закрепления процедуры.

Ключевые слова: *патентное право, неюрисдикционная защита, досудебное урегулирование, психологическое давление, бизнес-омбудсмен, патентная претензия, верификация, злоупотребление правом, предпринимательство.*

Введение

Защита исключительных прав на изобретения, полезные модели и промышленные образцы имеет существенное значение для инновационного развития и обеспечения законных интересов патентообладателей. Вместе с тем реализация права на защиту в досудебном порядке может сопровождаться ситуациями, в которых предприниматель испытывает значительное психологическое давление ещё до того, как компетентный орган или суд установит наличие нарушения.

Получив требование прекратить использование определённого технического решения, выплатить компенсацию или возместить убытки, предприниматель вынужден принимать решение в условиях неопределённости. Ему необходимо оценить действительность патента, объём правовой охраны, наличие признаков нарушения, перспективы судебного спора и возможные финансовые последствия. При этом расходы на юридическую помощь, риск отвлечения ресурсов от основной деятельности и опасение неблагоприятного судебного решения могут побуждать адресата претензии к скорейшему урегулированию спора.

В подобных обстоятельствах выплата запрашиваемой суммы не всегда означает, что предприниматель признал наличие нарушения. Иногда она может рассматриваться им как способ уменьшить предполагаемые потери и бы-

стрее устранить неопределённость. Поэтому при анализе досудебной защиты патентных прав необходимо учитывать не только юридическую обоснованность требований, но и психологические условия, в которых принимается решение об их удовлетворении.

При этом важно разграничивать законную защиту исключительных прав и недобросовестное использование претензионного механизма. Само по себе предъявление требования, указание на возможность обращения в суд или предложение заключить соглашение не свидетельствуют о незаконном давлении. Проблема возникает тогда, когда решение предпринимателя формируется преимущественно под воздействием страха, недостатка информации, сомнений в достоверности заявителя или невозможности своевременно проверить предъявленные требования.

Цель настоящей статьи — исследовать психологические факторы, влияющие на принятие решений при досудебном урегулировании патентных споров, и предложить превентивный механизм, который позволит проверять обоснованность обращения на предварительном этапе. Основная идея заключается во введении обязательной предварительной верификации патентной претензии бизнес-омбудсменом либо специально уполномоченным независимым посредником до начала претензионного взаимодействия между патентообладателем и предполагаемым нарушителем.

1. Психологические факторы досудебного урегулирования патентных споров

1.1. Неопределённость и стремление избежать судебного разбирательства

Предприниматель, получивший патентную претензию, не всегда располагает необходимыми знаниями для самостоятельной оценки её обоснованности. Даже при наличии юридического образования анализ патентного спора может потребовать специальных технических знаний и исследования формулы изобретения, материалов патента, характеристик продукции и способа её использования.

Судебное разбирательство, в свою очередь, связано с финансовыми и организационными затратами. Предпринимателю приходится учитывать расходы на представителей, возможную экспертизу, временные затраты руководства, отвлечение сотрудников и вероятность неблагоприятного исхода. Для небольшого предприятия даже спор с относительно невысокой суммой требований может создать существенную нагрузку.

В результате возникает ситуация, когда адресат претензии сравнивает не только юридические позиции сторон, но и предполагаемую стоимость продолжения конфликта с суммой, которую от него требуют выплатить. Если последняя представляется меньшей, чем возможные расходы и потери, предприниматель может согласиться на урегулирование без полноценной оценки правовой обоснованности требований.

Такое поведение не следует автоматически рассматривать как иррациональное. Оно может быть результатом экономического расчёта в условиях неопределённости. Однако если решение принимается до проверки документов и обстоятельств предполагаемого нарушения, существует риск, что предприниматель понесёт расходы, которых можно было бы избежать при более информированном подходе.

1.2. Психологическое давление и информационное неравенство

Психологическое воздействие при досудебном урегулировании может возникать вследствие сочетания нескольких факторов: категоричной формулировки претензии, указания на значительный размер компенсации, короткого срока ответа, угрозы судебного разбирательства и недостатка сведений, позволяющих проверить обоснованность требований.

Особенно уязвимым адресат претензии может оказаться тогда, когда он не понимает, какие именно признаки его продукции или деятельности сопоставляются с охраняемым техническим решением. В такой ситуации само наличие патента и юридически оформленного требования способно восприниматься как свидетельство практически бесспорной позиции заявителя, хотя факт нарушения ещё нуждается в установлении.

Информационное неравенство усиливается, если заявитель располагает профессиональной юридической поддержкой, тогда как предприниматель вынужден самостоятельно разбираться в технических и правовых обстоятельствах. При отсутствии доступного механизма предварительной проверки адресат может воспринимать претензию как достоверную только потому, что она оформлена официально и содержит ссылки на законодательство.

Психологическое давление в этом случае проявляется не обязательно в форме прямых угроз. Оно может быть связано с самой ситуацией неопределённости, опасением судебных последствий и невозможностью быстро установить, действительно ли обращение исходит от лица, обладающего соответствующим исключительным правом.

Именно поэтому защита предпринимателя должна включать не только возможность последующего судебного оспаривания требований, но и превентивные инструменты, позволяющие установить достоверность заявителя и проверить наличие документальных оснований для обращения до начала переговоров.

1.3. Почему предприниматель может согласиться с необоснованным требованием

При принятии решения о выплате предприниматель может руководствоваться несколькими мотивами: стремлением сохранить деловую репутацию, желанием избежать конфликта с контрагентами, опасением приоста-

новки производства, нежеланием расходовать средства на судебное представительство и необходимостью сосредоточиться на основной деятельности.

В совокупности эти обстоятельства способны сформировать предпочтение быстрого урегулирования даже в ситуации, когда правовая позиция заявителя остаётся неясной. Предприниматель может предпочесть выплату относительно небольшой суммы продолжительному разбирательству, исход которого заранее неочевиден.

Однако подобная стратегия создаёт потенциальные условия для недобросовестного поведения. Если предъявление формальной претензии позволяет получить выплату без предварительного подтверждения личности заявителя, принадлежности ему исключительного права и фактических оснований требования, у недобросовестного лица может возникнуть стимул использовать правовую неопределённость как инструмент извлечения денежных средств.

Из этого не следует, что всякая патентная претензия представляет собой мошенничество или психологическое давление. Речь идёт о риске, возникающем при отсутствии доступной и независимой процедуры проверки. Снижение такого риска требует создания механизма, который позволит предпринимателю удостовериться в достоверности обращения до того, как начнутся переговоры о выплатах или прекращении использования продукции.

2. Границы допустимого воздействия при защите патентных прав

Правообладатель вправе защищать свои исключительные права, требовать прекращения предполагаемого нарушения, возмещения убытков или выплаты предусмотренной законом компенсации. Досудебная претензия может быть законным способом уведомления о нарушении и попыткой избежать судебного разбирательства.

Поэтому психологическое воздействие не может оцениваться исключительно исходя из того, что адресат испытывает тревогу или предпочитает не вступать в спор. Необходимо учитывать содержание обращения, действительность заявленного права, фактические основания требования, поведение сторон и соответствие действий законодательству.

Вместе с тем формальное наличие патента само по себе не подтверждает, что конкретная продукция или деятельность нарушает исключительное право. Для такого вывода необходимо исследовать соответствующие юридические и технические обстоятельства. Аналогичным образом наличие документа, внешне похожего на претензию, не гарантирует достоверности личности заявителя, его полномочий или представленных доказательств.

Особое значение приобретает принцип добросовестности, закреплённый статьёй 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Он предполагает недопустимость осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, обхода закона с противоправной целью и иного заведомо недобросовестного осуществления прав. При этом квалификация конкретного поведения зависит от обстоятельств дела и не может основываться лишь на субъективном ощущении давления со стороны получателя претензии.

Следовательно, задача предлагаемого механизма заключается не в ограничении права патентообладателя на защиту, а в создании проверяемого порядка, позволяющего отличить документально обоснованное обращение от обращения, достоверность которого не подтверждена. Предварительная проверка должна обеспечивать минимальный уровень доверия к источнику претензии, не подменяя судебную оценку и не предрешая вопрос о наличии нарушения.

3. Обязательная предварительная верификация патентных претензий с участием бизнес-омбудсмена

3.1. Сущность предлагаемой модели и её новизна

В качестве превентивной меры предлагается ввести обязательную предварительную верификацию патентных претензий с участием бизнес-омбудсмена либо специально уполномоченного независимого посредника.

Ключевая особенность модели состоит в том, что проверка проводится не после возникновения конфликта и не только перед обращением в суд, а до начала претензионного взаимодействия между патентообладателем и предполагаемым нарушителем.

В рамках предлагаемой модели патентообладатель не вправе направлять предполагаемому нарушителю официальную претензию, требовать выплаты компенсации или начинать переговоры об урегулировании патентного спора до получения подтверждения о прохождении предварительной проверки. При этом речь идёт о предлагаемом новом правовом режиме, который должен быть прямо установлен законом, а не о действующем ограничении, уже предусмотренном российским законодательством.

Новизна подхода заключается в переносе контрольного этапа на более раннюю стадию. В традиционной модели адресат сначала получает претензию и вынужден самостоятельно проверять её достоверность. В предлагаемой модели предварительная проверка должна обеспечить минимальные гарантии достоверности обращения ещё до того, как оно станет источником психологического давления на предпринимателя.

Таким образом, предлагается следующая последовательность:

Патентообладатель подаёт обращение уполномоченному посреднику.

Посредник проверяет личность заявителя, его полномочия и комплектность документов о патенте и предполагаемом нарушении.

При соблюдении установленных требований заявителю выдаётся отметка или электронное подтверждение о прохождении проверки.

Только после получения подтверждения допускается претензионное взаимодействие с предполагаемым нарушителем.

Стороны могут вести переговоры, заключить соглашение или использовать предусмотренные законом способы защиты права.

При этом отметка должна подтверждать прохождение установленной процедуры и выполнение предусмотренных требований, но не означать окончательного признания нарушения или обоснованности заявленной суммы.

3.2. Проверка личности заявителя и документов

Первым элементом процедуры должна стать проверка личности патентообладателя либо лица, действующего от его имени. Если обращение подаётся представителем, необходимо подтвердить его полномочия. Для юридического лица проверяются сведения, позволяющие установить его существование и право действовать в соответствующем качестве.

Второй элемент — проверка сведений об исключительном праве. Посредник должен установить, какой именно патент положен в основу претензии, кто указан в качестве патентообладателя, действует ли соответствующее право и имеются ли документы, подтверждающие полномочия заявителя предъявлять требования.

Третий элемент — проверка представленных материалов, обосновывающих предполагаемое нарушение. Заявитель должен указать, какое действие, изделие или способ использования он считает нарушением и на каких обстоятельствах основано его утверждение.

В зависимости от характера патентного объекта такими материалами могут быть фотографии, видеозаписи, техническая документация, описание характеристик продукции, результаты исследования изделия и другие сведения. Фото- и видеоматериалы целесообразно использовать там, где они действительно способны подтвердить существенные обстоятельства. В частности, они не всегда позволяют установить наличие признаков запатентованного технического решения, скрытых внутри изделия или относящихся к производственному процессу.

Поэтому требование о представлении доказательств должно быть технологически нейтральным: заявитель представляет подходящие материалы, позволяющие предварительно оценить документальную основу претензии. Нельзя считать отсутствие фотографии или видеозаписи достаточным основанием для отказа, если характер предполагаемого нарушения объективно не позволяет получить такие материалы.

Результатом проверки должно стать подтверждение того, что заявитель установлен, его полномочия проверены, сведения о патенте представлены, а обращение содержит материалы, необходимые для начала претензионного взаимодействия. Если документы отсутствуют, противоречат друг другу или не позволяют идентифицировать основание обращения, процедура должна предусматривать возможность запросить уточнения либо отказать в выдаче подтверждения с указанием причин.

3.3. Значение отметки омбудсмена для предполагаемого нарушителя

В предлагаемой модели отметка бизнес-омбудсмена выполняет функцию предварительного удостоверения достоверности источника обращения. Получив претензию с уникальным идентификатором проверки, предприниматель сможет обратиться к официальному ресурсу и установить, проходило ли обращение предусмотренную процедуру.

Это должно уменьшить вероятность ситуации, при которой предприниматель воспринимает любое формально составленное требование как достоверное и вынужден немедленно принимать решение о выплате под угрозой судебного разбирательства.

Отметка также может стимулировать заявителей заблаговременно собирать документы и формулировать свои требования на основе конкретных обстоятельств, а не ограничиваться общим указанием на существование патента. В результате повышается прозрачность начала досудебного взаимодействия, а стороны получают более определённую исходную позицию для переговоров.

Вместе с тем проверка не должна превращаться в упрощённое судебное разбирательство. Бизнес-омбудсмен или уполномоченный посредник не обязан на этой стадии окончательно разрешать сложный технический вопрос о наличии нарушения патента. Такая оценка может требовать экспертного исследования и полноценного состязательного процесса.

Следовательно, отметка должна подтверждать именно прохождение предварительной верификации, а не служить гарантией того, что патентная претензия обязательно будет удовлетворена судом. Это разграничение необходимо для сохранения прав обеих сторон.

3.4. Влияние предварительной проверки на психологическое давление

Предполагаемый положительный эффект предлагаемого механизма связан с изменением условий, в которых предприниматель впервые сталкивается с патентной претензией.

В обычной ситуации получатель требования может испытывать тревогу, не зная, действительно ли заявитель обладает исключительным правом, корректно ли определены основания претензии и не используется ли угроза судебного разбирательства для получения необоснованной выплаты.

Предварительная верификация призвана устранить часть этой неопределённости до начала контакта. Если предприниматель получает обращение, прошедшее установленную процедуру, он может проверить сведения о заявителе и наличие документов, представленных для обоснования требования. Если же подтверждение отсутствует,

у него появляется объективный критерий, позволяющий усомниться в соблюдении предусмотренного порядка, а не принимать решение исключительно под влиянием формулировок претензии.

Предполагаемая причинно-следственная связь выглядит следующим образом: обязательная проверка заявителя и документальных оснований обращения снижает неопределённость относительно источника претензии; снижение неопределённости позволяет адресату спокойнее оценивать предъявленные требования; более информированная оценка может уменьшить вероятность поспешной выплаты, обусловленной исключительно страхом перед судебным спором.

При этом данный эффект следует рассматривать как исследовательскую гипотезу, требующую эмпирической проверки. Нельзя заранее утверждать, что введение отметки полностью устранит психологическое давление, исключит мошенничество или гарантированно приведёт к сокращению числа споров.

3.5. Правовые условия внедрения и гарантии сторон

Для реализации предлагаемого механизма необходимо законодательное закрепление его обязательности, компетенции уполномоченного посредника, порядка подачи и рассмотрения обращения, требований к документам, сроков проверки и оснований отказа в выдаче подтверждения.

Особого внимания требует вопрос о правовом статусе бизнес-омбудсмена. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ определяет положение, задачи и компетенцию уполномоченных по защите прав предпринимателей. Однако из действующего регулирования не следует, что бизнес-омбудсмен уже наделён универсальным полномочием предварительно разрешать все частные патентные споры или запрещать патентообладателям контактировать с предполагаемыми нарушителями. Поэтому реализация предлагаемой модели потребует специального нормативного решения, а возможно, и создания отдельной процедуры с участием уполномоченного посредника.

Необходимо также определить последствия контакта, совершённого без предварительной отметки. В частности, законодатель должен решить, будет ли такое обращение считаться ненадлежащим соблюдением обязательного досудебного порядка, какие меры применяются при нарушении установленного требования и как обеспечивается возможность судебной защиты патентообладателя.

При этом предварительная верификация не должна лишать правообладателя самого исключительного права или создавать непреодолимый административный барьер для его защиты. Необходимы разумные сроки проверки, возможность оперативного устранения недостатков документов, прозрачные основания отказа и механизм обжалования решений посредника.

Следует отдельно урегулировать исключительные ситуации, в которых задержка способна привести к существенному ущербу, например при необходимости срочного обращения за обеспечительными мерами. Законодательная модель должна учитывать возможность судебной защиты в предусмотренных законом случаях, не позволяя предварительной процедуре блокировать эффективную защиту права.

Наконец, требуется обеспечить конфиденциальность коммерческой и технической информации, представляемой для проверки. Публикация данных о предполагаемом нарушении до выяснения обстоятельств может сама по себе причинить ущерб деловой репутации предпринимателя. Поэтому верификация должна быть направлена на проверку обращения, а не на публичное объявление лица нарушителем.

4. Направления дальнейшего исследования

Предложенная модель нуждается в последующем теоретическом и эмпирическом исследовании. В частности, необходимо установить, в какой степени предварительная верификация влияет на субъективное ощущение давления, готовность предпринимателя проверять документы и вероятность согласия на выплату до получения независимой оценки.

Одним из возможных направлений является экспериментальное исследование, в котором участникам предлагается оценить несколько вариантов получения патентной претензии: без подтверждения предварительной проверки, с подтверждением личности заявителя и с подтверждением прохождения проверки документальных оснований обращения. Сравнение результатов позволило бы определить, изменяется ли уровень доверия к претензии и готовность адресата принимать решение о выплате.

Другим направлением может стать анализ практики досудебного урегулирования патентных споров, включая содержание претензий, сроки ответа, характер запрашиваемых сумм и причины, по которым предприниматели выбирают соглашение вместо судебного разбирательства. Такая работа помогла бы определить, какие элементы предлагаемой процедуры действительно необходимы и какие риски должны учитываться при её нормативном оформлении.

Отдельно следует исследовать организационную модель проверки: может ли её выполнять действующий институт бизнес-омбудсмена после расширения полномочий или целесообразнее создать специализированный механизм с независимыми экспертами и электронным реестром подтверждений. Выбор модели должен учитывать доступность процедуры для малого бизнеса, расходы на её проведение, защиту конфиденциальных сведений и недопустимость необоснованного ограничения права на судебную защиту.

Заключение

Досудебное урегулирование патентных споров представляет собой не только юридическую, но и психологи-

ческую ситуацию, в которой предприниматель вынужден принимать решение в условиях неопределённости, возможных финансовых потерь и опасений относительно последствий судебного разбирательства. В этих условиях согласие на выплату не всегда означает признание обоснованности предъявленного требования. Оно может быть обусловлено стремлением избежать затрат, снизить напряжение и быстрее вернуться к обычной хозяйственной деятельности.

Одним из способов уменьшения соответствующих рисков может стать обязательная предварительная верификация патентных претензий с участием бизнес-омбудсмена либо специально уполномоченного независимого посредника. Отличительной особенностью предлагаемой модели является проведение проверки до начала претензионного взаимодействия между патентообладателем и предполагаемым нарушителем. До получения подтверждения о прохождении установленной процедуры заявитель не должен иметь права инициировать предусмотренное моделью претензионное взаимодействие.

Такая проверка должна включать установление личности и полномочий заявителя, проверку сведений о патенте и принадлежности исключительного права, а также изучение материалов, которыми обосновывается предполагаемое нарушение. Отметка посредника удостоверяет прохождение процедуры, но не подменяет судебное установление факта нарушения и не гарантирует удовлетворение требований патентообладателя.

Предполагаемое значение механизма состоит в повышении достоверности источника претензии, уменьшении неопределённости для предпринимателя и создании более прозрачных условий для начала переговоров. При надлежащем законодательном оформлении он может способствовать снижению риска недобросовестного использования претензионного механизма, не отрицая права патентообладателя на эффективную защиту исключительных прав.

Таким образом, центральная идея предлагаемого подхода выражается в следующей последовательности: предварительная проверка заявителя и оснований обращения — подтверждение прохождения процедуры — начало претензионного взаимодействия — информированное решение сторон об урегулировании либо судебной защите. Практическая эффективность этой модели, её влияние на психологическое давление и соотношение с действующими гарантиями судебной защиты требуют дальнейшего исследования и законодательной проработки.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в действующей редакции). Статьи 10, 1250, 1252, 1406.
2. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».
3. Korobkin, R., Guthrie, C. Psychological Barriers to Litigation Settlement: An Experimental Approach // Michigan Law Review. 1994. Vol. 93, No. 1. P. 107–192.
4. Chien, C. V. Startups and Patent Trolls // Santa Clara University School of Law Legal Studies Research Paper. 2012.

Обоснованность указов Президента Российской Федерации о применении мер ответственности к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации

Тонких Милана Игоревна, студент магистратуры;
Смирнова Екатерина Игоревна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье рассматриваются указы, которыми Президент Российской Федерации выносит высшему должностному лицу субъекта предупреждение, объявляет выговор или отрешает его от должности. Автор сопоставляет основания этих мер по статье 29 Федерального закона № 414-ФЗ, правовые позиции Конституционного Суда и судебную практику обжалования указов и предлагает закрепить обязанность запрашивать объяснения губернатора и приводить в указе установленные обстоятельства.

Ключевые слова: *Президент Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, конституционно-правовая ответственность, утрата доверия, отрешение от должности, предупреждение, обоснованность указа.*

Ответственность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации перед Президентом относится к немногим институтам, в которых федеральная власть напрямую решает судьбу регионального руководителя. Президент вправе предупредить губернатора или объявить ему выговор. В ряде случаев он отрешает

от должности человека, которого избрали жители субъекта, и делает это единолично, своим указом. От того, насколько полно в указе раскрыты причины решения, зависит, сможет ли губернатор возражать по существу и найдет ли суд предмет для проверки.

Меры ответственности собраны в статье 29 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ [3], и основания у них неодинаковые. Если суд признал акт губернатора противоречащим Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству, а в течение двух месяцев решение суда не исполнено, Президент выносит предупреждение (часть 1). Сходное последствие закон связывает с бездействием после указа о приостановлении регионального акта, когда губернатор этот акт не отменил и в суд не обратился. Неисполненную обязанность в обоих случаях называет внешний документ, решение суда или указ о приостановлении. Месяц без мер после такого предупреждения ведет к отрешению, причем закон здесь говорит отрешает, и выбора у Президента нет (часть 2).

Иначе устроены часть 3 и пункт 1 части 4. Ненадлежащее исполнение обязанностей и утрату доверия устанавливает сам Президент, а закон лишь указывает, что он вправе применить меру. Что считать ненадлежащим исполнением, Закон № 414-ФЗ не определяет. Случаи увольнения в связи с утратой доверия лиц, замещающих государственные должности субъектов, перечислены в статье 13.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» [2], однако статья 29 к ней не отсылает. Как распределяются основания, показано на рис. 1.

Основание меры	Кто устанавливает факт нарушения	Мера и усмотрение Президента
Неисполнение решения суда об акте губернатора (ч. 1)	Суд	Предупреждение, затем отрешение обязательно (ч. 2)
Неотмена приостановленного акта без обращения в суд (ч. 1)	Указ о приостановлении и двухмесячный срок	Предупреждение, затем отрешение обязательно (ч. 2)
Ненадлежащее исполнение обязанностей (ч. 3)	Президент	Предупреждение или выговор, затем отрешение (п. 4 ч. 4)
Утрата доверия Президента (п. 1 ч. 4)	Президент	Отрешение (вправе)
Недоверие законодательного органа субъекта (п. 2 ч. 4)	Законодательный орган субъекта	Отрешение (вправе)
Неисполнение решения Конституционного Суда (п. 3 ч. 4)	Конституционный Суд	Отрешение (вправе)
Часть 6. Решение принимается в форме указа Президента. Требований указать в нем установленные факты и мотивы выбора меры закон не содержит		

основания, по которым факт нарушения устанавливает сам Президент

Рис. 1. **Основания мер ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по статье 29 Федерального закона № 414-ФЗ (составлено автором по [3])**

Наименее определенные основания оказались там, где факт нарушения устанавливает сам Президент. Часть 6 статьи 29 при этом ограничивается тем, что решение принимается в форме указа.

Практика подтверждает, что указы этого вида причин не раскрывают. А. А. Кондрашев изучил указы о досрочном прекращении полномочий губернаторов в связи с утратой доверия, изданные с 2014 по 2017 год, и установил, что ни в одном из шести «не были приведены основания (конкретные факты коррупции) этой самой утраты» [8, с. 24]. Указы 2020 года о Главе Чувашской Республики и Губернаторе Хабаровского края, изданные еще по нормам прежнего закона, построены так же. И. А. Третьяк отмечает, что в них «так и не были отражены фактические основания для утраты доверия» [9, с. 144]. Главе Чувашской Республики, как следует из приведенных автором сведений, публично вменялись действия, не соответствующие этике поведения на государственной службе, тогда как закон связывал утрату доверия с антикоррупционными нарушениями [9, с. 144].

Обжаловать указ губернатор может в Верховный Суд Российской Федерации в течение десяти дней со дня его официального опубликования (часть 7 статьи 29). Указ Президента от 29 января 2020 года № 68 оспорил М. В. Игнатьев. Его административное исковое заявление приняли к производству 21 мая 2020 года (дело № АКПИ20–276), а 9 июля 2020 года производство прекратили в связи со смертью административного истца, и Апелляционная

коллегия 15 сентября 2020 года оставила это определение без изменения [5]. По существу указ так и не проверили.

Процессуальный закон на первый взгляд защищает губернатора достаточно. По пункту 3 части 9 и части 11 статьи 226 КАС РФ орган, принявший оспариваемое решение, доказывает наличие полномочий, соблюдение порядка и наличие оснований, если они предусмотрены нормативными актами, а дела об оспаривании ненормативных актов Президента подсудны Верховному Суду (пункт 2 статьи 21) [1]. Что, однако, доказывает ответчик, если основанием указа названа только утрата доверия? Фактические обстоятельства в этом случае впервые появляются в возражениях на иск. Губернатор узнает, что ему вменяется, когда срок обжалования уже истек.

Конституционный Суд в Постановлении от 4 апреля 2002 года № 8-П подчеркнул, что «гарантируется использование федерального воздействия соразмерно негативным социальным последствиям» решения регионального органа, а обоснованность отрешения высшего должностного лица обеспечивается судебной властью, разрешающей спор между Федерацией и ее субъектом [4]. Суд рассматривал тогда процедуру, в которой отрешению предшествовали судебные решения о нарушениях. У основания утраты доверия такого предварительного судебного звена нет, поэтому требование соразмерности может быть проверено только по тому, что изложено в самом указе.

От квалификации утраты доверия зависит и то, каким должно быть обоснование. Р. Ф. Гарипов и О. И. Зазнаев, напоминая, что для политической ответственности «не требуется вины» [6, с. 50], относят отрешение по этому основанию к мерам политической ответственности [6, с. 52]. И. А. Третьяк считает, что такие указы не могут быть квалифицированы в качестве мер конституционно-правовой ответственности [9, с. 146]. Автор предлагает приводить в них конкретные основания, установленные вступившим в силу решением суда, и наделить группу жителей субъекта правом оспаривать указ [9, с. 150–151]. Еще дальше идет А. А. Кондрашев, по мнению которого основание утраты доверия следует исключить, а право отрешения сохранить за Президентом лишь при подтверждении нарушений судебными решениями [8, с. 29–30]. Даже предупреждение, как замечают Р. Ф. Гарипов и Д. И. Игонин, предшествует отставке при бездействии губернатора, а основания части 3 статьи 29 сформулированы значительно шире оснований части 1 [7].

Предложения о судебном подтверждении каждого факта меняют саму модель ответственности, тогда как Закон № 414-ФЗ сохранил утрату доверия без судебного звена. Усмотрение Президента в выборе меры остается прежним, но указ должен показывать, на каких фактах оно основано. Статью 29 Закона № 414-ФЗ предлагается дополнить частями 6.1 и 6.2. По части 6.1 до вынесения предупреждения, объявления выговора или отрешения от должности по основаниям частей 1–4 Президент запрашивает у высшего должностного лица субъекта письменные объяснения, которые представляются в течение десяти дней. Непредставление объяснений принятию решения не препятствует, и сроки, установленные статьей 29, из-за запроса не продлеваются.

Часть 6.2 предлагается изложить в следующей редакции. «6.2. В указе Президента Российской Федерации о применении меры, предусмотренной частями 1–4 настоящей статьи, приводятся основание ее применения со ссылкой на соответствующую часть настоящей статьи, установленные фактические обстоятельства, результаты рассмотрения письменных объяснений высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, если они были представлены, а в случаях, когда настоящей статьей допускается применение различных мер, мотивы выбора примененной меры. Сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера приводятся в приложении к указу, не подлежащем официальному опубликованию. При обжаловании указа в судебном порядке материалы, послужившие основанием для его издания, представляются в суд в порядке, установленном законодательством об административном судопроизводстве».

Временного отстранения от должности по части 5 статьи 29 предложенные нормы не касаются, порядок там задает уголовно-процессуальное законодательство. Возражая против указа, губернатор будет спорить с фактами, названными в самом указе, а Верховный Суд получит для проверки то, что сейчас приходится восстанавливать по сообщениям средств массовой информации.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.04.2002 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета

Республики Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 15. Ст. 1497.
5. Карточка производства по административному делу № АКПИ20–276 по административному исковому заявлению Игнатьева М. В. об оспаривании Указа Президента Российской Федерации от 29.01.2020 № 68 «О досрочном прекращении полномочий Главы Чувашской Республики» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/claims/10675483 (дата обращения: 29.10.2026).
6. Гарипов Р. Ф., Зазнаев О. И. Политическая ответственность главы региона в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 50–53.
7. Гарипов Р. Ф., Игонин Д. И. Предупреждение как мера ответственности губернатора по российскому законодательству // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 145–149.
8. Кондрашев А. А. Отрешение от должности губернатора Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение им своих обязанностей: проблемы теории и практической реализации // Lex russica. 2020. Т. 73, № 3 (160). С. 20–32.
9. Третьяк И. А. Конституционно-правовые аспекты отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1. С. 141–155.

Трансформация судебно-медицинской экспертизы в современных условиях: технологии, вызовы и перспективы

Туркин Артем Михайлович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается трансформация судебно-медицинской экспертизы (СМЭ) в современных условиях: рост её роли в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве сопряжён с внедрением передовых технологий и одновременным возникновением новых вызовов. Анализируются ключевые направления развития: виртопсия (неинвазивные методы посмертной визуализации с использованием МСКТ и МРТ), ее преимущества и ограничения. Подробно разбираются методы современной токсикологии (хромато-масс-спектрометрия и жидкостная хроматография), молекулярно-генетические исследования (включая touch DNA), 3D-моделирование и реконструкция событий, а также системы LIMS и технологии искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *судебно-медицинская экспертиза, виртопсия, хромато-масс-спектрометрия, жидкостная хроматография, молекулярно-генетические исследования, touch DNA, 3D-моделирование, реконструкция событий, LIMS, междисциплинарное взаимодействие, искусственный интеллект.*

Transformation of forensic medical examination in modern conditions: technologies, challenges and prospects

The article examines the transformation of forensic medical examination in modern conditions: its increasing role in criminal, civil, and administrative legal proceedings is combined with the implementation of advanced technologies and the emergence of new challenges. Key development areas are analyzed: virtopsy (non-invasive post-mortem imaging methods using MSCT and MRI), its advantages and limitations. Modern toxicology methods (GC-MS/LC-MS), molecular genetic studies (including touch DNA), 3D modeling and event reconstruction, as well as LIMS systems and artificial intelligence technologies are discussed in detail.

Keywords: *forensic medical examination, virtopsy, gas chromatography-mass spectrometry, liquid chromatography, molecular genetic testing, touch DNA, 3D modeling, event reconstruction, LIMS, interdisciplinary interaction, artificial intelligence.*

Судебно-медицинская экспертиза (СМЭ) — один из ключевых элементов доказательственной базы в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве [1]. Сегодня её роль заметно возрастает: растёт сложность дел, повышается запрос на объективные данные, а наука и технологии дают новые инструменты для установления истины. Вместе с тем расширение возможностей сопровождается новыми вызовами — от инфраструктурных до методологических и правовых. Современные методы позволяют получать доказательства, которые ещё 15–20 лет назад были практически недостижимы.

Виртуальная аутопсия (виртопсия) — использование МСКТ и МРТ в судебно-медицинской экспертизе без инвазивного вскрытия [2]. Особенно ценна при массовых

катастрофах (позволяет быстро обследовать множество тел), при религиозных возражениях против вскрытия (сохраняет телесную целостность) и когда нужен повторный анализ спустя время (данные хранятся в цифровом виде).

При этом виртопсия не заменяет традиционное вскрытие: у методов разная специализация (МСКТ лучше показывает кости и инородные тела, МРТ — мягкие ткани), посмертные изменения создают артефакты на снимках, невозможен прямой забор тканей для анализов, утрачиваются органолептические данные (тактильные, обонятельные). Кроме того, есть правовые пробелы, нехватка подготовленных специалистов, высокая стоимость оборудования и риск ошибок при интерпретации снимков. Таким образом, виртопсия — эффективное дополнение к классическим методам, а выбор подхода должен зависеть от обстоятельств дела и задач экспертизы.

Хромато-масс-спектрометрия (ХМС) и жидкостная хроматография (ЖХ) — ключевые методы современной судебно-медицинской токсикологии, обеспечивающие выявление наркотических, лекарственных и промышленных веществ, а также их метаболитов в нано- и пикограммовых концентрациях [3]. Это позволяет дифференцировать схожие по симптоматике состояния, устанавливать временную динамику поступления веществ в организм, подтверждать либо опровергать версию о причине смерти и оценивать состояние лица в момент происшествия.

Вместе с тем достоверность результатов зависит от корректного отбора и хранения биоматериалов, а интерпретация данных требует учёта индивидуальной чувствительности, сопутствующих патологий и комбинаций препаратов. Применение методов ограничено высокой стоимостью оборудования, необходимостью квалифицированного персонала и валидированных методик пробоподготовки. Таким образом, ХМС и ЖХ существенно повышают точность токсикологического анализа, однако их результаты подлежат комплексной оценке в сочетании с морфологическими, клиническими и следственными данными.

Молекулярно-генетические исследования. Анализ ДНК, в том числе «touch DNA» (следы, оставленные при касании), позволяет идентифицировать человека по микроскопическим биологическим следам [4]. Такие методы незаменимы при расследовании насильственных преступлений, идентификации неопознанных тел и установлении родства.

3D-моделирование и реконструкция событий — важное направление современной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы [5]. Лазерное сканирование, фотограмметрия и компьютерное моделирование позволяют создать точную цифровую копию места происшествия и воспроизвести динамику события: рассчитать траекторию движения объектов, угол удара, механизм образования повреждений и иные пространственно-временные параметры.

Лазерное сканирование (в том числе с применением LiDAR-технологий) формирует «облако точек» с высокой метрической точностью (погрешность — 1–3 мм), что даёт возможность фиксировать взаимное расположение транспортных средств, следов торможения, фрагментов конструкций, тел и иных значимых объектов. Такой подход особенно ценен при неблагоприятных условиях (тёмное время суток, осадки) либо когда обстановка места происшествия быстро меняется. Фотограмметрия, основанная на обработке серии фотоснимков (в том числе сделанных с беспилотных летательных аппаратов), позволяет строить 3D-модели обширных территорий и сложных объектов, а также восстанавливать рельеф и микродетали следов. Компьютерное моделирование интегрирует эти данные и с помощью расчётных методов (включая конечноэлементный анализ) имитирует физические процессы — например, деформацию материалов, распространение ударной волны, баллистическую траекторию.

Эти технологии востребованы при расследовании дорожно-транспортных происшествий (для реконструкции столкновения и оценки скоростей), падений с высоты (для анализа траектории и точки приземления), огнестрельных и взрывных повреждений (для определения направления выстрела, дистанции и угла поражения, а также зоны разлёта осколков и характера разрушений). Кроме того, 3D-реконструкции применяют при экспертизе травм, причинённых тупыми и острыми предметами: модели помогают соотнести повреждения на теле с предполагаемым орудием и проверить версии о механизме травмирования.

Важное преимущество подхода — возможность многократного повторного анализа без выезда на место: эксперты могут выполнять виртуальные измерения, сечения, менять ракурсы и проверять альтернативные версии. В судебной практике 3D-модели используют как наглядное средство представления доказательств: они повышают информативность заключений и облегчают восприятие сложных технических данных судом и присяжными. При этом доказательственная ценность моделей зависит от метрологической точности исходных данных, корректности методики и документального подтверждения применяемых технических средств и процедур.

Автоматизация и цифровизация существенно трансформируют работу судебно-медицинских и экспертно-криминалистических подразделений. Ключевым инструментом выступают системы управления лабораторной информацией (LIMS), которые обеспечивают сквозной учёт биоматериалов и этапов исследования: от регистрации поступивших объектов и назначения экспертиз до контроля сроков, фиксации результатов и формирования отчётности [6]. В связке с LIMS применяют электронные журналы и электронный документооборот — они исключают дублирование записей, минимизируют риск ошибок из-за человеческого фактора и позволяют отслеживать статус каждого дела в реальном времени.

Интеграция с медицинскими информационными системами (в том числе с ЕГИСЗ) даёт возможность оперативно получать сопутствующую клиническую документацию — выписки, результаты анализов, снимки КТ/МРТ, протоколы операций, — что критически важно для

комплексной оценки обстоятельств дела. Кроме того, цифровые платформы поддерживают стандартизацию форм заключений, автоматическую проверку полноты заполнения полей и соответствие требованиям нормативной базы, а также упрощают обмен данными между бюро СМЭ, следственными органами и судами.

Дополнительным преимуществом является формирование агрегированной статистики и аналитических отчётов: на основе накопленных данных можно оценивать нагрузку на экспертов, выявлять «узкие места» в рабочих процессах и планировать ресурсное обеспечение. При этом внедрение цифровых решений требует соблюдения требований к информационной безопасности и защите персональных данных, а также валидации программных средств для признания результатов в судебном процессе. Таким образом, автоматизация повышает прозрачность, скорость и надёжность экспертных исследований, но её эффективность напрямую зависит от качества интеграции систем, подготовки персонала и нормативно-методического сопровождения.

Трансформация организации работы в судебно-медицинской экспертизе выходит за рамки внедрения новых технических средств и затрагивает методологические и управленческие аспекты экспертной деятельности. Одним из значимых направлений является усиление междисциплинарного взаимодействия [7]. При проведении сложных комплексных экспертиз всё чаще формируются экспертные комиссии с привлечением узких специалистов — гистологов, токсикологов, генетиков, рентгенологов, — каждый из которых обеспечивает оценку объекта в рамках своей профессиональной компетенции. Такой подход позволяет охватить широкий спектр диагностических задач, минимизировать риск односторонней интерпретации данных и повысить обоснованность и достоверность итоговых выводов за счёт конвергенции специализированных знаний.

Особую организационную специфику имеет работа в условиях массовых инцидентов и чрезвычайных ситуаций, сопряжённых с гибелью значительного числа лиц. В подобных обстоятельствах применяются стандартизированные методики, ориентированные на оперативность и масштабируемость: реализуются алгоритмы сортировки и маркировки тел, унифицированные протоколы экспресс-анализа, оптимизированные схемы отбора и транспортировки биоматериалов. Данные меры обеспечивают ускоренное установление причин смерти и идентификацию погибших при сохранении минимально необходимого уровня доказательности, что критически важно для своевременного информирования родственников и дальнейшего процессуального сопровождения.

Перспективным инструментом поддержки экспертного процесса выступает применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) и методов аналитики больших данных [8]. Алгоритмы машинного обучения позволяют автоматизировать обработку массивов визуальных данных (в том числе рентгенограмм, томограмм, фотоматериалов), выявлять типовые паттерны повреждений, детектировать аномалии и формировать справочные базы типичных случаев. При этом ИИ рассматривается исключительно как вспомогательное средство: он способен повысить эффективность рутинных операций и сократить временные затраты, но не заменяет экспертное суждение. Окончательная интерпретация результатов, оценка их релевантности и формулирование выводов остаются в компетенции квалифицированного специалиста, поскольку требуют учёта совокупности обстоятельств, контекстуализации данных и применения профессионального опыта.

Таким образом, современные организационные модели судебно-медицинской экспертизы характеризуются интеграцией междисциплинарных подходов, адаптацией к экстремальным условиям массовых происшествий и внедрением цифровых инструментов поддержки принятия решений. При этом сохранение принципа персональной ответственности эксперта и обеспечение методологической строгости выводов выступают ключевыми условиями поддержания доказательственной ценности экспертных заключений.

Успешное развитие судебно-медицинской экспертизы в современных условиях возможно только при сбалансированном подходе. Он должен включать одновременное решение задач: методического совершенствования и стандартизации новых технологий, нормативно-правового сопровождения, подготовки кадров с междисциплинарными компетенциями, а также сохранения и неукоснительного соблюдения фундаментальных принципов — объективности, всесторонности, полноты исследования и персональной ответственности эксперта. Только такой подход позволит в полной мере реализовать потенциал современных достижений, минимизировав сопутствующие риски, и обеспечит высокую доказательственную ценность экспертных заключений в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве.

Литература:

1. Ковалев А. В. Современное состояние и перспективы развития судебно-медицинской экспертизы в Российской Федерации // Судебно-медицинская экспертиза. — 2021.
2. Клевно, В. А. Виртуальная аутопсия (виртопсия) как современный метод посмертной визуализации в судебной медицине / В. А. Клевно, Ю. В. Чумакова. — Текст: непосредственный // Альманах клинической медицины. — 2020.
3. Калекин, Р. А. Применение методов хромато-масс-спектрометрии в судебно-химическом и токсикологическом анализе / Р. А. Калекин, Г. В. Волкова. — Текст: непосредственный // Судебно-медицинская экспертиза. — 2022.

4. Иванов, П. Л. Судебно-биологическая экспертиза ДНК: современный уровень развития и инновационные технологии / П. Л. Иванов. — Текст: непосредственный // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2021.
5. Леонов, С. В. Использование технологий 3D-моделирования и цифровой фотограмметрии при реконструкции обстоятельств происшествия / С. В. Леонов, Ю. П. Шакирьянова. — Текст: непосредственный // Медицинская экспертиза и право. — 2022.
6. Федоров, С. А. Внедрение лабораторных информационных систем (LIMS) в практику бюро судебно-медицинской экспертизы / С. А. Федоров, Ю. Е. Морозов. — Текст: непосредственный // Судебная медицина. — 2023.
7. Хохлов, В. В. Междисциплинарное взаимодействие при проведении комиссионных и комплексных судебно-медицинских экспертиз / В. В. Хохлов. — Текст: непосредственный // Российский судья. — 2022. — № 8.
8. Пиголкин, Ю. И. Применение искусственного интеллекта и нейросетевых технологий в судебной медицине: вызовы и перспективы / Ю. И. Пиголкин, Г. В. Золотенкова. — Текст: непосредственный // Судебно-медицинская экспертиза. — 2023.

Проблемы рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц

Хабарова Наталья Николаевна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Переход России к рыночной экономике привел к расширению внешнеэкономических отношений российских юридических лиц с субъектами иностранных государств. С этим увеличивается и количество споров с участием таких лиц. Важным этапом правового регулирования стало принятие АПК РФ 2002 года, в котором впервые был выделен отдельный пятый раздел, регламентирующий порядок судопроизводства по делам с участием нерезидентов.

Принцип равенства всех участников процесса перед законом, закрепленный в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) [1] и ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека (1950 г.) [2], является фундаментальным для международного права. Данная концепция нашла отражение и в ч. 1 ст. 254 АПК РФ, гарантирующей иностранным лицам процессуальные права, идентичные правам российских организаций. Тем не менее, на практике реализация этого принципа сталкивается с рядом нерешенных теоретических и практических проблем.

Российские арбитражные суды, согласно п. 2 ч. 1 ст. 247 АПК РФ, обладают компетенцией по рассмотрению споров с участием иностранных юридических лиц в том случае, если на территории РФ функционирует их филиал, представительство или орган управления, при условии, что предмет иска непосредственно связан с деятельностью данных структур.

Следует отметить, что возникает немало проблем при определении юридического статуса участвующих в арбитражном процессе иностранных организаций. Согласно правовой позиции ВАС РФ, подтверждение статуса иностранного субъекта осуществляется посредством представления выписки из торгового реестра (или аналогичного документа), выданного уполномоченным органом государства регистрации. Данные документы подлежат обязательной легализации (либо апостилированию) и нотариальному переводу на русский язык. Следовательно, вопрос о наличии у иностранной организации процессуальной правоспособности решается исключительно на основании норм личного закона этой организации, а не российского права.

При изучении положений пп. 2 и 3 ст. 36 АПК РФ возникают и другие проблемные вопросы. В частности, не до конца урегулирован вопрос о подсудности споров с участием нескольких ответчиков, один из которых является иностранным лицом. А также, может ли истец выбрать местом рассмотрения дела адрес российского соответчика или место нахождения имущества иностранной компании.

П. 2 ст. 36 АПК РФ предоставляет истцу выбор одного из судов по месту нахождения или месту жительства любого из соответчиков. Однако иностранное юридическое лицо не имеет места нахождения на территории Российской Федерации. По этой причине буквальное толкование п. 2 ст. 36 АПК РФ в данной ситуации говорит о невозможности обращаться в суд по месту нахождения российского юридического лица. Вместе с тем, согласно п. 3 ст. 36 АПК РФ, и на второй поставленный вопрос также следует отрицательный ответ, поскольку по месту нахождения имущества возможно предъявление иска только к иностранному, а не к российскому, юридическому лицу.

Также еще одной серьезной проблемой при рассмотрении дел с участием иностранных лиц является уведомление по делу, стороной которого такое лицо выступает. В соответствии с Основными принципами независимости судебных органов, одобренных резолюциями Генассамблеи ООН от 29.11.1985 № 40/32 и от 13.12.1985 № 40/146 [3], принцип независимости судебных органов требует от них обеспечения справедливого ведения судебного разбирательства и соблюдения прав сторон.

Фундаментальным элементом такого права является своевременное и доступное для понимания уведомление участника процесса о предстоящем заседании. Отсут-

ствие надлежащего извещения лишает сторону возможности реализовать право на защиту и, согласно нормам АПК РФ (ст. 270, 288), влечет безусловную отмену вынесенного решения. Арбитражный процессуальный кодекс (ч. 1 ст. 123) устанавливает, что юридический факт извещения подтверждается получением судом доказательств вручения копии судебного акта до начала судебного заседания.

В силу ч. 3 ст. 253 АПК РФ, иностранные юридические лица, органы управления которых расположены не на территории России, извещаются о судебном разбирательстве путем направления поручения в учреждение юстиции или другой компетентный орган иностранного государства. При этом срок рассмотрения дела продлевается арбитражным судом на срок, установленный договором о правовой помощи для направления такого рода поручений, а при отсутствии в договоре такого срока или при отсутствии договора — не более чем на год.

Вопрос установления границ юрисдикции арбитражных судов при разрешении споров, затрагивающих интересы иностранных лиц, остается предметом острых научных дискуссий в рамках арбитражного процессуального права. В условиях глобализации экономики и расширения внешнеторговых связей существенно возрастает количество споров, осложненных иностранным элементом, которые передаются на разрешение арбитражных судов. В связи с этим особо важным становится четкое определение компетенции арбитражных судов по рассмотрению данной категории дел, разграничение их полномочий с полномочиями иностранных юрисдикционных органов, а также обеспечение эффективной судебной защиты прав и законных интересов участников внешнеэкономической деятельности.

Основные правила определения компетенции арбитражных судов по данной категории дел закреплены в главе 32 АПК РФ, а также в отдельных международных договорах и соглашениях. Однако абстрактный характер данных предписаний зачастую затрудняет их интерпретацию в сложных ситуациях, связанных с коллизией юрисдикций или параллельным рассмотрением исков. Недостаточная определенность правовых норм провоцирует сложности в разграничении компетенции между российскими и иностранными судами, что негативно сказывается на оперативности судопроизводства, порождает риск вынесения противоречивых вердиктов и снижает результативность правовой защиты сторон.

Определение пределов компетенции арбитражных судов при рассмотрении споров с иностранным участием неразрывно связано с доктриной юрисдикционного иммунитета. Согласно положениям ст. 251 АПК РФ, иностранные государства, действующие в качестве суверенных субъектов, пользуются судебным иммунитетом. Это означает невозможность привлечения их к процессу в качестве ответчиков или третьих лиц, а также запрет на применение обеспечительных мер и арест их имущества, расположенного в России. Тем не менее, данный иммунитет не является абсолютным: он может быть преодолен при наличии прямого согласия государства на рассмотрение спора в российском суде, либо в результате совершения им конклюдентных действий, свидетельствующих о готовности подчиниться юрисдикции РФ.

Отдельно стоит выделить категорию дел, отнесенных к исключительной компетенции арбитражных судов РФ (ст. 248 АПК РФ). К ним относятся споры о правах на недвижимость, расположенную на территории страны, а также вопросы регистрации прав и сделок с имуществом. В этих случаях российские суды рассматривают дела вне зависимости от того, кто является участником процесса.

Помимо нормативной регламентации в АПК РФ, пределы полномочий арбитражных судов по делам с участием иностранного элемента определяются и рядом международных соглашений, как двусторонних (соглашения о правовой помощи), так и многосторонних. Как отмечает профессор В. В. Ярков, «в условиях расширения международных экономических связей наиболее эффективным путем регламентации полномочий национальных юрисдикционных органов по спорам с иностранным элементом является заключение международных договоров о правовом сотрудничестве и взаимном признании актов иностранных судов». Представляется, что нормативная база, как на национальном уровне, так и в рамках международно-договорного регулирования нуждается в совершенствовании и конкретизации в целях устранения правовой неопределенности и обеспечения оптимального баланса между интересами участников внешнеэкономической деятельности.

Одной из основных проблем определения пределов полномочий арбитражных судов РФ при рассмотрении споров с участием иностранных лиц является проблема параллельных судебных разбирательств и коллизии юрисдикций. Возможности для их возникновения связаны с правом истца предъявить иск как в российский арбитражный суд, так и в суд иностранного государства, а также с действием принципа «контролируемой множественности процессов» в ряде иностранных правопорядков. В случае предъявления исков, связанных между собой по субъектному составу и основанию, в юрисдикционные органы разных государств, каждый из судов должен самостоятельно решать вопрос о своей компетенции на основании норм национального законодательства и международных соглашений. Последствиями параллельного рассмотрения споров могут стать вынесение противоречащих друг другу судебных решений и проблемы их взаимного признания и исполнения. Арбитражный суд обладает дискреционными полномочиями по оценке всех фактических обстоятельств дела, определению наиболее тесной связи спорных правоотношений и целесообразности рассмотрения спора.

Как отмечает Е. А. Гринь в своей работе, при определении международной подсудности дел с участием иностранных лиц важно учитывать необходимость обес-

печения права на судебную защиту [4]. Корректное определение компетенции российских арбитражных судов выступает залогом соблюдения процессуальных прав зарубежных контрагентов и минимизирует риски необоснованного возвращения исковых заявлений. В основе судопроизводства лежат принципы автономии воли и диспозитивности, позволяющие сторонам самостоятельно определять порядок разрешения конфликтов и применимое право. Следовательно, при проверке юридической силы арбитражных оговорок суду следует опираться на действительное волеизъявление сторон, анализируя специфику их правовой связи.

Для минимизации коллизий юрисдикций ст. 252 АПК РФ устанавливает механизм приостановки производства по делу. Если спор между теми же субъектами, по аналогичным основаниям и предмету уже рассматривается в зарубежном или третейском суде (при условии, что иск там был подан ранее), российский арбитраж вправе приостановить процесс. Данная мера направлена на соблюдение принципа процессуальной экономии и исключение дублирования разбирательств. Зачастую «параллельные процессы» в разных юрисдикциях используются как инструмент для блокировки признания и исполнения вердиктов российских судов на международной арене.

Еще одной актуальной проблемой определения пределов компетенции арбитражных судов в РФ по делам с иностранным элементом является вопрос действительности и исполнимости арбитражных и пророгационных соглашений (оговорок о подсудности). С одной стороны, в силу принципа диспозитивности стороны внешнеэкономической сделки вправе по своему усмотрению выбрать компетентный суд для разрешения споров, связанных с их деятельностью. С другой стороны, как отмечает А. И. Муранов, далеко не во всех случаях арбитражные соглашения, формально соответствующие требованиям применимого права, могут считаться действительными и подлежащими принудительному исполнению [5]. При анализе оговорок, направленных на исключение компетенции судов РФ, арбитраж обязан исследовать ряд факторов: наличие объективной связи спора с иностранной юрисдикцией, добровольность волеизъявления сторон, а также отсутствие признаков злоупотребления правом или неравенства переговорных позиций. Если соглашение признается недействительным или решение иностранного органа не может быть исполнено, российский суд вправе принять дело к своему производству, опираясь на нормы процессуального законодательства.

По моему мнению, определение пределов компетенции арбитражных судов РФ при рассмотрении споров, осложненных иностранным элементом, является весьма непростой задачей и требует системного подхода, учитывающего национальное законодательство, нормы международных договоров и фактические обстоятельства каждого конкретного дела. Для минимизации юрисдикционных конфликтов представляется необходимым совершенствование АПК РФ в части уточнения правил подсудности и механизмов взаимодействия с зарубежными судебными инстанциями. Обеспечение эффективного, справедливого и предсказуемого разрешения межгосударственных споров будет способствовать стабилизации внешнеэкономического оборота и укреплению международного правопорядка.

Литература:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 / Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. — Рим, 1950 (с изм. от 13.05.2004) — 163 с.
3. Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам. — г. Гаага, 1965–4951 с.
4. Гринь Е. А. К вопросу об определении международной подсудности /Е. А. Гринь. — Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции. — Краснодар, 2019. — 352 с.
5. Муранов А. И. Международный договорный арбитраж: учебное пособие /А. И. Муранов. — М.: Инфотропик Медиа, 2015. — 586 с.

Государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства: правовые и цифровые аспекты

Хаданович Кристина Андреевна, студент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются актуальные вопросы трансформации института государственного контроля и надзора под влиянием процессов цифровизации. Проводится анализ перехода от классических проверочных мероприятий к риск-ориентированному подходу и дистанционному мониторингу. Выявляются правовые пробелы, связанные с исполь-

зованием автоматизированных систем для выявления правонарушений. Обосновывается необходимость баланса между цифровой эффективностью контрольно-надзорной деятельности и гарантиями защиты прав подконтрольных субъектов. Особое внимание уделяется безопасности информационной среды в процессе осуществления контроля.

Ключевые слова: *государственный контроль, надзор, цифровизация, мониторинг, информационное право, цифровое государство, безопасность.*

Введение

Институт государственного контроля и надзора является неотъемлемой частью системы государственного управления, обеспечивающей законность и правопорядок в обществе. Традиционно контрольно-надзорная деятельность ассоциировалась с проведением плановых и внеплановых выездных проверок, что создавало значительную административную нагрузку на бизнес и требовало колоссальных ресурсов от государства.

Однако в последние годы под влиянием цифровых технологий и административных реформ этот институт претерпевает глубокую модернизацию. Государство переходит к модели «цифрового государства», что неизбежно меняет не только инструменты контроля, но и саму его правовую природу. Целью данной работы является научный анализ правовых и цифровых аспектов современного государственного контроля и надзора, а также выявление проблем, возникающих при внедрении цифровых инструментов в эту сферу.

1. Правовая трансформация: от тотальных проверок к мониторингу

Правовую основу современного контроля и надзора составляет Федеральный закон № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Ключевым изменением стало законодательное закрепление риск-ориентированного подхода. Суть его заключается в том, что интенсивность проверок напрямую зависит от категории риска, к которой отнесен конкретный объект. Если потенциальный ущерб от нарушения законодательства высок, проверки проводятся часто; если риск минимален — проверки минимизируются.

Кроме того, в правовом поле активно развиваются институты предостережений и профилактических визитов. Это свидетельствует о смене парадигмы: государство перестает быть исключительно карательным органом.

Особую роль в этом процессе играет мониторинг. Как справедливо отмечает М. В. Алексеева, мониторинг выступает не просто как метод сбора информации, а как полноценный научный и правовой институт, позволяющий оценивать эффективность регулирующего воздействия и фактическое состояние подконтрольной сферы [3]. В условиях цифровизации мониторинг становится основой для принятия управленческих решений, вытесняя необходимость физического присутствия инспектора на объекте.

2. Цифровые аспекты контроля и надзора

Цифровизация кардинально меняет инструментарий контрольно-надзорных органов. На смену выездным проверкам приходят дистанционные методы контроля, основанные на сборе и анализе больших данных (Big Data).

Среди ключевых цифровых аспектов можно выделить:

— **Мониторинг и сбор данных в реальном времени.** Внедрение автоматизированных систем (датчиков, камер, онлайн-касс) позволяет государству получать информацию о деятельности организаций непрерывно.

Это повышает оперативность выявления нарушений.

— **Информационные системы и реестры**. Создаются единые реестры проверок, что обеспечивает прозрачность деятельности контролеров.

— **Автоматизированная обработка данных.** Использование алгоритмов и искусственного интеллекта позволяет выявлять «зоны риска» и аномалии, которые невозможно заметить при классических проверках.

В этом контексте происходит трансформация самого государства. Как отмечают исследователи, цифровое государство требует создания новой безопасной информационной среды, где взаимодействие между органами власти и подконтрольными субъектами опосредуется информационными платформами [1]. При этом цифровизация несет в себе и угрозы национальной безопасности, что требует выработки актуальных механизмов противодействия [5].

3. Проблемы и риски цифровизации контроля (Свое мнение)

Несмотря на очевидные преимущества (снижение издержек, скорость, объективность), цифровизация контроля и надзора порождает ряд серьезных правовых и этических проблем. На мой взгляд, наиболее острой из них является проблема отсутствия прозрачности при принятии автоматизированных решений и риск нарушения конституционных прав граждан.

Когда система автоматически выписывает штраф на основе данных с камеры или датчика, гражданин или организация часто лишены возможности понять логику работы алгоритма. При классической проверке инспектор обязан составить протокол и разъяснить нарушение, а при автоматическом контроле взаимодействие сводится к «сухой» квитанции. Возникает риск нарушения принципа презумпции невиновности, если у подконтрольного субъекта не будет эффективных инструментов для оспаривания ошибок системы (например, сбоя датчика).

Кроме того, я считаю, что переход исключительно на дистанционные методы контроля таит в себе угрозу «цифрового неравенства». Крупные корпорации могут позволить себе установку дорогостоящего оборудования для передачи данных, в то время как небольшие предприятия могут быть не готовы к таким техническим требованиям. Важно, чтобы государство сохраняло возможность проведения традиционных проверок там, где автоматизация невозможна или нецелесообразна.

Также следует согласиться с мнением авторов, которые указывают на необходимость обеспечения правового аспекта формирования безопасной информационной среды [4]. Государство, аккумулируя огромные массивы данных о деятельности бизнеса и граждан, обязано обеспечить их надежную защиту от утечек, кибератак и неправомерного использования. Цифровой контроль не должен превращаться в цифровую слежку.

Заключение

Государственный контроль и надзор в современных условиях переживают этап глубокой цифровой и правовой трансформации. Переход к риск-ориентированному подходу, внедрение мониторинга и дистанционных методов сбора данных позволяют снизить административную нагрузку и повысить эффективность выявления нарушений. Однако успешная цифровизация этой сферы невозможна без решения вопросов правовой защиты подконтрольных субъектов. Будущее контрольно-надзорной деятельности — за разумным балансом между цифровыми технологиями, обеспечивающими скорость, и классическими правовыми гарантиями, защищающими права и свободы граждан и организаций.

Литература:

1. Алексеева М. В. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий / М. В. Алексеева, Е. А. Филимонова // Правовой порядок и правовые ценности. — 2024. — Т. 2, № 2. — С. 14–21.
2. Алексеева М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 16–23.
3. Алексеева М. В. Общее понятие о мониторинге как научной категории и правовом институте / М. В. Алексеева // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2015. — № 1 (18). — С. 9–14.
4. Алексеева М. В. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / М. В. Алексеева, И. А. Подройкина // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 2. — С. 24–33.
5. Алексеева М. В. Актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности / М. В. Алексеева, Е. А. Филимонова // Правовой порядок и правовые ценности. — 2024. — Т. 2, № 1. — С. 47–53.

Роль участкового уполномоченного полиции в профилактике правонарушений в семейно-бытовой сфере

Хожаева Марина Николаевна, студент
Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье рассмотрена сущность мер профилактики семейно-бытовых правонарушений. Показана роль службы участковых уполномоченных полиции в профилактике правонарушений в отношении детей и подростков. Выявлены методы общей и индивидуальной профилактической работы с семьей.

Ключевые слова: *участковый уполномоченный полиции, семейно-бытовая сфера, правонарушения, профилактика, общая, индивидуальная.*

Противодействие правонарушениям в семейно-бытовой сфере достигается комплексом мер, включающим в себя общесоциальные меры, меры экстренной помощи пострадавшим от семейного насилия, а также меры индивидуальной профилактики. Их осуществление возложено на органы внутренних дел. Обладая властными полномочиями, они призваны обеспечить охрану и защиту детей и подростков, пострадавших от семейного насилия и бытовых конфликтов.

Среди служб полиции наибольшее значение в профилактической работе с семьей имеет служба участковых уполномоченных, наиболее приближенная к населению. Перед ней стоит задача проводить профилактическую работу в отношении семей, проживающих на административном участке.

Принципами профилактической деятельности полиции в семейно-бытовой сфере являются: приоритет

прав и законных интересов граждан; законность; комплексный и согласованный подход к профилактическим мерам; открытость, постоянство, последовательность, своевременность, объективность, достаточность и обоснованность предпринимаемых действий; квалификация специалистов, ответственных за профилактику преступности; ответственность сотрудников полиции за защиту прав и законных интересов граждан.

Особенность профилактики как вида деятельности полиции состоит в особом подходе к противодействию преступности и правонарушаемости, который заключается в воздействии на криминогенные факторы и причины противоправных деяний, а не на их последствия. Для этого полиция применяет меры индивидуальной и общей профилактики.

Под общей профилактикой правонарушений в отношении детей и подростков, а также иных членов семьи следует понимать комплекс мер, применяемых участковым уполномоченным полиции, направленных на все группы противоправных деяний в сфере внутрисемейного быта и на всех лиц, находящихся на территории обслуживаемого им административного участка [1].

В обязанности участкового уполномоченного полиции при проведении общей профилактической работы с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере, входит:

– установление доверительных отношений с гражданами с целью получения информации, способствующей организации профилактической работы;

– выявление на административном участке мест, где проживают потенциальные нарушители, планирование работы с ними;

– сбор, систематизация и использование информации о данной категории лиц с целью общепрофилактического воздействия;

– проведение разъяснительной работы по склонению к добровольному лечению лиц, систематически употребляющих алкоголь, наркотические и психотропные вещества, нарушающих общественный порядок или ущемляющих законные права и интересы членов семьи [2].

Индивидуальная профилактическая работа полиции представляет собой урегулированный нормами права комплекс предупредительных контрольно-надзорных мероприятий и процедур с лицами, состоящими на профилактическом учете, реализуемых при помощи различных форм профилактического воздействия в целях недопущения правонарушений. В работе участкового уполномоченного полиции в сфере семейно-бытовых конфликтов решаются вопросы воздействия на конкретных субъектов, представляющих потенциальную опасность для членов семьи.

В индивидуальной профилактической работе с детьми и подростками, а также с другими членами семьи следует выделить несколько этапов.

Первый этап — выявление лиц, склонных к совершению правонарушений в семейно-бытовой сфере в отношении детей и подростков. Основной целью данного этапа является построение четкой системы сбора и обработки информации о лицах, склонных к семейно-бытовым конфликтам, а также о неблагополучных семьях, проживающих на территории административного участка, о состоянии детей и подростков в этих семьях. Сбор и обработка информации проводятся до постановки потенциальных нарушителей на профилактический учет.

Второй этап — изучение и анализ поведения лиц (членов семей) и негативных процессов в семье. Цель данного этапа — изучение конфликтной ситуации в семье и планирование индивидуальной профилактической работы как с нарушителем, так и с его потенциальными жертвами. Для достижения указанной цели проводится оценка совокупности всех внутренних и внешних факторов, влияющих на поведение членов семьи.

Сбор информации следует вести по следующим направлениям:

1) социально-демографический и экономический показатели существования семьи;

2) психофизические особенности личности и/или хронические заболевания (алкоголизм, наркомания);

3) условия жизни и ближайшее окружение членов семьи (судимые, психически больные и др.);

4) склонность к противоправному поведению в виде вспышек агрессии, повышенной виктимности и др. [3]

Третий этап — постановка выявленных лиц на профилактический учет. Основанием для постановки на профилактический учет лиц, совершающих правонарушения на почве семейно-бытовых конфликтов, является совокупность проверенных данных, свидетельствующих о наличии в деянии лица признаков состава правонарушения при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела либо о неоднократности совершения лицом административных правонарушений в рассматриваемой сфере. Имеются в виду факты совершения правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП или преступлений по статьям 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК.

Четвертый этап — контроль за поведением профилактируемого лица. Такая работа ведется для предупреждения возможных конфликтов, установления негативных факторов, влияющих на поведение личности в быту. Сюда же входит и работа по мотивации на позитивное отношение к окружающим.

В качестве мер профилактики могут быть использованы как меры убеждения, так и меры принуждения. Приоритетным в работе с участниками семейно-бытовых конфликтов (дети, взрослые) является метод убеждения. Он ориентирован на изменение сознания и волю людей. Этот метод актуален в перечисленных ниже ситуациях.

1. Воздействие на лиц, имеющих антисоциальные установки. В отношении них имеют успех такие меры, как социальный контроль по месту жительства, учебы, работы. В основном с ними могут проводиться профилактические беседы, им может оказываться помощь в трудоустройстве, занятости и др.

2. Профилактика в отношении лиц, совершивших противоправные поступки (правонарушения и преступления) в семейно-бытовой сфере. К мерам этого вида профилактики относятся выявление лиц, постановка на учет, осуществление в отношении них административного надзора. Как показывает практика, наиболее результативны профилактические меры, направленные на поиск и укрепление положительных черт правонарушителя и его убеждение встать на правильный путь, при этом необходимо отказаться от воздействия на низменные побуждения лица и от других видов психологического давления [4].

Убеждение является основным методом профилактического воздействия, но эта мера не всегда эффективна. В тех случаях, когда все средства убеждения и общественного воздействия исчерпаны, а угроза жизни и здоровью членов семьи сохраняется, сотрудники органов внутренних дел наделены полномочием применять меры принуждения. Они позволяют воздействовать на нарушителя в момент проявления насилия или совершения иных противоправных действий.

В качестве мер принуждения в работе участкового уполномоченного полиции могут быть применены меры административного предупреждения, административного пресечения, обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, административного наказания.

Таким образом, профилактическая деятельность участковых уполномоченных полиции позволяет предотвратить совершение преступлений и правонарушений в семейно-бытовой сфере. По содержанию она представляет собой административную деятельность по выявлению лиц, допускающих семейно-бытовые конфликты, и проведение работы с ними.

Литература:

1. Хабибова, Л. Д. Основные направления деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и профилактике правонарушений и преступлений / Л. Д. Хабибова. — Текст : непосредственный // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. — 2021. — № 2 (6). — С. 39–44.
2. Шоров, Р. З. О роли участковых уполномоченных полиции / Р. З. Шоров, А. М. Васильев. — Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 11-2. — С. 152–154.
3. Новоселов, С. А. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции : учебное пособие / С. А. Новоселов. — Тверь : Тверской гос. ун-т, 2021. — 88 с. — Текст : непосредственный.
4. Смиюха, А. Е. Некоторые аспекты деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению правонарушений на административном участке / А. Е. Смиюха. — Текст : непосредственный // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Чебоксары, 2023. — С. 320–322.

Правовые последствия вступления решения суда в законную силу в гражданском и арбитражном процессе

Шафигина Алина Ринатовна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются юридические последствия вступления судебного решения в законную силу по гражданским и арбитражным делам. Сопоставлены положения ГПК РФ и АПК РФ об определении момента вступления решения в силу, его обязательности, исключительности, преюдициальном значении и исполнимости. Рассмотрены особенности пересмотра судебных актов, различия процессуального регулирования и позиции Верховного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам судебной практики.

Ключевые слова: *законная сила решения суда, преюдиция, обязательность судебных актов, тождество исков, исполнительный лист, пересмотр судебных постановлений, правовая определенность.*

Пока не истек срок обжалования, решение суда остается актом, который вышестоящая инстанция вправе изменить или отменить. Юридическая сила появляется позднее, когда решение вступает в законную силу. С этого дня стороны теряют возможность повторно предъявить тождественный иск, установленные судом обстоятельства приобретают преюдициальное значение, а решение подлежит исполнению.

Закрытого перечня свойств законной силы процессуальные кодексы не содержат, нормы о них разбросаны по общим положениям, главам о решении и разделам об исполнении. Гражданский и арбитражный процессы расхо-

дятся в сроках обжалования, пределах преюдиции и порядке пересмотра.

Статья 209 ГПК РФ ставит наступление законной силы в зависимость от судьбы апелляционной жалобы. Если жалобу не подали, решение вступает в силу по истечении месяца со дня принятия в окончательной форме (ст. 321 ГПК РФ), а если дело рассмотрено в апелляции и решение не отменено, после апелляционного рассмотрения [2]. Восстановление пропущенного срока обжалования не прекращает автоматически исполнительные действия, уже совершенные по решению [4].

В АПК РФ схема сходна. По ст. 180 решение арбитражного суда первой инстанции вступает в силу по истечении месяца со дня принятия, а при обжаловании и сохранении в силе со дня принятия постановления апелляционной инстанции [1]. Исчисление срока апелляционного обжалования и его восстановление разъяснены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 [8].

Решения о взыскании алиментов, выплате работнику заработной платы в пределах трех месяцев и восстановлении на работе подлежат немедленному исполнению (ст. 211 ГПК РФ), а суд вправе обратить к немедленному исполнению и иные решения (ст. 212 ГПК РФ, ст. 182 АПК РФ) [1; 2]. Решения такие исполняются до вступления в силу, поэтому принудительное исполнение не всегда зависит от окончания срока обжалования.

Обязательность судебных постановлений закреплена в ст. 13 ГПК РФ и ст. 16 АПК РФ. Адресатов у норм больше, чем участников спора: вступивший в силу акт обязателен для органов государственной власти и местного самоуправления, организаций, должностных лиц и граждан на всей территории страны, и регистрирующий орган, банк или судебный пристав не вправе пересматривать выводы суда по существу. Лица, не участвовавшие в первоначальном процессе, сохраняют право на судебную защиту, если решение затрагивает их права и законные интересы. Требования к законности и обоснованности решения раскрыты в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 [9].

Исключительность выражается в запрете повторно рассматривать тождественный спор. Судья отказывает в принятии заявления по п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, возбужденное производство прекращается по ст. 220 ГПК РФ, а в арбитражном процессе действует п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ. Тождество определяется по сторонам, предмету и основанию иска. После взыскания основного долга по договору поставки кредитор вправе предъявить отдельный иск о неустойке, поскольку предмет требований другой, а повторное взыскание той же суммы с прежнего должника по прежнему основанию недопустимо. Смена правовой квалификации при тех же фактических обстоятельствах тождества не устраняет.

Одно из последствий законной силы освобождает от повторного доказывания обстоятельств, ранее установленных судом. По ч. 2 ст. 61 ГПК РФ такие факты обязательны для суда и не доказываются вновь, если в новом деле участвуют те же лица [2]. В арбитражном процессе действует ст. 69 АПК РФ: ч. 2 касается обстоятельств, установленных актом арбитражного суда, а ч. 3 придает преюдициальное значение решению суда общей юрисдикции по гражданскому делу по обстоятельствам, касающимся лиц, участвующих в деле [1].

Преюдиция охватывает факты, а их правовая квалификация в другом деле воспроизводится не всегда. Так, если суд общей юрисдикции при разделе имущества супругов установил приобретение квартиры в браке, арбитражный суд учитывает установленный факт в деле о банкротстве одного из них, а вопрос о включении квартиры в конкурсную массу решает самостоятельно. Пределы преюдиции определяются и составом участников первого процесса: лицо, не участвовавшее в деле, по общему правилу вправе представить доказательства и оспорить затрагивающие его обстоятельства.

После вступления в силу решение приводится в исполнение, исполнительный лист выдается взыскателю по ст. 428 ГПК РФ и ст. 319 АПК РФ [1; 2]. Срок его предъявления составляет три года со дня вступления акта в силу, для отдельных категорий документов ст. 21 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» устанавливает исключения. Предъявление листа к исполнению прерывает срок, тот же результат дает частичное исполнение должником [3].

Споры возникают и по поводу утраты исполнительного листа. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.06.2026 № 5-КГ26–31-К2 рассматривалось заявление о выдаче дубликата и восстановлении срока предъявления листа, причем взыскатель ссылался на неполучение документов об окончании исполнительного производства. Нижестоящие суды заявление удовлетворили, а Верховный Суд по жалобе другого кредитора указал на необходимость проверить обстоятельства утраты документа, соблюдение сроков и последствия выдачи дубликата для иных взыскателей [7].

В арбитражном процессе спор о сроке возник при исполнении мирового соглашения по делу № А56–36785/2018: нижестоящие инстанции отказали в выдаче исполнительного листа из-за пропуска срока, а заявитель ссылался на частичное исполнение обязательств должником и перерыв срока. Определением от 06.07.2026 № 307-ЭС26–3677 судья Верховного Суда РФ передала кассационную жалобу для рассмотрения Судебной коллегией по экономическим спорам, признав доводы заслуживающими внимания [6].

Законная сила не исключает изменения порядка исполнения: суд вправе отсрочить или рассрочить исполнение, изменить его способ и порядок (ст. 203 ГПК РФ, ст. 324 АПК РФ), а при отмене исполненного решения производит поворот исполнения.

Кассационная жалоба по гражданскому делу подается в течение трех месяцев (ст. 376.1 ГПК РФ), а после апелляционного рассмотрения срок исчисляется со дня изготовления мотивированного апелляционного определения [2]. В арбитражном процессе общий срок составляет два месяца со дня вступления акта в силу (ст. 276 АПК РФ) [1].

Заявление о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам по общему правилу подается в течение трех месяцев со дня их открытия или появления (ст. 394 ГПК РФ, ст. 312 АПК РФ). К вновь открывшимся относятся существенные факты, существовавшие на момент рассмотрения дела и объективно не известные заявителю. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31 отграничивает их от новых доказательств: документ, полученный стороной после окончания дела, основанием для пересмотра не служит [10].

Применение механизма пересмотра показывает Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2026). Лицо, привлеченное к субсидиарной ответственности по долгам организации, оспаривало судебный акт, на котором основывалось требование кредитора в деле о банкротстве, хотя в первоначальном споре не участвовало и возражений заявить не могло, так как уже не являлось руководителем и участником организации. Верховный Суд признал возможность защиты его интересов путем пересмотра судебного акта с учетом специальных положений законодательства о несостоятельности [5].

Позиция выходит за рамки одного банкротного спора: границы преюдиции зависят от того, имело ли заинтересованное лицо реальную возможность оспорить обстоятельства, на которые ссылается другая сторона.

Таким образом, вступление решения в законную силу закрепляет результат разбирательства, а обязательность, исключительность, преюдиция и исполнимость придают устойчивость разрешенным правоотношениям. Гражданский и арбитражный процессы регулируют названные свойства сходно, различаясь в правилах обжалования, исчислении сроков и пересмотре. В практике последних лет спорными остаются распространение преюдиции на лиц, не участвовавших в первоначальном процессе, сроки предъявления исполнительных документов и пересмотр окончательных актов. Кассационный срок по ГПК РФ и АПК РФ различается, и сближение регулирования выглядит обоснованным там, где характер судебной проверки одинаков.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
4. Федеральный закон от 01.04.2025 № 49-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации».
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2026) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.07.2026 № 18А/2026). URL: https://www.vsrf.ru/upload/iblock/255/im0z6pjily62zr3xhcy0n9fr9sipbqqb.pdf.
6. Определение Верховного Суда РФ от 06.07.2026 № 307-ЭС26–3677 по делу № А56–36785/2018. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2553282.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.06.2026 № 5-КГ26–31-К2. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2548270.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 09.12.2025) «О судебном решении».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31 (ред. от 09.12.2025) «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений».

Обеспечение законности и дисциплины в государственном управлении: научные основы и цифровые технологии

Юрко Даниил Денисович, студент
Научный руководитель: Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье анализируется, как в условиях цифровизации меняются способы обеспечения законности и служебной дисциплины в государственном управлении. Законность рассматривается как ограничение, которое право накладывает на

саму власть, а дисциплина как порядок, при котором аппарат последовательно исполняет закон. Отмечено, что информационные системы делают контроль и доступ к сведениям более действенными, однако порождают риски: решения становятся трудно проверяемыми, данные уязвимыми, а ответственность должностных лиц размывается. Выделены ключевые проблемы практики и сформулированы предложения по их смягчению.

Ключевые слова: *законность, служебная дисциплина, государственное управление, цифровая трансформация, мониторинг, доступ к информации, информационная безопасность.*

Государственное управление держится на двух опорах. Первая — законность: орган власти действует только в пределах полномочий и по установленным правилам. Вторая — дисциплина: чиновник исполняет решения, сроки и регламенты, а не собственное представление о целесообразности. Когда одна из опор слабеет, страдает гражданин: ему отказывают без оснований, не отвечают в срок или отвечают формально. Цифровизация не отменила эту проблему, но изменила условия, в которых она решается. Раньше нарушение оставляло бумажный след, который приходилось искать. Теперь значительная часть действий фиксируется в информационных системах, а часть решений готовится автоматически. В 2020 году к ведению Российской Федерации отнесли обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71 Конституции), и это можно считать признанием: цифровая среда стала предметом конституционного регулирования [6]. В статье предпринята попытка выяснить, как научное понимание законности и дисциплины работает в этой среде и какие меры нужны, чтобы технологии усиливали, а не размывали ответственность власти.

Начать стоит с основ. Конституция называет человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), а органы государственной власти и должностных лиц обязывает соблюдать Конституцию и законы (ч. 2 ст. 15). Права и свободы, согласно ст. 18, определяют смысл и применение законов и деятельность всех ветвей власти. Отсюда следует, что законность в управлении — это не только соответствие акта норме, но и проверка управленческого действия правами человека. Дисциплина при таком взгляде оказывается инструментом законности: она обеспечивает, чтобы закон исполнялся не от случая к случаю, а как рутина каждого подразделения. Поэтому и в цифровой среде дисциплина должна опираться на чёткие нормативные рамки, а не на усмотрение исполнителя.

Ключевой инструмент обеспечения законности — контроль. Закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» перевёл надзорную деятельность на принципы риск-ориентированного подхода и широкого использования информационных систем. Надзор за исполнением законов осуществляет прокуратура на основании Закона от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации», а судебную проверку гарантирует ст. 46 Конституции: решения и действия органов власти и должностных лиц можно обжаловать в суд. Но контроль эффективен лишь тогда, когда о нарушении можно узнать. Здесь на первый план выходит мониторинг, который изучают как самостоятельную научную категорию и правовой институт [2]. В управлении он применяется как систематическое наблюдение за состоянием объекта, позволяющее вовремя заметить отклонения, а не только зафиксировать итог. Для дисциплины вывод простой: хорошо настроенный мониторинг превращает контроль из реакции на жалобу в постоянную проверку.

Информация — условие и контроля, и дисциплины. Обжаловать решение, не зная его основания, нельзя; потребовать исполнения регламента, не зная самого регламента, тоже. Конституция гарантирует свободный поиск и получение информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29), а порядок доступа к сведениям о деятельности государственных органов определяет Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ. В литературе подчёркивается разрыв между провозглашённым правом и возможностью его реально осуществить: нужны организационные условия, понятные процедуры и ответственность за их нарушение [1]. Для дисциплины это значит, что открытость нельзя оставлять на усмотрение отдельных чиновников, она должна быть встроена в регламент работы с конкретным ответственным и сроком. Цифровая среда здесь даёт шанс: публикация данных на официальном сайте и электронные формы обращений делают нарушения сроков и порядка видимыми. Но есть и ловушка. Загрузить на сайт массив неструктурированных файлов — не значит обеспечить доступ. Важно не то, что информация опубликована, а то, что её можно найти, понять и использовать в споре с органом власти.

Цифровая трансформация меняет сам способ управления. Исследователи описывают переход к цифровому государству как смену модели управления, а не как появление нового инструмента [4]. Это важно, потому что привычные механизмы дисциплины рассчитаны на человека-исполнителя. Выговор можно объявить чиновнику, но нельзя «объявить» его информационной системе. Государственных гражданских служащих дисциплинирует Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: он устанавливает обязанности служащего и перечень взысканий вплоть до увольнения (ст. 57). Противодействие коррупции строится на Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Право заявителей на своевременное рассмотрение обращений гарантирует Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ, а стандарты оказания государственных услуг закреплены в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. Всё это работает, пока за каждым

действием стоит конкретное должностное лицо. Автоматизация размывает эту связь, и возникает вопрос: кто отвечает, если ошибку допустила система?

Выгоды цифровых технологий для законности очевидны. Во-первых, сокращается число личных контактов гражданина и чиновника, а значит, и поводов для злоупотреблений. Во-вторых, регламент, заложенный в программу, не позволяет пропустить этап или нарушить срок: система сама напоминает исполнителю и фиксирует просрочку. В-третьих, журналирование действий создаёт доказательную базу для служебной проверки. В-четвёртых, большие данные дают руководителю картину исполнительской дисциплины по всему ведомству, а не по отдельным жалобам.

Издержки менее заметны, но реальны. Первая — непрозрачность: если решение подготовила система, гражданину трудно понять его логику, а чиновнику — возразить ей. Формально процедура соблюдена, по существу права могут быть нарушены, например, когда алгоритм отсеивает заявителей по признаку, который закон не называет. Здесь уместно напомнить, что Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ст. 16) запрещает принимать юридически значимые решения только на основании автоматизированной обработки персональных данных, за исключениями, прямо названными в законе. Вторая — накопление данных: базы, созданные ради удобства, притягивают злоумышленников и вызывают искушение использовать сведения шире, чем было задумано. Третья — цифровое неравенство: без стабильного интернета и навыков человек получает на практике меньше прав, хотя юридически равен остальным (ст. 19 Конституции) [5]. Четвёртая — «дисциплина ради отчёта»: когда показатели цифровой системы становятся самоцелью, исполнитель добивается красивой цифры, а не результата для гражданина.

Отдельное измерение — безопасность. Закон требует защищать информацию от неправомерного доступа, уничтожения и изменения (ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), а за нарушения предусматривает дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность (ст. 17). Исследования связывают это с формированием безопасной информационной среды и противодействием угрозам национальной безопасности [3]. Для управленческой дисциплины вывод таков: соблюдение правил информационной безопасности — не техническая мелочь, а часть служебного долга. Утечка данных из-за небрежности сотрудника — такое же нарушение законности, как отказ без оснований. Но и здесь нужна мера: под лозунгом безопасности легко оправдать избыточный контроль над гражданами и над самим персоналом.

Границу допустимого задаёт ч. 3 ст. 55 Конституции: права можно ограничивать федеральным законом лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обороны и безопасности государства. В управленческой практике это принцип соразмерности: если цель достижима менее жёсткой мерой, жёсткую выбирать нельзя. Применительно к цифровому контролю это значит хранить данные не «на всякий случай», а столько, сколько нужно для услуги; собирать только необходимое; давать человеку возможность узнать, что о нём известно, и оспорить это. Судебная защита (ст. 46) работает, только если человек знает о нарушении, а автоматизированная обработка часто скрывает само вмешательство. Поэтому обязанность органа власти информировать гражданина о том, как принято решение, — не любезность, а часть механизма защиты.

Проблем в практике немало. Право не поспевает за технологиями: законодательство в цифровой сфере требует обновления и систематизации [7]. Ведомства находятся в неравных условиях: одни давно работают в цифровом контуре, другие заполняют формы вручную. Остаётся открытым вопрос об юридической ответственности за ошибки автоматизированных систем. Не хватает служащих, которые умеют работать с технологиями и помнят, что за записью в базе стоит человек.

Какие меры выглядят разумными? Упорядочить информационное законодательство и закрепить единые стандарты открытости данных о работе органов власти. Закрепить право потребовать, чтобы автоматизированное решение пересмотрел человек, и назвать должностное лицо, отвечающее за результат работы системы. Оценивать влияние крупных цифровых проектов на права граждан до их запуска, а затем наблюдать за ними в режиме мониторинга. Сохранять офлайн-каналы, чтобы цифровой путь не оказался единственным. Включить требования информационной безопасности в служебный регламент и закрепить персональную ответственность за их нарушение. Развивать цифровую грамотность как граждан, так и государственного аппарата.

Законность и дисциплина в цифровом государстве измеряются не качеством портала, а тем, остаются ли решения власти понятными, проверяемыми и соразмерными, даже если их готовят технологии. Цифровые инструменты не отменяют классических гарантий, а требуют, чтобы они действовали в новой среде. Открытость информации, служебная дисциплина и безопасность должны развиваться вместе, а не за счёт друг друга. Удастся ли сохранить такой баланс, зависит не только от законодателя, но и от повседневной практики каждого органа власти и каждого государственного служащего.

Литература:

1. Алексеева, М. В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях / М. В. Алексеева // Современное общество и право. — 2012. — № 3 (8). — С. 29–36.

2. Алексеева, М. В. Общее понятие о мониторинге как научной категории и правовом институте / М. В. Алексеева // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2015. — № 1 (18). — С. 9–14.
3. Алексеева, М. В. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / М. В. Алексеева, И. А. Подройкина // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 2. — С. 24–33.
4. Алексеева, М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 16–23.
5. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14, № 3. — С. 122–146.
6. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16.
7. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Арктический совет и научное сотрудничество в Арктике: институциональная устойчивость в условиях ограниченного участия России (2022–2026 гг.)

Хасанова Анна Александровна, студент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Научный руководитель: Сулимов Вадим Сергеевич, доктор исторических наук, профессор
Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета

В статье рассматривается, какие каналы научного и политического взаимодействия сохранились в Арктическом совете после приостановки участия большинства его членов в марте 2022 г. На основе анализа открытых документов Совета, заявлений российской стороны и научной литературы выделены три уровня взаимодействия: политический, экспертно-рабочий и научно-организационный. Показано, что на политическом уровне официальные заседания остаются приостановленными, на экспертно-рабочем работа ведётся в ограниченном виртуальном формате, а научно-организационный уровень опирается на международный договор 2017 г. Сделан вывод, что сохранение институциональных механизмов не означает подтверждения прежней интенсивности научного сотрудничества.

Ключевые слова: *Арктический совет, научное сотрудничество, научная дипломатия, Арктика, институциональная устойчивость, Россия, Соглашение 2017 г.*

Введение

Арктический совет, созданный Оттавской декларацией 1996 г., остаётся основной межправительственной площадкой диалога по ключевым для региона вопросам: охране окружающей среды, устойчивому развитию, мониторингу и научным оценкам [13]. Его формат определяют два принципа: решения принимаются консенсусом, а вопросы военной безопасности находятся вне компетенции Совета [13]. Эти принципы долгое время позволяли восьми арктическим государствам и организациям коренных народов работать вместе, не затрагивая наиболее острые политические разногласия.

В марте 2022 г. ситуация изменилась: семь государств-членов объявили о приостановке участия в заседаниях Совета и его органов [7], а в июне того же года сообщили об ограниченном возобновлении работы по проектам, не предполагающим участия России [8]. Актуальность темы определяется тем, что Совет работает в таком формате уже пятый год, и вопрос о том, какие именно каналы взаимодействия сохраняются, а какие нет, остаётся недостаточно систематизированным.

Степень изученности. Возможности и пределы Совета как института обсуждались ещё до 2022 г. [14]; научное сотрудничество в регионе рассматривалось в рамках концепции научной дипломатии, причём принятие Соглашения об укреплении международного научного сотрудничества в Арктике 2017 г. оценивалось как значимый шаг в этом направлении [11; 12]. После 2022 г. появились работы о том, возможно ли сотрудничество с Россией в Арктике [15], о положении науки в условиях паузы в работе Совета [5] и о реализации Соглашения 2017 г. в отношении России и Японии [16]. При этом сравнительное описание статуса разных каналов взаимодействия на протяжении всего периода 2022–2026 гг. в изученных нами источниках не обнаружено; это не исключает существования таких работ, так как систематический поиск в базах данных не проводился (см. «Ограничения»).

Цель исследования — определить, какие каналы взаимодействия в рамках Арктического совета и вокруг него сохраняют действие при ограниченном участии России и от чего зависит их устойчивость. Задачи: 1) описать институциональные основы Совета и научного сотрудничества; 2) составить хронологию изменения формата работы в 2022–2026 гг.; 3) сопоставить позиции России, других арктических государств, неарктических стран-наблюдателей и коренных народов; 4) классифицировать каналы по уровням и определить их статус.

Объект — Арктический совет как институт международного сотрудничества.

Предмет — устойчивость каналов взаимодействия в 2022–2026 гг. Гипотеза: устойчивость канала определяется

его уровнем (политический, экспертно-рабочий, научно-организационный) и степенью правовой формализации, а не только общим состоянием отношений между государствами.

Материалы и методы

Теоретической основой послужили понятия научной дипломатии [11; 12], институционального подхода и «арктической исключительности» (Arctic exceptionalism) как представления об Арктике как регионе, изолированном от глобальных конфликтов [15]. Использованы историко-институциональный анализ, качественный контент-анализ открытых документов и сравнительный анализ позиций четырёх групп акторов. Эмпирическую базу составили: Оттавская декларация [13]; Соглашение 2017 г. [4]; совместные заявления государств-членов 2022 г. [7; 8]; Заявление Ромсё–Тромсё 12 мая 2025 г. [9]; заявление старшего арктического должностного лица России на 14-й встрече Совета [2]; пресс-релиз Совета от 17 июня 2026 г. [6]; публичные заявления представителей МИД России [1; 3]. Хронологические рамки — март 2022 г. — октябрь 2026 г. Единицей анализа выступает «канал взаимодействия»; его статус на заданную дату определяется по документам как «действует», «ограничен» или «приостановлен».

В исследовании каналы взаимодействия разграничиваются по характеру участников, уровню принимаемых решений и степени формализации. Политический уровень включает межгосударственный диалог и заседания старших должностных лиц; экспертно-рабочий — деятельность рабочих групп и профильные консультации; научно-организационный — договорные механизмы и связанные с ними условия научного обмена. Такое разделение позволяет сопоставить формальный статус институтов с фактическими возможностями взаимодействия.

Результаты и их обсуждение

1. Институциональные основы

Арктический совет учреждён в 1996 г. как форум высокого уровня; его предшественницей была Стратегия защиты окружающей среды Арктики 1991 г. Членами являются восемь арктических государств, постоянными участниками — организации коренных народов, а наблюдателями — неарктические государства и организации. Практическую работу ведут рабочие группы: по мониторингу и оценке (AMAP), сохранению флоры и фауны (CAFF), защите морской среды (PAME), предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций (EPPR), борьбе с загрязнением (ACAP) и устойчивому развитию (SDWG). Они подотчётны комитету старших арктических должностных лиц (Senior Arctic Officials, SAO) и министрам, которые собираются раз в два года, а председательство переходит от одного государства к другому каждые два года [13].

Принципиальное значение имеет различие между правовыми формами. Решения Совета юридически не обязательны, тогда как Соглашение об укреплении международного научного сотрудничества в Арктике, подписанное 11 мая 2017 г. и вступившее в силу 23 мая 2018 г., является международным договором для восьми государств [4]. Оно заключено под эгидой Совета, но существует как самостоятельный правовой режим, что позволяет считать научное сотрудничество формально отделённым от текущих решений Совета. Именно поэтому в литературе его рассматривают как пример научной дипломатии, способной сближать позиции государств в сфере общих интересов [11].

2. Хронология изменения формата, 2022–2026 гг.

3 марта 2022 г. семь арктических государств (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, Швеция) заявили о приостановке участия во всех заседаниях Совета и его вспомогательных органов, включая проходящие в России, которая тогда председательствовала [7]. 8 июня 2022 г. они объявили об ограниченном возобновлении работы по проектам, в которых Россия не участвует [8]. В феврале 2024 г. Совет согласился возобновить виртуальные заседания рабочих групп, при этом дипломатический уровень оставался на паузе [6]. В том же 2024 г., по данным Belfer Center, Россия приостановила финансовые взносы [10]. 24 января 2025 г. официальный представитель МИД России М. В. Захарова заявила, что политический диалог в Совете по-прежнему заморожен и заседания SAO не проводятся [1].

12 мая 2025 г. в Ромсё состоялась 14-я встреча Совета, завершившаяся Заявлением Ромсё-Тромсё. В нём отмечены усилия вспомогательных органов по возобновлению работы (преамбула), одобрен план работы рабочих групп на 2025–2027 гг. и бюджет Секретариата на 2026–2027 гг. (п. 22), возобновлён пересмотр роли наблюдателей (п. 21), подчёркнута роль мониторинга и научных исследований, а также традиционных знаний коренных народов (пп. 11–13), продлён до конца 2027 г. мандат неформальной группы по оценке финансирования проектов (п. 19). Россия упомянута лишь в преамбуле — в связи с принятием к сведению инициатив российского (2021–2023) и норвежского (2023–2025) председательств [9]. В заявлении российской стороны на этой же встрече отмечено, что деятельность рабочих и экспертных групп остаётся ограниченной, а возобновление регулярных заседаний SAO, пленарных сессий и политического диалога названо условием выполнения мандата Совета; передача председательства от Дании Швеции запланирована на май 2027 г. [2]. 4 февраля 2026 г. старшее должностное лицо России В. Масленников заявил, что о возврате к полноформатной работе, включая министерские сессии, пока говорить не приходится [3]. В июне 2026 г. под председательством Дании прошли три консультации в формате пилотного проекта с участием старших должностных лиц, глав делегаций ко-

ренных народов и председателей рабочих групп; это названо первыми совместными обсуждениями с 2022 г. [6]. В опубликованном сообщении не уточняется, участвовали ли в этих консультациях представители России, поэтому делать вывод об их участии на основании данного источника нельзя.

3. Позиции групп акторов

Россия. По заявлениям российской стороны, Совет остаётся практически единственной действующей региональной структурой, но работает не в полную силу; продолжительная пауза подрывает доверие к институту. Россия настаивает на возобновлении равноправной и неполитизированной работы и указывает на преемственность приоритетов своего председательства (культурное наследие коренных народов, биоразнообразие, климат, чрезвычайные ситуации, содействие научным исследованиям) [2]. Одновременно отмечается, что полноформатная работа пока невозможна [3].

Другие арктические государства. Исходная позиция сформулирована в совместных заявлениях 2022 г.: пауза в общих заседаниях и работа только над проектами без участия России [7; 8]. Позднее акцент смещается на сохранение функционирования Совета в доступных формах — виртуальные заседания рабочих групп, план работы до 2027 г., консультации 2026 г. [6; 9]. В Заявлении Ромсё-Тромсё отдельно указано, что решения, затрагивающие управление Арктикой, принимают арктические государства (п. 9) [9].

Неарктические государства-наблюдатели. В использованных источниках отражена только процедурная сторона: возобновлён регулярный пересмотр роли наблюдателей (п. 21) [9]. Позиции отдельных наблюдателей в рамках данной работы не изучались, это направление требует дополнительного исследования.

Коренные народы. Постоянные участники входят в состав сторон Заявления Ромсё–Тромсё; в документе подчёркнута необходимость укрепления их роли в проектах и работе Совета (п. 17) и учёта традиционных знаний наряду с научными данными (п. 13) [9]. Главы делегаций постоянных участников участвовали в консультациях 2026 г. [6].

4. Каналы взаимодействия и их статус

Сопоставление документов позволяет выделить три уровня взаимодействия (табл. 1). Статус указан по состоянию на октябрь 2026 г. по использованным источникам.

Таблица 1. **Каналы взаимодействия в Арктическом совете и их статус**

Уровень	Форма	Статус	Основание
Политический	Министерские сессии, заседания SAO	Приостановлен / ограничен	Заседания SAO не проводятся [1]; полноформатная работа невозможна [3]; пилотные консультации 2026 г. [6]
Экспертно-рабочий	Рабочие и экспертные группы	Ограничен	Виртуальный формат с февраля 2024 г. [6]; план работы 2025–2027 гг. [9]; оценка российской стороны [2]
Научно-организационный	Соглашение 2017 г. и научные проекты	Формально действует	Соглашение 2017 года сохраняет правовую силу [4]; сведений о выходе из него в изученных источниках нет, фактическая интенсивность сотрудничества отдельно не оценивалась.

Различие уровней согласуется с гипотезой: наибольшие ограничения наблюдаются там, где взаимодействие требует решений государств на политическом уровне и консенсуса, а наиболее защищённым выглядит канал, закреплённый в международном договоре. Статус «ограничен» присваивается каналам, для которых документально подтверждено продолжение отдельных форм взаимодействия при отсутствии прежнего формата работы; статус «приостановлен» — каналам, для которых подтверждено прекращение регулярной деятельности; статус «формально действует» указывает на сохранение правовой основы, но не предполагает подтверждения фактической активности. Вместе с тем статус «формально действует» означает лишь отсутствие данных о прекращении договора; о реальной интенсивности научных контактов он не говорит.

Обсуждение результатов

Полученные результаты согласуются с исследованиями, в которых отмечаются ограничения научного взаимодействия после 2022 г. и необходимость различать институциональные формы сотрудничества [5; 15]. В статье сопоставлены три уровня взаимодействия и определён их документально подтверждённый статус в период 2022–2026 гг.

Исследование основано преимущественно на открытых официальных документах и научных публикациях и не включает самостоятельный анализ международного соавторства, баз данных научных публикаций или фактической реализации каждого проекта. Публичные заявления отражают позиции соответствующих сторон

и требуют сопоставления с независимыми источниками. Поэтому результаты позволяют определить институциональный статус основных каналов взаимодействия, но не дают количественной оценки масштаба сохранившегося научного сотрудничества.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что после 2022 г. Арктический совет сохранился как институт, но его функционирование стало дифференцированным: политический уровень остаётся приостановленным или ограниченным, экспертно-рабочий действует в виртуальном формате, а научно-организационный опирается на договор 2017 г. Это поддерживает гипотезу о том, что устойчивость определяется уровнем канала и степенью его формализации. Практическая значимость работы — в предложенной схеме описания статуса каналов, которую можно обновлять по мере появления новых документов. Перспективы дальнейшего исследования связаны с количественным анализом международных научных соавторств, изучением позиций неарктических наблюдателей и отслеживанием итогов председательства Дании до мая 2027 г.

Литература:

1. Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой о работе Арктического совета // РИА Новости. 24.01.2025. URL: https://ria.ru/20250124/sovet-1995251288.html (дата обращения: 20.10.2026).
2. Масленников В. Заявление старшего арктического должностного лица Российской Федерации на 14-й встрече Арктического совета. Ромсё, 12 мая 2025 г. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstreams/04434fc0-ef79–4afa-8e98-ff0f1198357b/download (дата обращения: 20.10.2026).
3. Масленников В. Интервью РИА Новости. 04.02.2026. URL: https://ria.ru/20260204/mid-2072089607.html (дата обращения: 20.10.2026).
4. Соглашение об укреплении международного научного сотрудничества в Арктике. 2017. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/e75076a2–4ff2–4de6-b08a-58034b991bf7/content (дата обращения: 20.10.2026).
5. Andreeva E. Science at Stake — Russia and the Arctic Council // Arctic Review on Law and Politics. 2023. Vol. 14. P. 112–131. DOI: https://doi.org/10.23865/arctic.v14.5455 (дата обращения: 20.10.2026).
6. Arctic Council. Arctic Council consultations move work forward. 17 June 2026. URL: https://arctic-council.org/ru/news/arctic-council-consultations-move-work-forward/ (дата обращения: 20.10.2026) (дата обращения: 20.10.2026).
7. Arctic Council. Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. 3 March 2022. URL: https://www.government.se/statements/2022/03/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/ (дата обращения: 20.10.2026).
8. Arctic Council. Joint Statement on Limited Resumption of Arctic Council Cooperation. 8 June 2022. URL: https://www.government.se/statements/2022/06/joint-statement-on-the-limited-resumption-of-arctic-council-cooperation/ (дата обращения: 20.10.2026).
9. Arctic Council. Romssa-Tromsø Statement. 12 May 2025. URL: https://www.international.gc.ca/news-nouvelles/2025/2025–05–12-arctic_council-conseil_arctique.aspx?lang=eng (дата обращения: 20.10.2026).
10. Belfer Center for Science and International Affairs. Материал о приостановке Россией финансовых взносов в Арктический совет. 2024. URL: https://www.reuters.com/world/russia-suspends-annual-payments-arctic-council-ria-agency-reports-2024–02–14/ (дата обращения: 20.10.2026).
11. Berkman P. A. et al. The Arctic Science Agreement propels science diplomacy // Science. 2017. Vol. 358, No. 6363. P. 596. DOI: https://doi.org/10.1126/science.aaq0890 (дата обращения: 20.10.2026).
12. Berkman P. A., Young O. R. Governance and environmental change in the Arctic Ocean // Science. 2009. Vol. 324. P. 339–340. DOI: https://doi.org/10.1126/science.1173200 (дата обращения: 20.10.2026).
13. Declaration on the Establishment of the Arctic Council. Ottawa, 1996. https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/bdc15f51-fb91–4e0d-9037–3e8618e7b98f/content (дата обращения: 20.10.2026).
14. Koivurova T. Limits and possibilities of the Arctic Council in a rapidly changing scene of Arctic governance // Polar Record. 2010. Vol. 46, No. 2. P. 146–156. DOI: https://doi.org/10.1017/S0032247409008365 (дата обращения: 20.10.2026).
15. Koivurova T., Shibata A. After Russia's invasion of Ukraine in 2022: Can we still cooperate with Russia in the Arctic? // Polar Record. 2023. Vol. 59. e12. DOI: https://doi.org/10.1017/S0032247423000049 (дата обращения: 20.10.2026).
16. Sergunin A., Shibata A. Implementing the 2017 Arctic Science Cooperation Agreement: Challenges and opportunities as regards Russia and Japan // Yearbook of Polar Law. 2023. Vol. 14. P. 45–75. DOI: https://doi.org/10.1163/22116427_014010004 (дата обращения: 20.10.2026).

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Влияние регулярного растягивания на гибкость человека

Байшарип Амир Даулетулы, студент
Карагандинский технический университет имени Абылкаса Сагинова (Казахстан)

В настоящее время учёба, работа и длительное сидение за компьютером могут приводить к снижению объёма двигательной активности. Всемирная организация здравоохранения рассматривает недостаточный уровень физической активности как одну из важных проблем современного здравоохранения [1]. В этих условиях актуальна задача не только сохранять основные физические качества человека, но и систематически развивать их, в том числе гибкость.

Гибкость характеризуется тем, насколько широко человек может выполнить то или иное движение. Она необходима не только спортсменам, но и в повседневных действиях. На её уровень влияют строение суставов, свойства мягких тканей, возраст и двигательный опыт. В научных исследованиях для оценки гибкости часто используют показатель ROM (range of motion) — амплитуду движений в суставе. Практически важно, чтобы амплитуда движений была достаточной для безопасного выполнения необходимых действий.

Упражнения на растягивание доступны, поскольку не требуют сложного оборудования, однако многие представления об их эффективности сложились из повседневного опыта, а не из научных данных.

При статическом растягивании мышца удерживается в растянутом положении без движения. Это один из наиболее изученных методов повышения гибкости: мета-анализ 2025 года показал, что как однократное выполнение, так и долгосрочная программа статического растягивания положительно влияют на амплитуду движений [3]. Динамическое растягивание включает контролируемые движения в суставе и часто применяется при разминке, а баллистическое характеризуется резкими быстрыми движениями. Однократное выполнение этих методов незначительно увеличивает гибкость [4]. Проприоцептивное нервно-мышечное растягивание (PNF) сочетает растягивание мышцы с её определённым сокращением; в мета-анализе 2024 года PNF и статическое растягивание показали более высокие результаты в долгосрочном повышении гибкости, чем динамические или баллистические методы [2]. Статическое и динамическое растягивание не нужно противопоставлять: динамические движения подходят для подготовки тела к тренировке, а статическое растягивание — для целенаправленного развития гибкости [4; 9].

Мета-анализ, опубликованный в Journal of Sport and Health Science в 2024 году и объединивший 77 исследований, показал, что длительные программы растягивания улучшают амплитуду движений в суставах по сравнению с контрольными условиями [2]. Мета-анализ 2025 года, охвативший 189 исследований и 6654 взрослых, также подтвердил положительное влияние статического растягивания на гибкость [3].

Объяснять эффект растягивания только «удлинением мышцы» недостаточно. После статического растягивания жёсткость мышечно-мягкотканной системы может снижаться, а переносимость пассивного растяжения повышается [5; 6]. Иначе говоря, изменение гибкости объясняется не только структурными изменениями мышцы, но и изменением восприятия растяжения. Поэтому представление «чем больнее, тем лучше» неверно: ощущение натяжения допустимо, но острая боль не является показателем результата. Высокая интенсивность может усиливать временное снижение силовых показателей [10].

Результат зависит от частоты, продолжительности, интенсивности и общего объёма растягивания, однако научная литература не указывает единой «обязательной» нормы для всех [2]. В мета-анализе 2025 года установлено, что после определённого объёма дополнительные минуты статического растягивания не обязательно дают дополнительный эффект [3].

У людей с низкой исходной гибкостью изменения могут быть выше [3], поэтому целесообразно сравнивать свой результат не с результатом другого человека, а с собственным исходным показателем. Польза растягивания не ограничена возрастом: обзор 28 исследований с участием 1936 детей и подростков показал увеличение амплитуды

движений [7], а у пожилых людей растягивание может положительно влиять на ходьбу и равновесие [8].

Растягивание не заменяет общую физическую активность: ВОЗ наряду с аэробной активностью рекомендует упражнения, укрепляющие мышцы [1]. Мнение, что растягивание предотвращает спортивные травмы, также не полностью подтверждено научными данными: систематические обзоры не доказали надёжного снижения числа травм [11; 12], поскольку на риск травмы влияют и другие факторы.

В заключение отметим, что регулярные упражнения на растягивание, особенно долгосрочные программы статического растягивания, позволяют повысить гибкость. С практической точки зрения целесообразно не начинать занятия с высокой интенсивности, постепенно расширять амплитуду движений, использовать динамическое растягивание перед тренировкой, а статическое — для целенаправленного развития гибкости, и не путать острую боль с нормальным натяжением.

Литература:

1. World Health Organization. Physical activity [Электронный ресурс]. — 2024. — Режим доступа: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/physical-activity (дата обращения: 08.10.2026).
2. Konrad A., Alizadeh S., Daneshjoo A. et al. Chronic effects of stretching on range of motion with consideration of potential moderating variables: A systematic review with meta-analysis // Journal of Sport and Health Science. — 2024. — Vol. 13, No. 2.
3. Ingram L. A., Tomkinson G. R., d'Unienville N. M. A. et al. Optimising the Dose of Static Stretching to Improve Flexibility: A Systematic Review, Meta-analysis and Multivariate Meta-regression // Sports Medicine. — 2025. — Vol. 55, No. 3.
4. Matsuo S., Takeuchi K., Nakamura M. et al. Acute Effects of Dynamic and Ballistic Stretching on Flexibility: A Systematic Review and Meta-analysis // Journal of Sports Science and Medicine. — 2025. — Vol. 24, No. 2.
5. Ingram L. A., Tomkinson G. R., d'Unienville N. M. A. et al. Mechanisms Underlying Range of Motion Improvements Following Acute and Chronic Static Stretching: A Systematic Review, Meta-analysis and Multivariate Meta-regression // Sports Medicine. — 2025. — Vol. 55, No. 6.
6. Takeuchi K., Nakamura M., Konrad A., Mizuno T. Long-term static stretching can decrease muscle stiffness: A systematic review and meta-analysis // Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports. — 2023. — Vol. 33, No. 8.
7. Chaabene H. et al. Is There a "Window of Opportunity" for Flexibility Development in Youth? A Systematic Review with Meta-analysis // Sports Medicine. — 2022.
8. Salse-Batán J., González-Devesa D., Duñabeitia I. et al. Effects of stretching exercise on walking performance and balance in older adults: A systematic review and meta-analysis // Geriatric Nursing. — 2025. — Vol. 61.
9. Cai P., Liu L., Li H. Dynamic and static stretching on hamstring flexibility and stiffness: A systematic review and meta-analysis // Heliyon. — 2023. — Vol. 9, No. 8.
10. Bryant J., Cooper D. J., Peters D. M., Cook M. D. The Effects of Static Stretching Intensity on Range of Motion and Strength: A Systematic Review // Journal of Functional Morphology and Kinesiology. — 2023. — Vol. 8, No. 2.
11. Herbert R. D., Gabriel M. Effects of stretching before and after exercising on muscle soreness and risk of injury: systematic review // BMJ. — 2002. — Vol. 325.
12. Small K., Mc Naughton L., Matthews M. A systematic review into the efficacy of static stretching as part of a warm-up for the prevention of exercise-related injury // Research in Sports Medicine. — 2008.

Физическая подготовка как составляющая профессиональной подготовки курсантов военного института

Глушков Павел Юрьевич, старший преподаватель;
Смывин Роман Викторович, преподаватель
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье рассматривается роль физической подготовки в системе профессионального становления курсантов военных институтов. На основе анализа современных исследований и опыта боевой подготовки обосновывается необходимость интеграции физической подготовки с военно-прикладными навыками и психологической устойчивостью. Выделяются ключевые направления совершенствования учебного процесса: учет опыта специальной военной операции, внедрение функциональных комплексов и индивидуализация нагрузок. Делается вывод о том, что физическая подготовка выступает не вспомогательным, а системообразующим элементом профессиональной готовности будущих офицеров.

Ключевые слова: *физическая подготовка, курсанты, военный институт, профессиональная подготовка, военно-прикладные навыки, выносливость, психологическая устойчивость.*

Профессиональная подготовка курсантов военных институтов представляет собой многокомпонентную систему, в которой физическая подготовка традиционно занимает одно из центральных мест. Однако в современных условиях изменяется не только содержание боевых задач, но и требования к физическим и психологическим качествам военнослужащих. Опыт специальной военной операции демонстрирует, что успешность выполнения задач напрямую зависит от способности военнослужащего длительное время действовать в полной экипировке, сохранять работоспособность при высоких физических и психических нагрузках, быстро принимать решения в стрессовых условиях [2].

В связи с этим возникает необходимость переосмысления роли физической подготовки в образовательном процессе военного института. Если ранее физическая подготовка нередко рассматривалась как относительно автономная дисциплина, направленная на развитие физических качеств силы, быстроты и выносливости, то сегодня она должна рассматриваться как интегративный компонент профессиональной подготовки, обеспечивающий формирование военно-прикладных двигательных навыков, устойчивости к неблагоприятным факторам боевой обстановки и готовности к самосовершенствованию.

Анализ научной литературы показывает, что физическая подготовка в военном вузе выполняет не только развивающую, но и профессионально-формирующую функцию. Как отмечают исследователи, особенности организации физической подготовки курсантов зависят от конкретной военной профессии, однако общим остается требование развития прикладных физических качеств, востребованных в профессиональной деятельности. При этом речь идет не только о силе и выносливости, но и о качествах, традиционно относимых к психологической сфере: воле, выдержке, решительности, стрессоустойчивости.

В ходе специальной военной операции наиболее востребованным качеством, по оценкам самих военнослужащих, является физическая выносливость. Именно она обеспечивает способность длительное время действовать в полной экипировке с грузом, совершать марши, атаковать передний край обороны противника и удерживать занятые позиции. Показательно, что даже простое передвижение из одной точки в другую в снаряжении требует развитых физических способностей и военно-прикладных навыков [4].

Таким образом, физическая подготовка выступает тем фундаментом, на котором надстраиваются тактические умения и боевые навыки. Без достаточного уровня физической готовности эффективное выполнение профессиональных задач становится затруднительным или невозможным.

Одной из существенных тенденций последних лет является сближение физической и психологической подготовки. Исследователи подчеркивают, что физическая подготовка в военных вузах должна быть направлена не только на физическое развитие, но и на развитие неразрывно связанных с ним психологических качеств — воли, выдержки, самообладания, стрессоустойчивости, а также духовных начал, включая морально-психологическую устойчивость и установку на самосовершенствование.

С практической точки зрения это означает, что в учебный процесс необходимо вносить элементы внезапности, опасности и риска, моделирующие реальную боевую обстановку. Многократное выполнение изученных приемов и действий в усложненных условиях способствует формированию эмоционально-волевой устойчивости и способности подавлять страх. Такой подход позволяет рассматривать физическую подготовку как средство психологической закалки, а не только как средство развития двигательных качеств.

С учетом современных требований можно выделить несколько направлений совершенствования физической подготовки курсантов.

Во-первых, это учет опыта боевых действий. Особое внимание уделяется укреплению опорно-двигательного аппарата и связок, снижению небоевых травм — вывихов, растяжений, смещений.

Во-вторых, это внедрение функциональных комплексов и новых методических подходов. Исследования показывают, что занятия с использованием элементов кроссфита оказывают более выраженное влияние на развитие функциональных возможностей организма курсантов и их силовых качеств по сравнению с традиционной системой физической подготовки. Актуальные обзоры также указывают на перспективность индивидуализации тренировочных нагрузок и использования цифровых технологий для мониторинга физического состояния обучающихся.

Несмотря на очевидные достижения, в организации физической подготовки курсантов сохраняется ряд нерешенных вопросов. К ним относятся уточнение этапов учебно-боевой деятельности и классификации воинских специальностей, разработка специализированных комплексов упражнений для различных видов и условий боевых действий, определение соотношения средств физической подготовки на разных этапах обучения.

Кроме того, остается дискуссионным вопрос о критериях эффективности физической подготовки. Традиционные нормативы (подтягивание, бег на 3 км, силовые упражнения) фиксируют уровень развития отдельных качеств, но не в полной мере отражают готовность курсанта к комплексному выполнению профессиональных задач.

Представляется, что система оценки должна включать упражнения, моделирующие реальные боевые ситуации: перемещение в экипировке с грузом, преодоление препятствий, действия в составе подразделения.

Физическая подготовка курсантов военного института не является вспомогательной дисциплиной, а представляет собой системообразующий компонент профессиональной подготовки. Она обеспечивает формирование физической выносливости как базового качества, востребованного в боевой обстановке, военно-прикладных двигательных навыков, а также психологической устойчивости и волевых качеств.

Совершенствование физической подготовки должно идти по пути интеграции боевого опыта, внедрения функциональных и ситуационных методов тренировки, дифференциации содержания в зависимости от воинской специальности и обновления критериев оценки. Только при таком подходе физическая подготовка будет в полной мере соответствовать задачам профессиональной подготовки будущих офицеров.

Литература:

1. Повышая уровень физической подготовленности // Красная звезда. — 2026. — 17 марта.
2. Физическая подготовка курсантов военных вузов с позиции соматического воспитания // Профессиональное образование в современном мире. — 2017. — № 2. DOI: 10.15372/PEMW20170223.
3. Формирование физической готовности с учетом задач различных этапов учебной деятельности // Электронная библиотека ГрГУ.
4. Актуальные аспекты физической подготовки курсантов: нормативы, специфика и новые подходы. — Zenodo, 2026.
5. Служебно-боевые задачи и физическая подготовка курсантов // Вестник СВКИ ВНГ РФ. — 2022. — № 3 (8).

Влияние утренней зарядки на самочувствие и работоспособность у студентов

Жанакова Жанель Ерлановна, студент
Научный руководитель: Швецова Мария Павловна, преподаватель
Карагандинский технический университет имени Абылкаса Сагинова (Казахстан)

В статье рассматривается влияние утренней зарядки на физическое и психологическое самочувствие студентов. Анализируются возможные изменения уровня бодрости, концентрации внимания и умственной работоспособности под воздействием умеренной физической нагрузки. Рассматриваются научные данные о пользе физической активности, её влиянии на организм и значении для формирования здоровых привычек. Особое внимание уделяется доступности утренней зарядки и возможности её включения в повседневный режим студентов.

Ключевые слова: *утренняя зарядка, студенты, физическая активность, здоровье, работоспособность, концентрация внимания, здоровый образ жизни.*

Введение

Современные студенты большую часть дня проводят на занятиях, за компьютерами и учебниками. Недостаток движения, высокая учебная нагрузка и нерегулярный режим сна могут отрицательно отражаться на самочувствии, концентрации внимания и общей активности. Продолжительное пребывание в сидячем положении также способствует снижению двигательной активности.

Одним из доступных способов поддержания физической активности является утренняя зарядка. Она не требует специального оборудования и может занимать всего 5–15 минут. Благодаря простоте выполнения упражнения можно включить практически в любой распорядок дня.

Актуальность темы обусловлена распространением малоподвижного образа жизни среди молодёжи и необходимостью формирования полезных привычек, направленных на сохранение здоровья.

Цель работы — рассмотреть влияние утренней зарядки на самочувствие и работоспособность студентов на основе научных источников.

Теоретические подходы к проблеме

Физиологический подход. Умеренная физическая нагрузка помогает организму перейти от состояния покоя к дневной активности. Движения активизируют мышцы и суставы, уменьшают ощущение скованности после сна и поддерживают общий физический тонус. Во время упражнений возрастает потребность организма в кислороде, активизируются кровообращение и дыхательная система. Это помогает организму постепенно подготовиться к дневной деятельности.

Согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, взрослым рекомендуется уделять аэробной физической активности от 150 до 300 минут в неделю. Утренняя зарядка может стать одним из способов достижения необходимого уровня двигательной активности [1].

Психологический подход. Физическая активность связана с психологическим благополучием. Утренняя разминка помогает перейти от сонного состояния к повседневным делам, может улучшать настроение и задавать более организованный ритм дня. Для студентов это важно из-за эмоционального напряжения, большого количества заданий и необходимости концентрироваться. Небольшая нагрузка может стать способом переключить внимание и уменьшить ощущение напряжения.

ВОЗ также отмечает положительную связь регулярной физической активности с психическим здоровьем и качеством сна [1].

Когнитивный подход. Особое значение для студентов имеет влияние физических упражнений на внимание и память. В систематическом обзоре Garrett и соавторов (2024), объединившем 113 исследований с участием 4390 молодых взрослых, обнаружен небольшой положительный эффект однократной физической активности на отдельные когнитивные функции, включая рабочую память, исполнительные функции и скорость реакции [2].

Это позволяет предположить, что умеренная физическая нагрузка может способствовать поддержанию умственной активности. Однако данный результат не доказывает, что короткая утренняя зарядка гарантированно повышает успеваемость.

Методология исследования

В работе применялись анализ научной литературы, сравнение и обобщение опубликованных исследований. Основу составили рекомендации Всемирной организации здравоохранения и систематический обзор научных работ о влиянии физической активности на когнитивные функции молодых взрослых.

Исследование носит теоретический характер. Анкетирование студентов и собственный эксперимент не проводились.

Основные факторы влияния зарядки на студентов

Физическое самочувствие. Лёгкие упражнения после пробуждения активизируют мышцы и суставы, подготавливая организм к дневной деятельности. Это особенно актуально для студентов, которые много времени проводят сидя. Регулярные упражнения поддерживают двигательную активность и помогают уменьшить последствия длительного пребывания в одном положении. Нагрузку следует соотносить с физической подготовкой и самочувствием.

Концентрация внимания и умственная работоспособность. Физическая активность может положительно влиять на отдельные когнитивные процессы, что важно при подготовке к занятиям, выполнении заданий и усвоении новой информации. Несложные упражнения помогают постепенно перейти от состояния покоя к активности и включить движение в утренний распорядок.

Эмоциональное состояние. Утренняя зарядка может помочь переключить внимание, уменьшить повседневное напряжение и настроиться на учебный день. Постоянное выполнение небольшого комплекса упражнений также помогает организовать начало дня и постепенно формирует ответственное отношение к собственному здоровью.

Качество сна и режим дня. Физическая активность является одним из факторов, связанных с качеством сна. Регулярные движения в течение дня помогают поддерживать естественный режим активности и отдыха. Для студентов это имеет особое значение, поскольку позднее выполнение учебных заданий, использование смартфонов и нерегулярное время отхода ко сну могут приводить к недостаточному отдыху.

При этом утренняя зарядка не заменяет полноценный сон. Для хорошего самочувствия необходимо сочетать физическую активность с достаточной продолжительностью отдыха.

Формирование полезных привычек. Регулярная зарядка помогает организовать утренний распорядок и сделать физическую активность частью повседневной жизни. Короткая зарядка может стать первым шагом к более активному образу жизни. Позже её можно дополнить прогулками, спортом и другими видами движения.

Обсуждение

Важно различать общую пользу регулярной физической активности и возможный эффект отдельной короткой зарядки. Рекомендации ВОЗ относятся к суммарной двигательной активности в течение недели, поэтому утренние упражнения следует рассматривать как один из её элементов, а не как полную замену ходьбе, занятиям спортом и другим движениям [1].

Данные обзора Garrett и соавторов указывают на небольшой положительный эффект однократной физической активности для некоторых когнитивных функций, но не позволяют сделать вывод о гарантированном улучшении учебных результатов у каждого студента [2]. Реакция на нагрузку может различаться в зависимости от физической подготовленности, самочувствия, продолжительности сна и регулярности занятий.

Поэтому комплекс упражнений должен быть посильным и не вызывать чрезмерной усталости. При плохом самочувствии или наличии ограничений по здоровью интенсивность физической активности необходимо подбирать с учётом индивидуальных рекомендаций специалиста.

Анализ научных источников показывает, что физическая активность важна для поддержания здоровья, психологического благополучия и отдельных когнитивных функций. Утренняя зарядка доступна студентам: для неё

не нужны финансовые затраты, специальное оборудование или много свободного времени. Поэтому её можно включить даже в плотное учебное расписание.

При этом эффективность зарядки зависит от её регулярности, интенсивности, физической подготовленности человека и качества сна. Нельзя утверждать, что несколько минут упражнений полностью устраняют усталость или гарантируют повышение успеваемости.

Таким образом, утреннюю зарядку можно рассматривать как дополнительный элемент здорового образа жизни, способный положительно влиять на повседневное самочувствие студентов.

Профилактика и рекомендации

Для формирования привычки к утренней зарядке рекомендуется:

1) начинать с 5–7 минут простых упражнений и постепенно увеличивать продолжительность до 10–15 минут;

2) включать ходьбу на месте, вращения плечами, лёгкие наклоны и приседания;

3) избегать резких движений и чрезмерной нагрузки, особенно сразу после пробуждения;

4) выполнять упражнения регулярно, выбирая удобное время;

5) соблюдать режим сна и полноценного отдыха;

6) сочетать зарядку с прогулками и другими видами физической активности.

Главное условие — регулярность и соответствие нагрузки индивидуальным возможностям организма.

Заключение

Утренняя зарядка является доступным способом повысить повседневную двигательную активность студентов. Она может поддерживать физическое самочувствие и эмоциональное состояние, а также способствовать активизации отдельных когнитивных функций.

Научные данные подтверждают пользу физической активности для здоровья, однако влияние именно короткой утренней зарядки на учебную успеваемость требует дальнейшего изучения.

Для поддержания хорошего самочувствия физические упражнения важно сочетать с полноценным сном, рациональным режимом дня и другими формами двигательной активности.

Включение несложных упражнений в утренний распорядок может стать полезной привычкой, помогающей студентам заботиться о здоровье и поддерживать активный образ жизни.

Литература:

1. World Health Organization. WHO guidelines on physical activity and sedentary behaviour. — Geneva: WHO, 2020. — URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789240015128 (дата обращения: 30.10.2026).
2. Garrett J., Chak C., Bullock T., Giesbrecht B. A systematic review and Bayesian meta-analysis provide evidence for an effect of acute physical activity on cognition in young adults // Communications Psychology. — 2024. — Vol. 2. — Article 82. — DOI: 10.1038/s44271–024–00124–2.

Синдром эмоционального выгорания у спортсменов: факторы риска и профилактика

Ко Диана Олеговна, студент
Научный руководитель: Смирнов Илья Андреевич, преподаватель
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье автор исследует факторы риска и направления профилактики синдрома эмоционального выгорания у спортсменов, обосновывая необходимость комплексного подхода, интегрирующего методы психической саморегуляции, психофизиологический тренинг и педагогическую работу с тренерским штабом.

Ключевые слова: *выгорание спортсменов, факторы риска, профилактика, психическая саморегуляция, комплексная программа.*

Проблема эмоционального выгорания в спорте привлекает внимание отечественных исследователей на протяжении последних лет. Современный спорт высших достижений характеризуется экстремальными психофизическими нагрузками, что создаёт предпосылки для развития хронического стресса и синдрома эмоционального выгорания у спортсменов [1]. Данный синдром проявляется в эмоциональном истощении, ци-

ничном отношении к деятельности и чувстве снижения собственной эффективности, что приводит к падению спортивных результатов, ухудшению психического и соматического здоровья, а нередко и к досрочному завершению карьеры [2]. Несмотря на признание серьёзности проблемы, практика психологического сопровождения в отечественном спорте зачастую не имеет системного подхода, ограничиваясь разовыми мерами [3]. Настоящая работа ставит целью обобщить данные российских исследований о факторах риска и обсудить практические подходы к профилактике выгорания у спортсменов.

1. Факторы риска

Ранняя специализация и тренировочные нагрузки. В работе Александрович и соавторов в числе ключевых факторов риска выгорания юных спортсменов называются ранняя специализация, чрезмерные нагрузки и ориентация на высокие достижения. Интенсификация тренировочных нагрузок и омоложение соревновательной практики становятся неотъемлемыми характеристиками системы подготовки, что создаёт предпосылки для формирования выгорания уже на ранних этапах спортивной карьеры [1].

Авторитарный стиль тренера и перфекционизм. Дезадаптивный перфекционизм и авторитарный стиль тренера рассматриваются как значимые факторы риска выгорания [4]. Жёсткий стиль взаимодействия с тренером увеличивает риск развития выгорания; данные исследований показывают, что значительная часть юных спортсменов боятся разочаровать тренера и испытывают сложности при обсуждении проблем [1].

Психоэмоциональное перенапряжение. Результаты исследований свидетельствуют о высоком уровне утомления у спортсменов: значительная доля респондентов приходят на тренировку с ощущением усталости, считают тренировки чрезмерно тяжёлыми и отмечают недостаток времени для восстановления. После тренировок значительная часть спортсменов сообщают о проявлениях раздражительности и апатии, что указывает на формирование признаков эмоционального выгорания [5].

2. Диагностика и мониторинг как условие профилактики. Эффективность профилактических мероприятий напрямую зависит от своевременного выявления начальных признаков выгорания. Это означает, что показатели психоэмоционального состояния и сплочённости коллектива могут выступать в качестве косвенных индикаторов риска и использоваться при построении мониторинговых программ. При этом, как отмечают исследователи, эмоциональная восприимчивость, уровень сознательности и способность к саморегуляции определяют динамику формирования синдрома, что обосновывает необходимость целенаправленного развития этих качеств в рамках профилактической работы [4]. Важно также учитывать, что практика психологического сопровождения в отечественном спорте зачастую не имеет системного подхода и ограничивается разовыми мерами [3], тогда как именно регулярная диагностика позволяет фиксировать изменения состояния спортсмена на ранних стадиях и своевременно корректировать тренировочный и восстановительный режим. В работе Александрович и соавторов указывается, что значительная часть юных спортсменов боятся разочаровать тренера и испытывают сложности при обсуждении проблем [1], что затрудняет выявление выгорания исключительно по самоотчётам и требует включения в диагностику наблюдения со стороны тренера и спортивного психолога. Таким образом, диагностический компонент следует рассматривать не как отдельную разовую процедуру, а как постоянную составляющую комплексной профилактики, интегрированную с методами психической саморегуляции [2] и педагогической работой с тренерским штабом [3].

2. Профилактика

Комплексные программы. Тремясов и соавторы разработали и апробировали комплексную программу профилактики и коррекции выгорания, интегрирующую психологические, психофизиологические и педагогические методы. Программа включала три взаимосвязанных блока: психологический (когнитивно-поведенческий тренинг, тренинг осознанности, техники саморегуляции); психофизиологический (тренинг с биологической обратной связью по параметрам вариабельности сердечного ритма); педагогический (работа с тренерским штабом по оптимизации тренировочного процесса и коммуникации). Результаты формирующего эксперимента с участием 42 спортсменов показали статистически значимое снижение показателей эмоционального истощения (с 28,5 до 18,2 баллов, $p<0,001$) и цинизма (с 19,1 до 11,4 баллов, $p<0,001$), а также рост профессиональной эффективности (с 25,6 до 32,8 баллов, $p<0,01$) исключительно в экспериментальной группе [3].

Методы психической саморегуляции. В числе эффективных методов профилактики выгорания в спорте рассматриваются методы психической саморегуляции, подразделяемые на три группы: способы сознательного контроля эмоциональных компонентов (дыхательные упражнения, упражнения на расслабление и напряжение); приёмы переключения внимания на ситуации, не связанные со стрессом; мотивационно-волевые техники (самоубеждение, самовнушение, самоуспокоение). Среди основных методов психической саморегуляции выделяются нервно-мышечная релаксация, идеомоторная тренировка, аутогенная тренировка и сенсорная репродукция образов.

Балинтовский метод. Ещё одним эффективным методом профилактики является «Балинтовский метод», основной задачей которого является расширение сознания участников группы, стимулирование их самопознания и реализация изменений не только в профессиональной

деятельности, но и в других областях. Метод предполагает разбор конкретных ситуаций с самостоятельным проведением аналитической работы участников; в группе запрещено давать оценки и советы. Ранее метод активно применялся в медицине, но предполагается возможность его интеграции в область спорта [2].

Организационные и социальные меры. Рыскин П. П. и соавторы подчёркивают, что симптомы эмоционального выгорания положительно коррелируют с тревожностью, агрессивностью, фрустрацией и ригидностью, а также отрицательно коррелируют с чувством групповой сплочённости. Комплексный подход, включающий организационные, психологические и социальные меры, признаётся ключевым условием успешной профилактики выгорания в спорте [4].

3. Заключение

Факторы риска выгорания у спортсменов носят многоуровневый характер и включают как тренировочные (ранняя специализация, перегрузки), так и личностные (перфекционизм) и социальные (стиль тренера, поддержка) компоненты. Наиболее подтверждённым направлением профилактики является комплексный подход, интегрирующий методы психической саморегуляции, психофизиологический тренинг с биологической обратной связью и педагогическую работу с тренерским штабом [3]. Профилактические программы целесообразно ориентировать на ранние этапы спортивной карьеры, а также на оптимизацию тренировочного процесса и коммуникации в системе «тренер — спортсмен» [1; 4].

Литература:

1. Александрович О. Ю., Тарасенко В. А., Серебренников Д. А., Карелин А. Г., Юлдашева Н. В. Проблема эмоционального выгорания юных спортсменов в условиях ориентации на высокие достижения // Социально-политические науки. 2026.
2. Особенности профилактики эмоционального выгорания в спорте и профессиональной деятельности // КиберЛенинка.
3. Тремясов М. А., Аржалова А. Н., Чубыкина С. А. Профилактика и коррекция синдрома эмоционального выгорания у спортсменов // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2026.
4. Психологические особенности проявления синдрома выгорания в профессиональном спорте // КиберЛенинка.
5. Рыскин П. П., Давыдова Е. В., Кудрявцев И. В. Подходы к оценке эмоционального выгорания профессиональных спортсменов // КиберЛенинка.

Образ тела и самовосприятие у спортсменов, занимающихся эстетическими видами спорта: анализ русскоязычных исследований

Кривоносова Валерия Сергеевна, студент
Научный руководитель: Смирнов Илья Андреевич, преподаватель
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье рассматривается проблема образа тела и самовосприятия у спортсменов, занимающихся эстетическими видами спорта, на материале русскоязычных исследований. Анализируются данные о специфике телесного самовосприятия в танцевальном спорте и художественной гимнастике, где внешность и телосложение выступают предметом судейской оценки и фактором соревновательного успеха. Обсуждаются противоречия между адаптивной функцией образа тела и рисками его искажения, а также связь уровня спортивного мастерства с адекватностью самовосприятия. Делается вывод о необходимости профилактики негативного образа тела и нарушений пищевого поведения в юношеском возрасте.

Ключевые слова: *образ тела, самовосприятие, эстетические виды спорта, танцевальный спорт, художественная гимнастика, пищевое поведение.*

Эстетические виды спорта представляют собой особую категорию соревновательной деятельности, в которой телесность спортсмена не является лишь инструментом достижения результата, но выступает непосредственным объектом оценки. В отличие от видов спорта, где результат измеряется в секундах, метрах или голах, танцевальный спорт и художественная гимнастика предполагают субъективное судейское восприятие композиции, техники и внешнего облика исполнителя. Данная специфика создает уникальную психологическую ситуацию: образ тела спортсмена становится одновременно предметом профессиональной рефлексии, фактором со-

ревновательного преимущества и потенциальным источником психологического неблагополучия.

В русскоязычной научной литературе проблема образа тела у спортсменов эстетических специализаций начала активно разрабатываться в последние годы, однако количество эмпирических исследований остается ограниченным. Наиболее систематизированные данные представлены в работах, выполненных на базе Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта. Настоящая статья обобщает имеющиеся русскоязычные публикации, посвященные восприятию тела в танцевальном спорте, и намечает перспективы сопоставления этих данных с исследованиями в области художественной гимнастики [1;2].

Образ тела как предмет психологического анализа в спорте

Понятие образа тела в отечественной психологии традиционно связывается с работами А. Н. Леонтьева о чувственной ткани сознания и исследованиями телесного опыта в русле деятельностного подхода. В прикладных спортивных исследованиях образ тела операционализируется преимущественно через субъективную оценку собственного телосложения, удовлетворенность отдельными параметрами фигуры и представления об «идеальной» спортивной форме. Как отмечают исследователи, в эстетических видах спорта эти представления формируются под воздействием не только общекультурных стандартов, но и специфических профессиональных требований: пропорций тела, длины конечностей, соотношения мышечной и жировой массы, осанки и пластики [5].

Специфическим для танцевального спорта является феномен «идеального образа», который складывается из гармоничности партнеров, визуального соответствия их индивидуальных данных и требований программы. Уже на этапе начальной подготовки юные спортсмены сталкиваются с постоянным внешним оцениванием, что способствует формированию обостренного внимания к собственной внешности и нередко приводит к искаженному восприятию тела.

Эмпирические данные: танцевальный спорт

Наиболее репрезентативное русскоязычное исследование образа тела в танцевальном спорте выполнено Е. А. Олейник и В. И. Шаровой на выборке студентов НГУ им. П. Ф. Лесгафта в возрасте 18–22 лет, специализирующихся в танцевальном спорте (классы M, S, A и ниже). Авторы использовали анонимный онлайн-опросник из 16 вопросов, направленных на выявление отношения к собственному телу, особенностей пищевого поведения и субъективных оценок партнера и себя по пятибалльной шкале [1;2].

Ключевой результат исследования состоит в том, что большинство спортсменов полагаются на образ тела в соревновательных выступлениях и считают его ключевым элементом танцевальной презентации. Вместе с тем авторы фиксируют принципиальное противоречие: однозначного ответа на вопрос, способствуют ли занятия танцевальным спортом формированию положительного или отрицательного образа тела, полученные данные не дают. Это противоречие представляется принципиально важным, поскольку оно указывает на нелинейный характер влияния спортивной деятельности на самовосприятие: в одних условиях тренировочный процесс и соревновательная практика укрепляют позитивную телесную идентичность, в других — провоцируют ее искажение [1].

Существенный вывод касается связи образа тела с уровнем спортивных достижений. Установлено, что повышение квалификации способствует более адекватному и положительному восприятию как собственного тела, так и тела партнера. Данная закономерность может интерпретироваться двояко. С одной стороны, успех подтверждает соответствие телесных параметров требованиям вида спорта, что укрепляет самооценку. С другой стороны, возможно обратное влияние: спортсмены с более адекватным самовосприятием демонстрируют большую устойчивость к соревновательному стрессу и, как следствие, достигают более высоких результатов. Лонгитюдных исследований, способных развести эти эффекты, в русскоязычной литературе на данный момент не представлено [1;3].

Отдельного внимания заслуживает проблема пищевого поведения. Авторы указывают на необходимость повышения дисциплины в питании и диетических привычках для улучшения соревновательных результатов, одновременно предупреждая о риске нездоровых стратегий снижения веса. В юношеском возрасте, когда формирование образа тела особенно уязвимо, несвоевременное выявление негативного самовосприятия может приводить к закреплению дезадаптивных пищевых паттернов. Эта проблема сближает танцевальный спорт с художественной гимнастикой, где требования к весу и пропорциям традиционно являются предметом активного обсуждения в профессиональном сообществе [1].

Художественная гимнастика: лакуна в русскоязычных исследованиях

При всей значимости полученных в танцевальном спорте результатов необходимо констатировать, что художественная гимнастика — второй классический эстетический вид — остается недостаточно охваченной русскоязычными эмпирическими исследованиями образа тела. В проанализированных публикациях ссылки на работы, выполненные непосредственно на материале художественной гимнастики, немногочисленны и носят преимущественно обзорный характер. Между тем данный вид спорта обладает выраженной спецификой: беспредметные и предметные упражнения предъявляют исключительно высокие требования к гибкости, координации и визуальной «легкости» исполнения, что формирует

особый нормативный канон телосложения, потенциально более жесткий, чем в танцевальном спорте.

Можно предположить, что механизмы формирования образа тела в художественной гимнастике имеют как общие черты с танцевальным спортом (ранняя профессионализация, публичность оценивания, акцент на внешности), так и отличия, связанные с возрастом начала специализации и пиком соревновательной карьеры. Если в танцевальном спорте многие спортсмены продолжают выступать и в студенческом возрасте, то в художественной гимнастике высшие достижения приходятся на период, когда психологическая структура образа тела еще находится в стадии активного формирования. Это делает проблему профилактики негативного самовосприятия в гимнастике особенно острой.

Заключение

Русскоязычные исследования образа тела у спортсменов эстетических видов спорта, прежде всего в танцевальном спорте, демонстрируют двойственный характер влияния профессиональной деятельности на самовосприятие. С одной стороны, образ тела выступает функциональным элементом спортивного мастерства, а рост квалификации сопровождается повышением адекватности телесной самооценки. С другой стороны, постоянное оценивание внешности и жесткие нормативные требования создают риск искажения образа тела и формирования нездорового пищевого поведения, особенно в юношеском возрасте.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: восполнение дефицита эмпирических данных по художественной гимнастике; проведение лонгитюдных исследований, позволяющих установить причинно-следственные связи между спортивным мастерством и образом тела; разработка и апробация профилактических программ, направленных на формирование позитивного самовосприятия у юных спортсменов. Решение этих задач требует междисциплинарного подхода на стыке психологии спорта, клинической психологии и педагогики физической культуры.

Литература:

1. Олейник Е. А., Шарова В. И. Образ тела и его восприятие у спортсменов, занимающихся танцевальным спортом // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2026. № 1 (251). С. 150–156.
2. Давлетова Н. Х., Тафеева Е. А. Восприятие студентами спортивного вуза образа своего тела и его влияние на наличие дезадаптивного пищевого поведения // Наука и инновации в медицине. 2023. Т. 8, № 1. С. 22–28. DOI: 10.35693/2500–1388–2023–8–1–22–28.
3. Камнева К. Ю. Исследование образа тела у современной молодежи // Современная наука: проблемы, идеи, тенденции: материалы междунар. науч.-практ. конф. Нефкамск, 2020. С. 561–568.
4. Бессонова Т. И., Пароньянц И. В. Образ тела у женщин молодого возраста // Гуманитарно-педагогическое образование. 2020. Т. 6, № 2. С. 77–84.
5. Хрупова А. Н. Представления студентов об идеале собственного тела // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 2. С. 54–64. DOI: 10.18384/2310–7235–2019–2–54–64.

Утренняя гимнастика как фактор повышения умственной и физической работоспособности студентов

Муковозова Дарья Вячеславовна, студент
Научный руководитель: Смирнов Илья Андреевич, преподаватель
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье рассматривается роль утренней гигиенической гимнастики (УГГ) в оптимизации функционального состояния организма и повышении работоспособности. Подчёркивается, что в условиях роста гиподинамии и информационных перегрузок особое значение приобретают доступные формы двигательной активности, не требующие специального инвентаря и легко встраиваемые в режим дня.

Ключевые слова: *утренняя гигиеническая гимнастика, работоспособность, умственная деятельность, гиподинамия, когнитивные функции, режим дня.*

Современный образ жизни характеризуется высокой долей статической нагрузки: студенты и офисные работники проводят за компьютером 8–10 часов в день, что сопровождается снижением мозгового кровотока, ухудшением памяти и общей умственной работоспособности. В условиях нарастающей гиподинамии особое значение

приобретают «малые формы» физической активности, доступные без специального инвентаря и легко интегрируемые в распорядок дня. Одной из таких форм является утренняя гигиеническая гимнастика — комплекс упражнений умеренной интенсивности, выполняемый после сна.

Согласно учебным пособиям по физической культуре для студентов, УГГ рассматривается как обязательный элемент режима дня, направленный на ускорение врабатывания организма и повышение общей работоспособности [4]. В методических рекомендациях подчёркивается, что цель утренней гимнастики состоит не в достижении тренировочного эффекта, а в мягкой активации физиологических систем после сна [4].

1. **Физиологический механизм действия УГГ.** Физиологический механизм действия УГГ связан с ускорением перехода организма из состояния сна в состояние активного бодрствования. Во время сна нервные клетки отдыхают, частота сердечных сокращений и дыхания снижены; выполнение упражнений после пробуждения активизирует работу кожных и мышечных рецепторов, вестибулярного аппарата, усиливает ток крови и лимфы, учащает дыхание и активизирует обмен веществ. УГГ создаёт в организме «рабочую установку», ликвидирует неблагоприятные последствия гипокинезии и подготавливает центральную нервную систему, двигательный аппарат и внутренние органы к предстоящей деятельности.

Как отмечается в учебном пособии для студентов, комплексы УГГ должны включать упражнения для всех групп мышц, упражнения на гибкость, дыхательные упражнения и обязательно упражнения на осанку; при этом не рекомендуется включать упражнения длительного статического характера и на выносливость, поскольку они могут вызвать утомление вместо бодрости [4]. Такой подход согласуется с данными о том, что умеренная утренняя нагрузка мягко активирует организм, не истощая его ресурсы [4].

2. Эмпирические данные о влиянии на умственную работоспособность. Эмпирические данные подтверждают положительное влияние УГГ на умственную работоспособность. В исследовании А. А. Синицыной и И. В. Ананьевой после четырёх недель регулярных утренних занятий в экспериментальной группе студентов наблюдалось повышение продуктивности внимания по сравнению с контрольной группой, не выполнявшей гимнастику [2]. Сходные результаты получены Д. Ю. Волковой: систематическое выполнение УГГ студентками классического университета сопровождалось снижением утомляемости и улучшением показателей физической и умственной работоспособности [1].

Зарубежные исследования также указывают на то, что утренняя физическая активность может быть более эффективной для улучшения когнитивных функций, чем аналогичная нагрузка в дневное или вечернее время. В частности, в работе F. Latino et al. утренние занятия физической активностью обеспечили наибольший прирост показателей внимания, рабочей памяти и скорости обработки информации по сравнению с полуденными и послеобеденными сессиями. В другом исследовании на подростках кратковременная высокоинтенсивная нагрузка утром приводила к ускорению реакции, сохранявшемуся в течение нескольких часов.

3. Влияние на общее самочувствие и компенсацию гиподинамии. Положительный эффект УГГ не ограничивается когнитивной сферой. Систематическое выполнение утренней гимнастики улучшает сон, аппетит, общее самочувствие, повышает настроение и активность, способствует закаливанию организма и снижению заболеваемости. Для людей с недостаточным двигательным режимом (сидячие профессии, студенты) УГГ является особенно необходимой, поскольку компенсирует дефицит движения в течение дня.

В учебных пособиях по физической культуре для вузов подчёркивается, что самостоятельные занятия физическими упражнениями, включая УГГ, являются важным средством сохранения и укрепления здоровья студентов, повышения их умственной и физической работоспособности в условиях учебной деятельности [3; 5]. При этом отмечается, что регулярность выполнения утренней гимнастики имеет большее значение, чем её продолжительность или интенсивность [4].

4. Ограничения и условия эффективности. Эффективность УГГ зависит от соблюдения ряда условий. Во-первых, комплекс должен быть подобран с учётом индивидуального состояния здоровья и уровня подготовленности; при наличии хронических заболеваний необходима консультация специалиста. Во-первых, важна регулярность: разовые занятия не дают устойчивого эффекта, тогда как систематическое выполнение в течение нескольких недель приводит к измеримым изменениям показателей внимания и самочувствия [2]. В-третьих, УГГ не заменяет полноценной тренировки и не должна рассматриваться как единственная форма двигательной активности; её роль — в создании «рабочей установки» и компенсации утренней гипокинезии [4]. Наконец, для студентов с низкой мотивацией эффективным оказывается включение УГГ в структуру учебных занятий по физической культуре или в распорядок дня общежития, что снижает барьер для начала занятий.

5. Заключение. Утренняя гигиеническая гимнастика представляет собой физиологически обоснованный и экономически доступный инструмент повышения работоспособности. Она ускоряет врабатывание, активизирует сердечно-сосудистую, дыхательную и нервную системы, создаёт положительный эмоциональный фон и улучшает когнитивные функции [1; 2]. Полученные данные свидетельствуют о том, что включение УГГ в ежедневный режим дня студента или специалиста умственного труда способствует повышению продуктивности внимания, снижению утомляемости и общему укреплению здоровья [3; 4]. Дальнейшие исследования могут быть направлены на уточнение оптимальной продолжительности и интенсивности утренних нагрузок с учётом индивидуальных биоритмов и хронотипа. В целом полученные данные подтверждают, что утренняя гигиеническая гимнастика является простым и эффективным инструментом повышения

работоспособности, доступным широкому кругу лиц без специальной подготовки и оборудования. Её систематическое включение в режим дня может рассматриваться как одно из базовых направлений профилактики утомления и поддержания умственной работоспособности студентов.

Литература:

1. Волкова, Д. Ю. Влияние утренней гимнастики на работоспособность студенток классического университета / Д. Ю. Волкова // Вестник Челябинского государственного университета, 2014.
2. Синицына, А. А. Влияние малых форм физической активности на работоспособность студентов в условиях цифровизации образования, 2026.
3. Казантинова, Г. М. Физическая культура студента: учебник / Г. М. Казантинова, Т. А. Чарова, Л. Б. Андрющенко, 2022.
4. Перов, А. П. Утренняя гигиеническая гимнастика: методические рекомендации / А. П. Перов, З. В. Барышева. — Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2022.
5. Письменский, И. А. Физическая культура: учебник для вузов / И. А. Письменский, Ю. Н. Аллянов. — Москва: Издательство Юрайт, 2022.
6. Виленский, М. Я. Физическая культура: учебник / М. Я. Виленский, В. Ю. Волков, Л. М. Волкова [и др.]. — Москва: КноРус, 2022.

Нейробиологические механизмы и эмпирические данные о влиянии физической активности на когнитивные способности

Снегирева Полина Снегирева, студент
Научный руководитель: Смирнов Илья Андреевич, преподаватель
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье рассматривается влияние физической активности на когнитивные функции, анализируются нейробиологические механизмы связи двигательной активности с памятью, вниманием и мышлением, эмпирические данные о связи занятий физической культурой с умственной работоспособностью студентов, специфика аэробных и силовых нагрузок, роль физической культуры в сохранении когнитивного здоровья в пожилом возрасте.

Ключевые слова: *физическая культура, когнитивные функции, физическая активность, память, внимание, нейропластичность, умственная работоспособность, профилактика когнитивных нарушений.*

Противопоставление телесного и умственного в образовательной традиции имеет глубокие корни. Физическая культура в массовом сознании нередко воспринимается как дисциплина, обслуживающая здоровье и физическое развитие, но не имеющая прямого отношения к интеллектуальной продуктивности. Между тем накопленные к настоящему времени данные нейрофизиологии и психологии свидетельствуют о том, что связь между движением и умственной деятельностью носит не метафорический, а вполне конкретный, измеримый характер [1; 4].

Русскоязычные исследования последних лет всё активнее обращаются к этой проблематике. Работы, выполненные на студенческих выборках, фиксируют корреляционные связи между объёмом двигательной активности и показателями внимания, памяти, скорости переработки информации [2; 5]. Однако целостного обзора, обобщающего эти данные с опорой на нейробиологические механизмы, в доступной литературе представлено немного. Настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел.

1. Нейробиологические механизмы связи движения и умственной деятельности

Ответ на вопрос о том, каким образом физическая активность влияет на мозг, требует обращения к трём взаимосвязанным процессам.

Мозговой кровоток и энергетический обмен. Во время и после физической нагрузки усиливается церебральный кровоток, повышается доставка кислорода и глюкозы к нейронам, что создаёт благоприятный обменный фон для обработки информации и закрепления памяти. Эффект носит острый характер, но при регулярных занятиях формируется устойчивое улучшение церебральной гемодинамики [1; 4].

Нейропластичность и нейротрофический фактор. Ключевую роль в долгосрочных эффектах играет нейротрофический фактор мозга — белок, стимулирующий рост и дифференцировку нейронов, укрепление синаптических связей и замедление нейродегенеративных про-

цессов. Мышечная работа запускает его синтез через механическое напряжение и обменный стресс; особенно выражен эффект при силовых нагрузках. Основная мишень фактора — гиппокамп, критически значимый для формирования новых следов памяти и пространственного обучения [3].

Нейрогенез. В отличие от долгое время господствовавшего представления о том, что нервные клетки не восстанавливаются, современные исследования подтверждают образование новых нейронов в зубчатой извилине гиппокампа взрослого мозга; физическая активность — один из наиболее мощных стимулов этого процесса [3].

2. Эмпирические данные: студенческие выборки

Наиболее репрезентативные русскоязычные данные получены на студенческих выборках: именно в этом возрасте сочетание высокой интеллектуальной нагрузки и доступной физической активности создаёт удобную модель для изучения связи.

В исследовании А. Н. Суманова (120 студентов 18–20 лет, три группы по объёму недельной активности) зафиксирована прямая корреляционная связь между объёмом двигательной активности и показателями внимания, памяти и скорости переработки информации; студенты группы высокой активности демонстрировали устойчиво более высокие результаты по всем методикам [1].

Сходные выводы содержит работа В. А. Лешкевича и А. В. Лешкевича: систематические занятия физической культурой способствуют улучшению освоения учебного материала и повышению академической успеваемости, причём речь идёт не о простой корреляции — правильно организованные занятия оказывают формирующее воздействие на когнитивную сферу [2].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о типе нагрузки. Русскоязычные исследования опровергают представление о том, что польза для мозга — прерогатива исключительно аэробных упражнений. Эксперимент в Сибирском государственном университете науки и технологий (84 студента, 18 недель) показал прирост рабочей памяти на 19 % в группе силовых тренировок, на 14 % — в аэробной, на 3 % — в контрольной; авторы связывают это с более выраженным повышением уровня нейротрофического фактора в крови участников силовой группы [3].

3. Ограничения и лакуны

Проблема причинности. Большинство русскоязычных работ носят корреляционный или квазиэкспериментальный характер. Установить, является ли физическая активность причиной улучшения когнитивных функций или люди с более высокими когнитивными способностями просто чаще выбирают активный образ жизни, на имеющихся данных затруднительно; лонгитюдных исследований крайне мало [2; 5].

Проблема дозировки. Вопрос о частоте, интенсивности и продолжительности занятий остаётся открытым. Работа с субмаксимальными весами (85–95 % от однократного максимума) сопровождается мощным выбросом катехоламинов, который краткосрочно может подавлять когнитивные процессы непосредственно после тренировки: «больше» не обязательно означает «лучше» [3].

Возрастная специфика. Большинство работ выполнено на студенческих выборках; вопрос о том, в какой мере закономерности воспроизводятся у школьников, людей зрелого и пожилого возраста, остаётся недостаточно изученным [4; 5].

4. Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, связь между физической активностью и когнитивными функциями имеет прочную нейробиологическую основу: усиление мозгового кровотока, стимуляция синтеза нейротрофического фактора и нейрогенеза в гиппокампе создают материальный субстрат для улучшения памяти, внимания и исполнительных функций [1; 3]. Во-вторых, эмпирические данные согласуются с общемировой тенденцией: регулярные занятия физической культурой связаны с более высокой умственной работоспособностью, причём и аэробные, и силовые нагрузки демонстрируют измеримый положительный эффект [2; 3; 5]. В-третьих, физическая активность сохраняет защитное значение в пожилом возрасте, выступая управляемым фактором риска возрастного снижения познавательных способностей и деменции [4]. В-четвёртых, сохраняется существенный дефицит лонгитюдных и экспериментальных исследований, способных подтвердить причинно-следственный характер выявленных связей.

Практическое следствие очевидно: физическая культура не должна рассматриваться как дисциплина, отвлекающая время от интеллектуальной подготовки. Напротив, она выступает фактором, потенциально усиливающим когнитивный ресурс обучающегося и сохраняющим его на протяжении жизни. Пересмотр этого отношения — как на уровне образовательных программ, так и на уровне индивидуальных стратегий подготовки к экзаменационным сессиям и организации здорового старения — представляет собой перспективную задачу, решение которой требует совместных усилий педагогов, психологов и физиологов.

Литература:

1. Суманов А. Н. Влияние регулярных занятий физической культурой на умственную работоспособность студентов // Вестник науки. 2026. № 4 (97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-regulyarnyh-zanyatiy-fizicheskoy-kulturoy-na-umstvennuyu-rabotosposobnost-studentov

2. Лешкевич В. А., Лешкевич А. В. Влияние физических нагрузок на повышение когнитивных способностей студентов // Наука и образование. 2024. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-fizicheskih-nagruzok-na-povyshenie-kognitivnyh-sposobnostey-studentov
3. Барсукова К. С., Кириллова В. И. Влияние регулярных силовых физических нагрузок на когнитивные функции и успеваемость // Вестник науки. 2026. № 6 (99). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-regulyarnyh-silovyh-fizicheskih-nagruzok-na-kognitivnye-funktsii-i-uspevaemost
4. Влияние физической культуры на когнитивные функции и эмоциональный статус / А. Д. Мощенков, В. Б. Харитонов, Т. Н. Акулова и др. // Успехи в химии и химической технологии. 2021. № 11 (246). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-fizicheskoy-kultury-na-kognitivnye-funktsii-i-emotsionalnyy-status
5. Новикова А. И., Попова М. А. Влияние занятий физической культурой на академическую успеваемость студентов // Вестник науки. 2026. № 5 (98). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zanyatiy-fizicheskoy-kulturoy-na-akademicheskuyu-uspevaemost-studentov

Анализ травматизма на тренировках по легкой атлетике и способности спортсменов оказать первую помощь при травме конечности

Стрюкова Светлана Вячеславовна, преподаватель;
Лешукова Татьяна Алексеевна, преподаватель;
Бритвин Виктор Васильевич, преподаватель
Архангельский медицинский колледж

При нарушении определенных правил безопасности во время проведения тренировочных занятий по легкой атлетике на улице или в легкоатлетическом манеже возможны получение травм. Уметь оказать первую помощь при травмах опорно-двигательного аппарата должен каждый участник тренировки для уменьшения риска возникновения осложнений.

Ключевые слова: *легкая атлетика, тренировка, травматизм, первая помощь.*

Лёгкая атлетика — массовый вид спорта, способствующий всестороннему физическому развитию человека. Он объединяет жизненно важные движения человека (бег, ходьба, прыжки, метания) [1].

В Архангельском медицинском колледже проводятся тренировки по легкой атлетике, мы готовим наших студентов к бегу на короткие и средние дистанции. Тренировки проходят в легкоатлетическом манеже, а также девушки самостоятельно тренируются на улице. Бег на различные дистанции — очень активная деятельность и порой связана с рядом опасных ситуаций, требующих от человека хорошего здоровья, рационального подхода и соблюдения мер безопасности, присущих данному виду спорта. Так как пренебрежение этими мерами безопасности могут привести к травмам. Как известно травмы приводят спортсмена к потере трудоспособности и здоровья. Травмы характерные для бегунов на различные дистанции:

– Повреждения мышечных волокон мышц задней поверхности бедра;
– Разрывы и отрывы ахиллова сухожилия;
– Растяжение связок голеностопного и коленного суставов;
– Ушибы; ссадины;
– Переломы костей при падениях;
– Ранения голеней шипами легкоатлетической обуви.

Актуальность работы обусловлена тем, что уровень травматизма в легкой атлетике высок, а своевременно оказанная первая помощь при травмах снижает риск тяжелых осложнений после повреждений опорно-двигательного аппарата.

Цель — анализ травматизма на тренировках по легкой атлетике и способности оказать первую помощь при травме конечности.

Задачи: Провести анкетирование среди спортсменов, статистическую обработку данных. Дать алгоритм оказания первой помощи при травмах.

Гипотеза — спортсмены понимают причины травматизма, способны оказать первую помощь при травмах конечностей.

Анкетирование проводилось среди студенток Архангельского медицинского колледжа, занимающихся в секции легкой атлетике, опрошено 50 девушек. Также на анкету ответили участники клуба любителей бега «Гандвиг» — 12 человек. Всего в опросе приняло участие 62 человека из них 6 человек мужского пола.

Возраст большинства респондентов (82 %) от 16 до 25 лет, но есть респонденты старше 40 лет.

По ответу на вопрос «Как долго Вы занимаетесь легкой атлетикой?» мы можем сказать, что среди респондентов есть как опытные спортсмены 18 человек (29 %), так и «новички» — 44 человека.

Больше половины респондентов 42 человека предпочитает заниматься 1–2 раза в неделю, но есть спортсмены, которые тренируются по 3–4 раза в неделю 12 человек (19 %), а 8 человек (12 %) имеют тренировки 5–6 раз в неделю.

Большая половина опрашиваемых легкоатлетов 36 человек тренируются в зале или манеже. Остальные 26 человек совмещают тренировки в зале и на улице.

38 респондентов (62 %) получали спортивные травмы во время тренировок или соревнований.

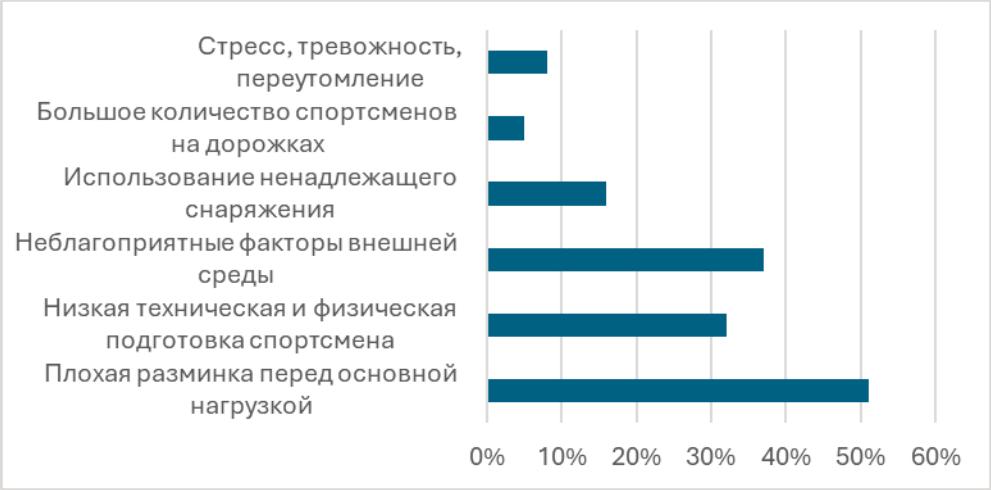

Рис. 1. **Ответ на вопрос «С чем вы связываете травмы?»**

По мнению респондентов, наиболее частые причины травматизма — плохая разминка перед основной работой, факторы внешней среды (дождь, снег, гололед и т. д.) и неудовлетворительная техническая и физическая подготовленность самого спортсмена (рис.1).

Иногда травмы происходят из-за пренебрежения использования средствами защиты. Мы выяснили при ответе на вопрос «Какие средства защиты спортсмены используют во время тренировок» только 22 человека из 62 применяют тейпы, бинты, фиксаторы на конечности.

На вопрос «Кто должен оказывать первую помощь на тренировках?» большинство 52 человека (83 %) полагаются на тренера, 14 спортсменов (22,5 %) ждут помощи от друга, и 16 респондентов надеются на скорую медицинскую помощь. Помочь себе самостоятельно могут 11 % опрошенных (Рис.2).

Умеют оказывать первую помощь при травмах конечностей лишь 6 человек из опрошенных (9,6 %), половина респондентов ответили «скорее — да», не уверены в своих силах по оказанию первой помощи 20 спортсменов (32,2 %), и не владеют навыками оказания первой помощи -5 человек.

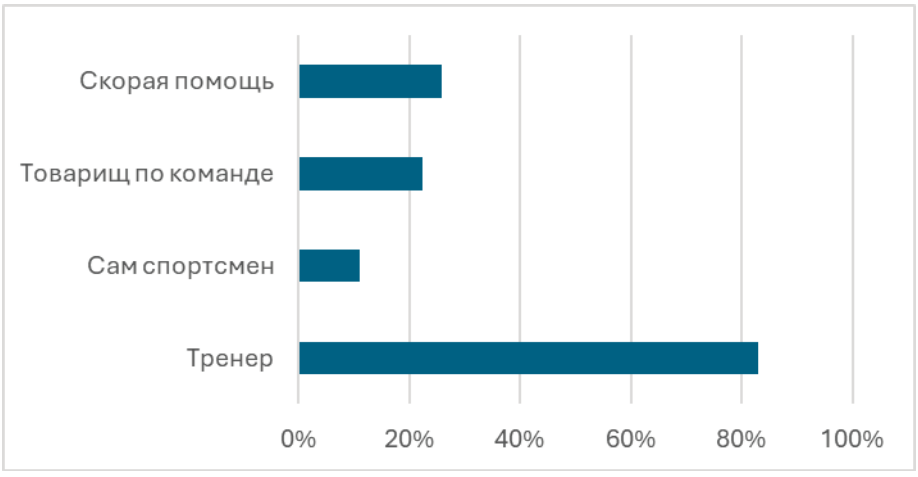

Рис. 2. **«Кто должен оказывать первую помощь при травмах на тренировках?»**

Вывод: большинство опрошенных спортсменов получали спортивные травмы, не все знакомы с алгоритмом оказания первой помощи и способны вовремя оказать первую помощь при травмах себе или партнеру по команде. Таким образом мы опровергаем поставленную выше гипотезу.

Как известно, первая помощь — это комплекс простых, но жизненно важных действий, которые может выполнить любой человек, даже не имеющий медицинского образования. Её главная цель — стабилизировать состояние пострадавшего до прибытия профессионалов. Тогда как первую медицинскую помощь оказывают лица, прошедшие специальное обучение и получившие соответствующую квалификацию. Это может быть медработник, спасатель или сотрудник, прошедший курсы по оказанию первой медицинской помощи.

Мы предлагаем алгоритм оказания первой помощи при травмах. В правилах оказания первой помощи есть аббревиатура — ***ПЛДП***. Лечение этим методом должно производится, как только произошло повреждение.

Покой. После того как почувствовали боль немедленно прекратите тренировку. Рекомендуется иммобилизация конечности подручными средствами.

Лёд. Следующим этапом лечения является криотерапия — охлаждение места повреждения. Применение холода значительно снижает степень воспалительного процесса, уменьшает отёк, болезненные ощущения. Холод применяется по 20 -30 мин с интервалами 45 мин в первые сутки и по 20 мин с интервалом 1–2 часа в последующие 2 суток.

Давление. Для уменьшения отёка к травмированной зоне приложите давление в виде повязки. Раннее бинтование способствует стабилизации тканей и уменьшает микрокровоизлияние.

Положение возвышенное. Важно держать место повреждения в приподнятом положении первые двое суток для уменьшения отечности тканей. Удобнее всего использовать для ног высокую подушку, а для рук специальную повязку [2].

Литература:

1. Жилкин А. И. Легкая атлетика: учеб.пособие для студ.высш.уч.заведений / А. И. Жилкин, В. С. Кузьмин, Е. В. Сидорчук — М.: «Академия», 2022. — 464 с.
2. Яшин В. Н. Первая помощь при травмах и нечастных случаях [Электронный ресурс] / В. Н. Яшин // Медицинская сестра. — 2009. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-meditsinskaya-pomosch-pri-travmah-i-neschastnyh-sluchayah/viewer (Дата обращения 09.10.2026).

Лыжная подготовка военнослужащих: проблемы и направления исследований

Шишков Александр Сергеевич, преподаватель
Военная академия РВСН имени Петра Великого, филиал в г. Серпухове Московской области

Рассмотрено место лыжной подготовки в системе физической подготовленности военнослужащих. На основе Наставления и учебно-методической литературы выделены проблемы сезонности занятий, различий исходных навыков и оценки учебного результата. Предложены вопросы для изучения связи техники и выносливости, дифференциации заданий и организации наблюдений. Описаны условия сопоставления результатов и ограничения обзорного подхода. Предложения требуют проверки в учебных группах.

Ключевые слова: *лыжи, военнослужащие, выносливость, техника, методика, контроль.*

Введение. Физическая подготовка военнослужащего не ограничивается выполнением контрольных упражнений. Ее назначение состоит в поддержании двигательной готовности, необходимой для повседневной службы и выполнения профессиональных обязанностей. В этом отношении лыжная подготовка представляет интерес как средство развития выносливости, координации движений и способности распределять усилия при продолжительной работе. В отличие от занятий в спортивном зале она требует учитывать рельеф, состояние снежного покрытия и необходимость владеть специальной техникой передвижения.

Нормативной основой рассмотрения вопроса выступает Наставление по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 20 апреля 2023 г. № 230. В нём предусмотрены как лыжная гонка на 5 км (упражнение № 27), так и марш-бросок на лыжах на 5 км (упражнение № 44) [1]. Наличие этих упражнений показывает, что лыжная подготовка связана не только с массовой физической культурой, но и с установленной системой военно-прикладных двигательных умений. Вместе с тем наличие нормативов само по себе не

раскрывает, какие способы обучения наиболее результативны для военнослужащих с различным опытом.

Цель статьи — определить методические проблемы лыжной подготовки в военном вузе и сформулировать вопросы для их исследования. Работа носит обзорно-аналитический характер: нормативные требования сопоставляются с положениями учебно-методической литературы. Собственный педагогический эксперимент не проводился.

Лыжная подготовка как учебная задача. По нашему мнению, для полноценного освоения лыжной подготовки недостаточно ориентироваться только на время прохождения дистанции. Итоговый результат зависит сразу от нескольких составляющих: функциональной подготовленности, технической грамотности, умения выбирать темп и условия трассы. В учебнике Т. И. Раменской и А. Г. Баталова техника лыжных ходов, методика обучения и организация тренировочного процесса рассматриваются как взаимосвязанные стороны подготовки [2]. Поэтому ускорять прохождение дистанции, не формируя рациональные движения, педагогически не всегда оправданно.

Для начинающего обучающегося значимым результатом может быть устойчивое скольжение, согласованная работа рук и ног, уверенное выполнение поворота и торможения. Для более подготовленного — способность сохранять выбранную технику на подъёме, равномерно проходить маршрут и контролировать усилие. Если объединить этих военнослужащих в одну группу и оценивать только по общему времени, различия в качестве обучения останутся незаметными. Здесь возникает первая проблема: как совместить единые требования контроля и разные исходные возможности обучаемых.

Проблемы организации занятий. Первая проблема связана с продолжительностью снежного периода и изменчивостью условий. Лыжные занятия зависят от наличия пригодной трассы, состояния инвентаря, погоды и возможности организовать движение группы. Даже в пределах одного сезона характеристики покрытия могут существенно меняться. Из этого следует необходимость исследовать не только объём занятий на снегу, но и то, какие предварительные упражнения позволяют сохранить последовательность обучения при временном отсутствии снежного покрова.

Вторая проблема — различия в исходной подготовленности. Одни курсанты знакомы с лыжными ходами со школы, другие впервые систематически осваивают технику уже в военном вузе. При одинаковом объёме задания первые могут получать главным образом нагрузку на выносливость, а вторые — тратить значительную часть сил на сохранение равновесия и координацию. Общедидактический принцип доступности, представленный в теории физической культуры, предполагает соотнесение сложности задания с возможностями занимающегося [3]. Практически это означает необходимость входной оценки техники и последующего распределения обучающих задач по уровню освоения.

Третья проблема — соотношение учебной и тренировочной нагрузки. В календаре курсанта физическая подготовка существует одновременно с теоретическими занятиями и другими обязательными видами деятельности. При этом лыжная тренировка включает не только преодоление дистанции, но также подготовку инвентаря, объяснение упражнений, перемещение к месту занятия и восстановление. Теория спортивной подготовки подчёркивает значение согласования нагрузки и восстановления [4]. Применительно к курсантам следует исследовать, как чередование интенсивных и технических занятий отражается на освоении движений, не нарушая общего режима обучения.

Безопасность занятий зависит от состояния маршрута и инвентаря, погоды, подготовленности участников и соблюдения порядка движения. Для исследования представляет интерес организация группы: сколько времени курсант непосредственно отрабатывает движение, как руководитель наблюдает за выполнением и в какой момент исправляет ошибку. Эти условия следует описывать вместе с содержанием упражнений.

Направления дальнейших исследований. В таблице 1 сопоставлены проблемы организации занятий, доступные наблюдению признаки и вопросы, которые можно проверить в учебной группе.

Таблица 1. **Проблемы лыжной подготовки и предлагаемые исследовательские вопросы**

Проблемная область	Наблюдаемый аспект	Вопрос для исследования
Разный начальный уровень	Качество базового скольжения и устойчивость	Повышает ли разделение по уровню качество освоения техники?
Ограниченный снежный период	Преемственность упражнений до выхода на лыжню	Какие предварительные задания помогают переносу навыка?
Нагрузка и восстановление	Чередование технической и интенсивной работы	Как выстроить занятия без излишнего утомления?
Контроль подготовки	Техника, темп, результат дистанции	Какие показатели дополняют нормативную оценку?
Изменчивость трассы	Профиль маршрута, состояние покрытия	Как учитывать условия при сравнении результатов?

Источник: составлено автором на основе [1–5].

Дифференциацию по исходному уровню можно изучать, сравнивая группы с близкими начальными навыками и разной организацией обучения. Для наблюдения подходят устойчивость лыжного хода, число технических ошибок в стандартном задании и сохранение равновесия при изменении рельефа. Такое сравнение позволит проверить, помогает ли подбор заданий по уровню быстрее освоить конкретное движение.

Второе направление — изучение связи между обучением технике и развитием выносливости. В реальной практике эти процессы протекают одновременно, но для анализа полезно разделять их показатели. Например, изменения времени прохождения одинакового участка не следует автоматически объяснять улучшением работы сердечно-сосудистой системы: на результат способна повлиять и более экономная техника. Методика лыжного спорта даёт основание рассматривать технический компонент отдельно от тренировочного [2; 5].

Третье направление — поиск способов подготовки к снежному периоду. Имитационные движения, упражнения на координацию и общую выносливость могут включаться в занятия до выхода на лыжню. Однако исследовательский вопрос состоит не в том, полезны ли они вообще, а в том, какие комбинации упражнений помогают быстрее осваивать определённые технические элементы и насколько устойчиво сохраняется этот результат при выходе на снег. Проверить такое предположение можно сравнением групп при одинаковых условиях последующего лыжного занятия.

Четвёртое направление связано с системой контроля. Нормативные упражнения должны оставаться самостоятельным элементом оценки в установленном порядке [1]. Одновременно в рамках учебного наблюдения можно фиксировать посещаемость, технические ошибки, выполнение заданий на отдельных участках трассы и субъективную оценку тяжести нагрузки. Эти данные предлагается использовать для анализа процесса обучения, а не для подмены действующих нормативов авторскими критериями.

При сравнении занятий необходимо фиксировать длину и профиль маршрута, состояние снега, тип задания и время его выполнения. Иначе изменение результата трудно отделить от влияния условий трассы. Для такой работы достаточно наблюдений в обычной учебной группе, если порядок регистрации показателей остаётся одинаковым.

Построение проверки гипотез. Если перечисленные вопросы станут основой практической исследовательской работы, начинать следует с точного описания учебной ситуации. Необходимо отдельно указать состав группы, уровень предварительного владения лыжами, наличие опыта спортивных занятий, характеристики маршрута и порядок проведения занятия. Затем следует выбрать ограниченное число показателей: например, выполнение двух технических элементов, устойчивость темпа на одинаковом участке и соблюдение порядка движения. Чем понятнее критерии, тем легче преподавателю и самим курсантам объяснить, что именно изменилось в процессе подготовки.

Особое значение имеет повторяемость наблюдений. Первое знакомство с трассой, непривычный инвентарь или свежее снежное покрытие способны влиять на результат независимо от качества выбранной методики. Поэтому единичное улучшение времени не должно считаться доказательством эффективности нового комплекса упражнений. Более содержательный материал могут дать наблюдения на нескольких занятиях, описанные по единой форме. Разумеется, исследовательские действия не должны препятствовать плановой подготовке или создавать дополнительные небезопасные нагрузки.

Обратная связь от курсантов может дополнить наблюдения руководителя. После задания полезно выяснить, какое движение вызвало затруднение и что осталось непонятным в объяснении. Ответы следует сопоставлять с фактическим выполнением: ощущение лёгкости не всегда означает правильную технику. Расхождение между самооценкой и наблюдением поможет выбрать упражнение для следующего занятия.

Методические ограничения. Обзор позволяет сформулировать исследовательские вопросы, но не установить эффективность предложенных решений. Для проверки нужны исходные и повторные измерения, сопоставимые группы и заранее определённые критерии. Единичный контрольный старт недостаточен: его результат зависит также от состояния трассы и обучающегося.

Практическая задача исследования — установить, какие изменения в организации занятия помогают устойчиво осваивать технику. Время на дистанции следует рассматривать вместе с качеством движений, характером ошибок и соблюдением порядка работы группы.

Выводы. Лыжная подготовка является частью физической подготовленности военнослужащих и требует совместного решения нормативных, технических и организационных задач. Наиболее значимыми для дальнейшего изучения представляются дифференциация по исходному уровню, связь техники с выносливостью, организация занятий при ограниченном снежном периоде и многосторонняя оценка учебного результата. Их исследование должно опираться на сопоставимые условия наблюдения и не подменять требования действующего Наставления.

Литература:

1. Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны Российской Федерации от 20.04.2023 № 230 (ред. от 08.12.2025; зарегистрирован Минюстом России 20.06.2023, № 73917). — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450143/ (дата обращения: 11.10.2026).

2. Раменская, Т. И. Лыжные гонки: учебник / Т. И. Раменская, А. Г. Баталов. — Москва: Буки Веди, 2015. — 564 с. — ISBN 978–5–4465–0533–3.
3. Теория и методика физической культуры: учебник / Ю. Ф. Курамшин, В. И. Григорьев, Н. Е. Латышева [и др.]; под ред. Ю. Ф. Курамшина. — 4-е изд., стер. — Москва: Советский спорт, 2010. — 463 с. — ISBN 978–5–9718–0431–4.
4. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения: учебник: в 2 кн. / В. Н. Платонов. — Киев: Олимпийская литература, 2015. — Кн. 1. — 680 с. — ISBN 978–966–8708–89–3.
5. Раменская, Т. И. Лыжный спорт: учебник / Т. И. Раменская, А. Г. Баталов. — Москва: Физическая культура, 2005. — 320 с. — ISBN 5–9746–0009–6.

6

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (647) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 11.11.2026. Дата выхода в свет: 18.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.